

Ю.В. Антонова

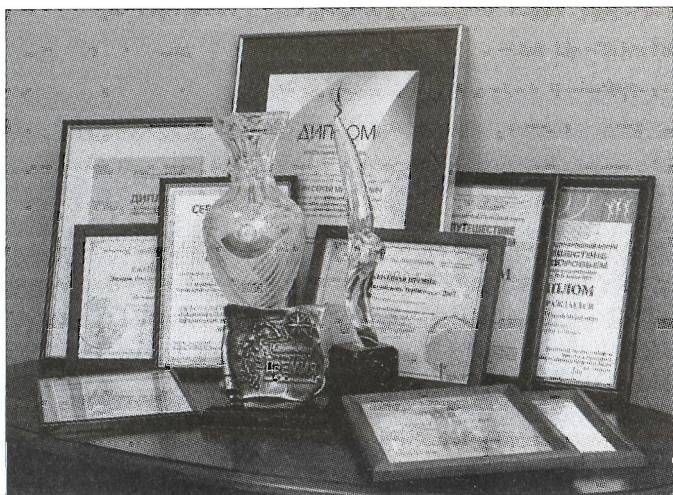
ЗАМКИ И КРЕПОСТИ ШВЕЦИИ И ФИНЛЯНДИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ®

С 2001 года издательство «Вече» выпускает книги серии **«Исторический путеводитель»** — уникальное научно-популярное издание для туристов, путешественников и любителей истории. С 2010 года издательство начинает выпуск приложений к серии «Исторический путеводитель»: «Дорогами великих», «Города и страны», «Путешествие за здоровьем», «Мир увлечений».

Серия «Исторический путеводитель»:

лауреат премии «Лидер российского турбизнеса» за 2001 г., отмечена дипломом IV Международного форума «Путешествие за здоровьем» за успешное раскрытие темы «Путешествие за здоровьем» — 2002 г.,

награждена дипломом V Международного форума «Путешествие за здоровьем» — за пропаганду путешествий за здоровьем — 2003 г.,

награждена дипломом конкурса «Хрустальная ладья» ГАО Москва как «Лучший партнер 2004 года по информационному обеспечению гостиничного дела»,

лауреат специальной премии «Хрустальная ладья» ГАО Москва — 2005 г. «За многолетнюю плодотворную деятельность по информационной поддержке гостинично-туристического комплекса»,

лауреат Национальной Туристической премии им. Ю. Сенкевича — 2009 г. за лучшую публикацию о туризме и путешествиях по России.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ®

ЗАМКИ И КРЕПОСТИ ШВЕЦИИ И ФИНЛЯНДИИ

Москва
«Вече»
2010

УДК 908
ББК 26.89+(4Шве)+(4Фин)
А72

*С.М. Буркин
Vladimir S. Kalin*

Антонова, Ю.В.

А72 Замки и крепости Швеции и Финляндии / Ю.В. Антонова. — М.: Вече, 2010. — 320 с. : ил. / Автор идеи и проекта С.М. Буркин. — (Исторический путеводитель).
ISBN 978-5-9533-4204-9

Когда говорят о дворцах и замках, редко вспоминают о таких странах, как Швеция и Финляндия. Это не справедливо: здесь сохранились и величественные руины повидавших немало отчаянных схваток крепостей, и суровые средневековые борги, и романтические дворцы.

В предлагаемой вашему вниманию книге рассказывается о насыщенной событиями истории наиболее интересных замков и крепостей Финляндии и Швеции. Причём это не только известные большинству туристов Абоский замок в Турку, Свеаборг близ Хельсинки или королевская резиденция Дротнингхольм под Стокгольмом, но и по неясным причинам остающиеся в тени такие произведения искусства, как Стенинге, Троллехольм, Хяме и многие, многие другие. Прочитав эту книгу, путешественник откроет для себя неизведанный, но захватывающий и манящий мир скандинавской замковой архитектуры.

УДК 908
ББК 26.89+(4Шве)+(4Фин)

ISBN 978-5-9533-4204-9

© Буркин С.М., автор идеи и проекта, 2010
© Антонова Ю.В., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Авторский коллектив «Исторического путеводителя» подготовил для вас новую книгу о замках и крепостях. Это «Замки и крепости Швеции и Финляндии». Можем вас уверить, что их история, а также судьбы их владельцев не менее интересны и увлекательны, чем перипетии биографий и исторического пути аналогичных построек в Великобритании и Франции, считающихся классической «родиной» замков и крепостей.

Уникальность подобных книг состоит в том, что в отличие от обычных путеводителей они не просто приводят краткие биографические и исторические сведения о стране, местности и ее обитателях, а терпеливо перебирают одно важное событие за другим, объект за объектом, показывая, как из малозначительных на первый взгляд эпизодов строится сама История, и приглашая туристов повторить маршруты и посетить места жизни главных героев книги.

Надеемся, что интересный экскурс в историю и культуру двух соседних стран помогут вам выбрать направление будущих путешествий и собственными глазами увидеть то, что довелось повидать автору этой книги.

*С уважением к вам автор идеи и проекта
С.М. БУРЫГИН*

Ю.В. Антонова и С.М. Бурьгин

Автор выражает благодарность Веронике Хэрнлунд за предоставленные материалы о замке Хэринге и Дмитрию Обухову за материалы о замках Хяме и Олавинлинна (<http://www.allcastles.ru>) и объяснение терминологии. При подготовке книги использовались в том числе следующие источники:

- «Jarlens sekel», Dick Harrison
- «Sveaborg», Magnus Ullman
- «Vem är vem i svensk historia», Lars-Ove Larsson
- «Historien om Sverige», Herman Lindqvist
- «Barock och rokokoko i Sverige», Håkan Gråth, Lars Strömblad
- «Drottningholm», Jan Mårtenson, Gunnar Brusewitz
- «Slottet i staden. En krönika om Stockholms slott», Jan

Mårtenson

- <http://www.historiesajten.se/>
- [http://sv.wikipedia.org/wiki/Portal: Huvudsida](http://sv.wikipedia.org/wiki/Portal:Huvudsida)
- <http://imagebank.visitfinland.com/>

Глава I.

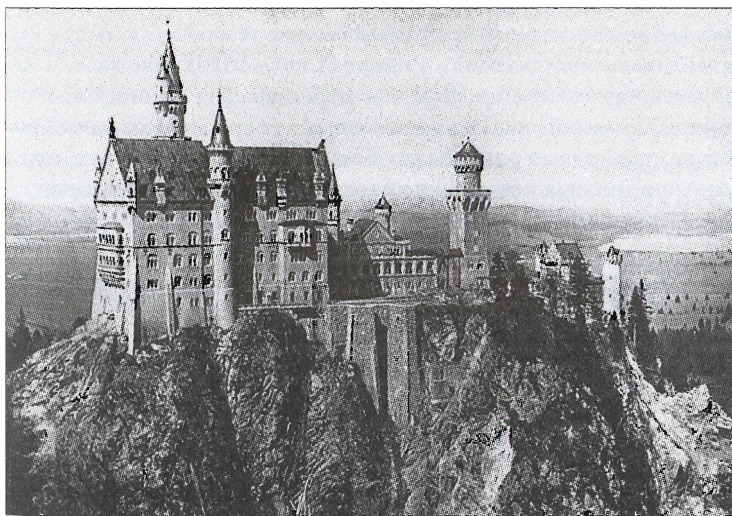
НА ПЕРИФЕРИИ ЕВРОПЫ

Зачастую, когда речь заходит о дворцах и замках, воображение рисует небывалые сказочные строения с взмывающими к небу остроконечными шпилями или башенками и украшенными барельефами фасадами. Или же это неприступная крепость, через подъёмный мост которой принц спешит к своей принцессе.

Это здания, где огромные залы с монументальными колоннами сменяются роскошными спальнями с позолоченными занавесками, хрустальными люстрами и семейными портретами. Поблизости должен быть пруд — желательно, окружённый тисовыми или ивовыми аллеями или парками, перемежающимися с античными скульптурами. Или же замок, возведённый на холме, гордо возвышается над полями и лесами, даря своим посетителям захватывающий дух вид на окрестности...

В этом смысле воплощением идеального замка можно считать немецкий Нойшванштайн или французский дворец Фонтенбло. Вообще, в менталите-

Замок Нойшванштайн в XIX в.

те многих европейцев замки существуют лишь в Англии, Франции, Испании, Чехии, южной Германии, Австрии да Швейцарии — именно туда организовываются туристские поездки с осмотром владений феодалов и королей.

Безусловно, подобные достопримечательности есть и в других странах — без преувеличения можно сказать, что каждая страна, когда-либо имевшая короля, сохранила, по крайней мере, одну из его резиденций. Скандинавия же в этом плане долго оставалась в тени: находясь на периферии Европы, она нередко слишком поздно перенимала европейские идеалы.

После эпохи викингов, пугавших своих «цивилизованных соседей» в X—XI вв., Скандинавский полуостров едва ли появлялся на европейской политической арене до XVII в. — уж слишком далёкими, холодными и безлюдными казались эти края...

Самой прогрессивной из всех Скандинавских стран считалась Дания — немаловажным фактом была её близость к развитой Европе. Именно в Дании северяне нередко впервые сталкивались с выдающимися образцами европейской архитектуры, которые впоследствии переносили на родные просторы. Однако облагораживать и развивать культурную жизнь высокопоставленных лиц, доводя её до хоть сколько-нибудь приемлемого европейского уровня, скандинавы не торопились: Декарт (1596—1650), приехав в Швецию в конце жизни, был поражён встретившей его убогостью и нищетой. С ним соглашалась и правившая в те времена королева Кристина, называвшая родные края большой деревней, которую, по её мнению, никогда невозможно будет приблизить к захватывающей дух Италии или чудесной Франции.

Надо сказать, подобное восприятие северных стран во многом сохраняется и по сей день: в Норвегии и Швеции экскурсоводы предлагают посетить королевские дворцы в центре города, Дания знакома каждому школьнику благодаря замку Гамлета, а про финские резиденции вообще мало кто слышал. Что уж там говорить о централизованных поездках по дворцам и замкам!

Однако, взглянув поближе на карту Скандинавии, турист откроет для себя целый мир роскошных средневеко-

вых резиденций и суровых крепостей, многие из которых стали молчаливыми свидетелями важнейших и наиболее драматичных событий в истории северных стран.

Замки — и не только в Скандинавии — возникли не на пустом месте. Зачастую они развивались из оборонительных сооружений, которые со временем модернизировались, следуя идеалам времени. Прообразом замков обычно называют появившиеся в Ассирии (а позднее и в Древнем Риме) фортификационные укрепления VIII—VII вв. до н.э. и попавшие в Европу из Византии — правда, значительно позже, лишь к IX в. Первые европейские замки строились из дерева — камень вошёл в обиход только к XII столетию.

Центральное место в замке занимала башня — донжон — здесь располагались жилые помещения (в том числе и зал для приёмов) и продовольственные склады. На примыкавшей к замку территории можно было обнаружить всё необходимое для жизни: колодец, огород, кузницу, кухню, а позднее даже небольшую церковь, суд, тюрьму — это был отдельный, в какой-то мере замкнутый на себе город...

В средневековой Европе первичным врагом владельцев замков были прежде всего собственные соседи-феодалы, постоянные распри которых мешали бывшей крепости превратиться в истинный дворец. Обороноспособность будущего жилища, таким образом, всегда оказывалась на первом плане — именно поэтому необходимо было позаботиться о его стратегическом местоположении. Зачастую замки строили на отвесных скалах или труднодоступных островах; при отсутствии таковых их пытались создать вручную, нередко окружая рвами.

Нередко в книге замки и крепости мы будем называть общескандинавским словом «борг» — пожалуй, это наиболее точное понятие, указывающее на историческое развитие и превращение здания из угрюмого каменного великана в роскошный средневековый замок.

Далеко не все борги, особенно в период позднего Средневековья, задумывались как крепости — есть среди статных строений и те, что возводились исключительно в мирных

целях — для устройства балов, приёма гостей, отдыха на лоне природы — это и были замки. За редким исключением они должны были являться украшением ландшафта, а потому возводились в местах исключительной красоты. Задачей же крепостей было не радовать глаз, а отпугивать неприятеля, защищать местные поселения или — особенно в Швеции — водные пути. Как следствие характерной чертой крепостей всегда было их расположение в труднодоступных или стратегически выгодных местах — скажем, на краю обрыва, у кромки воды, в болотистой местности... Зачастую задуманный исключительно как цитадель борг превращался со временем в роскошный замок, при котором разбивали парки, устраивали пруды — в общем, преображали его в соответствии с требованиями времени.

Скандинавские замки нередко располагались на островах или открытых местах: близ городов или среди пашен, откуда открывался свободный вид на все стороны света. Так достигались сразу две цели: военная пригодность (возможность видеть на многие ки-

Типичный скандинавский борг — Торпа

Абоский замок

лометры помогала заметить врага задолго до его приближения) и экономическая рациональность (близость леса позволяла быстро получать необходимую для строительства древесину).

Подобные сооружения, сохранившиеся в Скандинавии, известны сегодня как борги, разница между которыми была огромна. Королевские борги представляли собой величественные сооружения, достигавшие небывалых размеров и поглощавшие выравставшие поблизости «деревеньки», в то время как менее важные королевские замки и многие резиденции местной знати являлись гораздо более простыми деревянными конструкциями, что и привело к их уничтожению во время народных бунтов XV—XVI вв.

Вода всегда была естественным защитником, преграждающим путь врагу, — именно поэтому в средневековой Европе замки обычно окружали рвами. Для перенявшей же эту манеру Скандинавии, изначально предпочитавшей островную стратегию боргов, рвы оказались лишь проблемой: в типичные для севера лютые зимы все водоёмы затягивались толстым слоем льда. Поэтому при замке всегда служили люди, следящие за тем, чтобы многочисленные проруби не замерзли. Для повышения обороноспособности скандинавы нередко вырывали два рва, окружённые, ко всему прочему, земляными насыпями.

Надо сказать, что в центральной Швеции, к примеру, рвы начали появляться лишь в середине XIII в., а древнейший материковый замок Скандинавии вообще располагался близ финского города Турку (Фин-

ляндия была тогда частью Швеции). Некоторые историки считают, что отсутствие системы рвов было связано прежде всего с малоразвитой в северных странах практикой осад; другие утверждают, что ранние замки Скандинавии были скорее вопросом престижа, нежели попыткой создать эффективные оборонительные укрепления.

Когда феодальные разногласия понемногу стихли, функция замков начала меняться: теперь они рассматривались скорее как жилые помещения, что незамедлительно отразилось на их внешнем виде. Замки активно перестраивались, богато и изящно украшались, постепенно превращаясь в настоящие пышные дворцы. Окружавшие замок стены, нередко вписанные в рельеф местности, удалялись, а самому замку предавалась симметрия, что было чуть ли не главным требованием, предъявляемым дворцам. Преобразование бывшей крепости во дворец требовало, конечно, крупных денежных затрат, и именно поэтому сегодня до нас дошло столь богатое архитектурное разнообразие Средневековья: полуразрушенные и пришедшие в запустение крепости-борги, цитадели, замки, дворцы — в Скандинавии каждый найдёт себе здание по вкусу!

ДРЕВНЕЙШИЕ СКАНДИНАВСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Рассматривать скандинавские замки, хоть сколько-нибудь не затронув историю северных стран, нельзя: эти государства столь тесно связаны между собой, что провести чёткие территориальные границы в архитектурном плане сегодня практически невозможно. Северные земли нынешней Швеции кочевали от норвежцев к шведам; южные края долгое время находились в руках Дании; Финляндия вообще была неотъемлемой частью Швеции, следы чего до сих пор видны в двуязычных названиях финских городов и улиц.

В этой книге принадлежность замка к той или иной стране рассматривается с точки зрения современных территориальных границ — именно поэтому в главе «Замки и крепости Швеции» целый раздел посвящён датскому наследию, а о построенных шведами Свеаборге и Абоской крепости речь вообще пойдёт в главе о Финляндии. Не стоит также забывать, скажем, о том, что крепость

Корела в Приозёрске и Выборгский замок были построены в тогда ещё финско-шведских владениях, однако после установления новых границ они оказались на территории России, в связи с чем эти важнейшие с исторической точки зрения укрепления будут упомянуты лишь вскользь.

С незапамятных времён главная польза и угроза скандинавским странам исходила с моря — с одной стороны, зачастую это был самый быстрый способ добраться до неблизкой Европы, с другой стороны, морские торговые пути и портовые города нередко становились объектом атак пиратов и разорительных набегов хорошо вооружённых соседей. Поэтому уже на ранних этапах возникла необходимость защитить себя, по крайней мере, от этой опасности.

Для этой цели — особенно на побережье Балтийского моря, в устьях рек, фьордах и шхерах — со времён викингов сооружали некоторое подобие заборов: в воде устанавливали деревянные балки, блокируя тем самым движение кораблей. В заборе оставляли «ворота» для миролюбивых торговых судов. Если лесоматериала было недостаточно или же гавань была чересчур глубокой для подобного частоккола, древние скандинавы возводили своего рода шламбаумы — их, правда, приходилось довольно часто менять.

Побережье Норвегии, а также западные берега Швеции и Дании страдали от излишне каменистой почвы, а потому во многих местах в воде просто невозможно было установить деревянные балки. Тогда делали каменные рамы-ящики, наполнявшиеся камнями и опускавшие на дно. Порой северяне просто топили старые лодки, создавая тем самым естественную преграду приближавшимся судам. Так поступали, к примеру, в некогда датском Треллеборге (Trelleborg) и Скульдеleve (Skuldelev). Как бы то ни было, подобные преграды могли лишь задержать врага, но не остановить его. Выигранное время использовали для мобилизации сил — натиск неприятеля предстояло сдержать с помощью фортификационных башен.

Самым безопасным местом на суше издревле считались острова, мысы, отвесные скалы и тому подобные труднодоступные места — ведь такие «защитные системы» были природными, и всё, что требовалось от людей, — это построить дополнительное препятствие в виде земляных или каменных насыпей или рвов, полукругом ограждавших от проникновения посторонних в существовавшие сообщества.

Однако подобные меры едва ли могли остановить агрессивного противника, а потому уже на раннем этапе возникла необходимость сооружать палисады, представлявшие собой один или несколько рядов брёвен. Очень скоро начали возводить и башни — это был наилучший способ следить за своими границами и заранее подготовиться к обороне от незваных гостей.

Древнейшими фортификационными сооружениями Скандинавии считаются так называемые старинные замки, или форнборги, датирующиеся железным веком (для скандинавских стран это I тыс. н.э.), — хотя некоторые из них продолжали возводиться или, по крайней мере, использоваться и в период раннего Средневековья.

Как правило, форнборги располагались на возвышенностях, нередко на краю отвесной скалы, однако некоторые замки были обнаружены и на равнинах — например, на островах Готланд и Эланд, где из-за особенностей ландшафта крепости нередко имели форму кольца. Замки (а на территории некоторых боргов найдены фундаменты домов) всегда окружались валами из камней, укреплённых деревянными палисадами. Как ни странно, но зачастую «вооружение» на этом заканчивалось, что заставляет многих историков задуматься о вероятности иного предназначения древних замков.

Большинство боргов появилось в Скандинавии в 400—550 гг., т.е. в беспокойные времена Великого переселения народов, а потому, возможно, они строились скорее как место укрытия гражданского населения, нежели как жилище какого-либо высокопоставленного лица или оборонительный пункт, требующий постоянного присутствия рабочей силы и больших экономических затрат на содержание.

Эту теорию подтверждает и близость таких фортов к важным морским и торговым путям, и тот факт, что после VI в. они практически не использовались — или, по крайней мере, не рассматривались как надёжные защитники. Некоторые полагают, что борги

служили неким наблюдательным пунктом, призванным защитить или взять налог с проезжающего мимо торговца или путника. Ряд историков считает, что борги — это созданные по римской модели военные лагеря. И, пожалуй, самая невероятная, но в то же время самая интересная версия: древние замки были местом совершения культовых обрядов!

Крупнейшим форнборгом Скандинавии является крепость Торсбурген (Torsburgen) на острове Готланд. Торсбурген — это двухкилометровая каменная стена из местного известняка, порой достигающая 5—6 м в высоту. Это своего рода вызов Великой Китайской стене: на строительстве форнборга, начатого в 200 г. до н.э., было задействовано не менее 3000 человек. Археологические раскопки показали, что чаще всего крепость эксплуатировалась в III в. н.э. и позднее, в эпоху викингов. (Надо сказать, что именно факт крайне редкого использования форнборгов заставил учёных усомниться в том, что целью их создания было повышение обороноспособности.)

Сегодня существует мнение, что Торсбурген являлся частью утраченной ныне древней оборонительной системы восточного побережья — он будто «отрезал» восточную оконечность от острова, преграждая дорогу врагу. Но есть и более романтическая версия возложенных на борг обязанностей: согласно легендам, Торсбурген служил всего лишь местом временного пребывания местных жителей.

Случилось так, что плодородный остров стал страдать от перенаселённости, и тогда было решено изгнать с него каждого третьего мужчину с семьёй. Однако готландцы не желали покидать любимые родные края, и их временным пристанищем стал Торсбурген. Вскоре, правда, соотечественникам надоело кормить «ссыльных», и те вынуждены были покинуть остров навсегда, переселившись в Константинополь.

Наконец, немало людей видят в названии крепости прямое указание на её предназначение: место жительства бога Тора, который, проводя время на земле, именно отсюда ехал сражаться с троллями и великанами.

Распространение форнборги получили в Швеции, Норвегии, на Аландских островах и в Финляндии. Количество финских крепостей подобного типа достигает 70—90, наибольшая их концентрация встречается в провинциях Уусимаа, Хяме, Собственно Финляндии (Варсинан-Суоми) и на Аландских островах; несколько обнаружено также в Сатакунте, Саво и Карелии, в то время как в Похьянмаа они полностью отсутствуют. Самыми заметными считаются форнборги Рапола, Капатуосия, Юнкерсборг, Сиббесборг и Боргбаккен.

Финские форнборги в значительной мере напоминают шведские, и даже археологические раскопки проливают не слишком много света на их прошлое — более того, крайне редко можно с точностью сказать, было ли укрепление шведским королевским замком или же истинно финским форнборгом.

Некоторые трудности привносят и упомянутые в датских источниках военные походы данов к северному побережью Финского залива в 1191 г. и, возможно, в 1202 г. — нельзя исключать и того, что ряд замков построили датчане — как, например, созданное приблизительно в этот период укрепление Борго. Сегодня от него остался только 30-метровый песчаный холм, на вершине которого расположено плато, с трёх сторон окружённое канавами.

Несмотря на схожесть со шведскими собратьями, финским форнборгам всё же присущи восточноприбалтийские черты. Как правило, крепости располагались на отвесных скалах и с одной или нескольких легкодоступных сторон окружались каменными насыпями. Эти насыпи служили фундаментом для палисадов или иных деревянных конструкций, и именно они являлись входом на территорию борга, где находились крохотные (даже по тем временам!) домики.

Порой борги возводились на валунных холмах, однако это скорее исключение, нежели правило. Есть и экземпляры, полностью лишённые какой-либо возвышенности, хотя особенности ландшафта и требовали таковую. В подобных случаях застройка происходила прямо на поверхности земли, порой предварительно покрытой камнем.

Финские форнборги получили распространение в период раннего железного века Скандинавии — скорее всего, в эпоху викингов или крестовых походов. Однако старейшая из обнаруженных крепостей, Ваммала, датируется поздним каменным веком.

Функции финских форнборгов мало отличались от функций древних крепостей соседних стран, хотя несколько боргов провинции Хяме явно составляли единую оборонную систему региона, в которой каждое укрепление служило как для защиты населения, так и для предупреждения ближайшего соседа-борга об опасности.

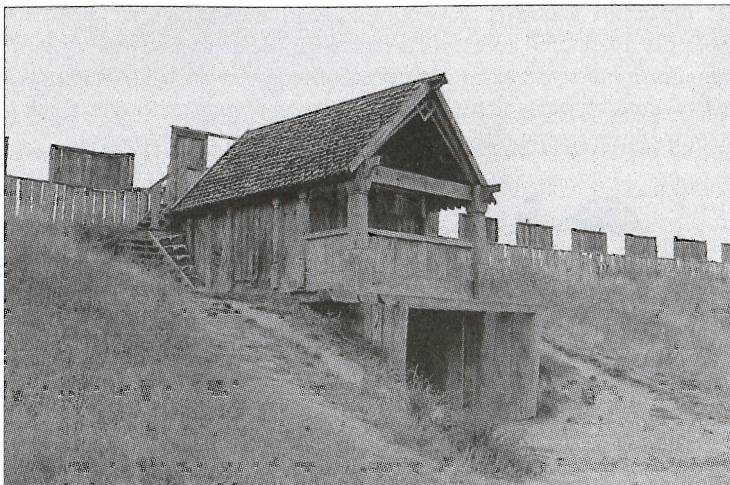
*Отыскать форнборги в Финляндии зачастую не составляет труда: большинство местечек, где когда-либо существовали древние крепости, сохранили в своих названиях корни *linna* или *borg*. Некоторые укрепления — как, например, Ванхалинна в Лундо и Хага в Йанаккале, были позднее превращены в средневековые замки.*

Из всех скандинавских стран только Дания стоит особняком — здесь пока не найдено ни одного похожего на форнборг сооружения! Это, пожалуй, ещё один показатель того, что развитие страны шло по отличному от своих соседей пути. Правда, существует мнение, что форнборги не были обнаружены в Дании лишь по одной причине: здесь они строились не из камня, а из дерева, что и привело к их полной утрате.

В Дании же сохранились следы военных лагерей викингов, абсолютно не типичных для других скандинавских стран. Это «группы построек, обнесённых концентрическими земляными валами и расположенных близ морского берега в месте, удобном для стоянки кораблей».

Первой была найдена крепость Треллеборг близ датского города Слагельсе — по названию первого замка впоследствии стали называть все конструкции подобного типа. На сегодняшний день обнаружено всего 6 таких укреплений — 4 в Дании и 2 в южной Швеции (на тех землях, что прежде принадлежали датчанам: в Треллеборге и Боргебю близ Лунда).

Слово «треллеборг» лингвисты истолковывают по-разному: одни утверждают, что это буквально значит «замок рабов», рассматривая, тем самым, его предназначение как место содержания рабов для продажи. Другие ссылаются на использование при их возведении дерева и проводят параллели со старым датским словом «trällor», что переводится как «деревянные столбы».

Треллеборг

Внешний вид треллеборга представлял собой правильную окружность, выверенную с точностью до нескольких сантиметров (точные геометрические пропорции сохраняются и в других исследованных крепостях) и созданную земляными валами с возвышающейся на них деревянной крепостной стеной, снабжённой воротами с четырёх сторон света. Перед валами были вырыты рвы, которые, однако, никогда не наполнялись водой — их целью было предать валам вид отвесных, труднодоступных скал.

Территория лагеря делилась расположенными перпендикулярно друг к другу деревянными мостовыми на четыре части, в каждой из которых стоял длинный дом. Дома также стояли перпендикулярно друг к другу, образуя тем самым правильный квадрат с небольшим внутренним двориком, в центре которого, вероятно, находилась наблюдательная вышка.

Крупнейшая на сегодняшний день круговая крепость с диаметром окружности свыше 240 м обнаружена вблизи датского Аггерсборга. Причина появления таких лагерей пока точно не ясна:

установлено, что люди проживали здесь всего какой-то десяток лет, и это позволяет утверждать, что укрепления служили не только для контроля жизненно важных морских путей, но и для сбора войск — как это было, например, перед походом короля Дании и Норвегии (а впоследствии и Англии) Свена I Вилобородого на Лондон в 1013 г.

Все шесть треллеборгов датируются второй половиной X в., хотя некоторые крепости, будучи начаты ещё в VIII в., строились в несколько этапов, что немного роднит их с круговыми крепостями нынешней Голландии и частично Германии, где, правда, столь точной симметрии, как в Дании и Швеции, не наблюдается.

Различного рода крепости были, безусловно, полезны, однако они являлись, что называется, укреплениями местного значения — для защиты от случайных набегов соседей. В то же время в эпоху раннего европейского Средневековья, когда началось Великое переселение народов, правителям уже необходимо было заботиться обо всём своём регионе — тогда начали создаваться более монументальные, нежели одиноко стоящие форнборги, творения.

Самым известным является, безусловно, протянувшаяся на 2400 км Великая Китайская стена. Скандинавским «ответом» стала 30-километровая Даневирке, буквально отрезавшая полуостров Ютландия от материка. Её строительство было начато в 550-х гг. и завершено к середине XII в. датским правителем Вальдемаром I. Датчане прибегали к помощи этого ограждения даже в 1864 г., когда шли войны, в результате которых Даневирке оказалась на территории нынешней Германии. Что касается Швеции, то самой длинной стеной была Йётавирке (Göta virke), некогда достигавшая 3,5 км в длину и защищавшая шведское балтийское побережье.

ГЛАВА II.

ЗАМКИ И КРЕПОСТИ ШВЕЦИИ

Шведское королевство начало формироваться лишь в XII в., когда эпоха устрашающих викингов осталась позади и жизнь потихоньку стала приходить в размеренное русло. Как и в большинстве молодых государств, здесь то и дело вспыхивали мелкие неурядицы, связанные с установлением как местных, так и государственных границ.

Фортнборги, довольно примитивные фортификационные башни, земляные насыпи, подводные преграды уже не могли служить надёжной защитой, что привело к необходимости возводить настоящие крепости — что называется, «по европейскому образцу» — и к XIII в. все эти исчерпавшие себя древние сооружения постепенно были заменены постройками, вошедшими в историю под названием крепости и замки.

Первые замки появились в Швеции при короле Биргере Ярле (1210—1266) и его сыновьях — именно тогда королевство достигло определённой военной и экономической стабильности, вся власть потихоньку начала концентрироваться в руках монарха, а утверждённая система налогов стала приносить казне всё больше доходов, которые незамедлительно вкладывались в строительство.

Первоначально строительство боргов было преимущественно заботой монархов — только им требовалась защита как от внешних врагов, так и от завистливых соседей. Надо сказать, что шведские короли жили в страхе перед собственным окружением весь период Средневековья: чего только стоит тот примечательный факт, что абсолютно все шведские правители, начиная с Магнуса Ладулоса (1240—1290) и заканчивая Карлом Кнутссоном Бунде (ок. 1408—1470), доживали свой век в изгнании!

Король выбирал место и выделял финансы для возведения новых укреплений — лишь от его воли и способности стратегически мыслить зависело, где и какого размера будет построен замок. Замок или всё-таки крепость? Небольшие башни, совмещавшие функции оборонительной и наблюдательной, возводились зачастую близ важных торговых пунктов, позднее превратившихся в города.

Некоторые из таких башен, имевшие особенно важное стратегическое значение, впоследствии окружили стеной, приблизив их внешний облик к знакомой нам сегодня крепости. Такой путь прошли укрепления в Стокгольме, Нючёпинге и Кальмаре. Что касается последнего, то ему уделялось особое внимание: для шведов было чрезвычайно важно укреплять свои восточные границы, и замки вокруг Кальмарского пролива явились в этом деле первопроходцами, вслед за которыми в 1290-х гг. выросли и Выборгская крепость в Карелии, и крепость Ландскрона на берегу Невы. Ландскрона, однако, была разрушена новгородцами уже в 1301 г.

Идея возводить круглые коренастые башни (а именно так выглядели самые первые шведские замки) на побережье пришла в Швецию из Дании в ту эпоху, когда два рода — Сверкеры и Эрики — боролись за шведский престол, а берега Балтийского моря непрерывно атаковались пиратами. Фортификационные сооружения возводились вдоль всего побережья; прежде всего, конечно, близ основных морских торговых путей XII—XIII вв. Далеко не все башни превратились впоследствии в замки, однако от этого их значение для средневековой Швеции не стало меньше. Каждая башня требовала постоянного присутствия стражников, готовых в любую минуту сдержать натиск врага или принять проезжающего мимо правителя или его приближённого.

Чтобы прокормить знатного вельможу со всей его свитой, необходимо было иметь огромные запасы еды, хранение которой в башнях представлялось малорациональным. Поэтому знать «гостила» у простого люда — причём неограниченное время, буквально опустошая их жилища. Лишь в 1335 г. король Магнус Эрикссон издал указ о запрете подобного «гостевания», распорядившись создать взамен первые постоянные дворы.

По мере разрастания государства и увеличения доходов будущей аристократии позволить себе собственный каменный замок могли уже не только правители, но и их ближайшие советники и канцлеры, и некогда оборонительные башни начали всё больше походить на жилища, совмещая в себе оборонительную и жилую функцию.

Ярчайшим примером может служить крепость Экеторп на острове Эланд, являющемся, кстати, наиболее богатой подобными укреплениями начала XIII в. частью Швеции.

Первые постройки, которые можно считать настоящими скандинавскими замками, появились только во второй половине XIII в. — это были заказанные королями неукреплённые каменные дома, в которых монархи рассчитывали собираться со своими приближёнными для проведения каких-то встреч и праздников. Именно в таком «первобытном» замке Альснё (Ålsnö) на озере Меларен в 1280 г. королем Магнусом Ладулосом была пожалована Хартия Альснё, регулировавшая дворянские привилегии. Из немногочисленных замков подобного типа в Швеции сохранилось лишь одно — дворец Фолькунгов в Вадстене, некогда являвшийся крупнейшим нецерковным сооружением Скандинавии и возведённый из кирпича в готическом стиле.

Самым первым известным королевским замком Швеции стал расположенный на острове Висингсё в центре озера Веттерн замок Нэс (Näs), или, как его часто называют, Висингсёборг (Visingsöborg). Считается, что он появился здесь в XII в., превратившись к XIII в. в

Альснё

Старейший дворец Швеции Нэс

процветающий и мощнейший дворец страны, неоднократно упоминающийся в норвежских и исландских сагах и хрониках. Однако в 1318 г. как замок, так и весь остров были переданы в качестве залога Дании, став, тем самым, местом ожесточённой борьбы двух государств. Это, видимо, и привело к его полному разрушению, поскольку в более поздних источниках сведения о Висингсёборге полностью отсутствуют.

Многочисленные исследования позволили археологам сделать вывод, что с военной точки зрения замок был никуда не годен: к примеру, столь необходимые рвы здесь отсутствовали — может быть, потому что шведы надеялись на защиту расположенного в двух шагах отсюда озера.

Вслед за королями замкостроителями стали священники. Христианство долго утверждалось в Швеции, но, укрепившись, быстро стало мощным институтом, а его служители — крупными землевладельцами, а потому епископы начали строить себе не просто дома, а именно борги, призванные защитить хозяев от недоброжелателей.

В некоторых регионах, как, например, вокруг Кальмарского пролива, возникли даже церкви-крепости, использовавшиеся од-

новременно и как место совершения богослужений, и как своеобразный бастион. Однако возведение оных скорее можно назвать личной инициативой, нежели государственной надобностью. Хотя были и исключения: например, на том же острове Эланд церкви являлись единственным пригодным для укрытия местом, поскольку равнинная местность не позволяла возводить более-менее стоящие укрепления.

В 1270-х гг. недалеко от нынешней столицы была построена крупная королевская летняя резиденция на острове Адельсё, где в 1280 г. Магнус Ладулос огласил один из самых известных законов: любой, кто был готов предоставить королю полностью обмундированного рыцаря, освобождался от уплаты налогов.

Хотя высокопоставленные чиновники существовали и прежде, с появлением нового закона количество аристократов резко возросло. Швеция превратилась в феодальное общество с новым классом землевладельцев и рыцарей, тут же начавших возводить замки для отдыха и развлечений по европейскому образцу.

Примером послужила всё та же Дания и существовавшие на тот момент в Швеции единичные дворцовые сооружения, принадлежавшие священнослужителям — такие, как построенный в XIII в. кирпичный дворец в Вадстене, нередко называемый замком Бьельбуэттен или Фолькунгов. Это был роскошный дворец, полностью лишённый каких-либо оборонительных функций (за исключением рва), да к тому же расположенный вдали от цивилизации — ближайший город Вадстена появится лишь в период позднего Средневековья.

Надо сказать, что новое дворянство в большинстве случаев всё ещё ограничивалось «скромными» каменными домами, в которых, правда, присутствовало всё необходимое для обороны. Почти все замки того периода оставались довольно простыми деревянными строениями, построенными по примеру римских кастеллумов, но приспособленных под местный ландшафт, что делало первые крепости не столь симметричными, как прототип.

Первым периодом расцвета замкостроительства в Швеции можно считать конец XIV в., когда знатный вельможа и богач Бу Юнссон Грип (ок. 1335—1386) начал возводить в своих владениях (как шведских, так и финских) укреплённые усадьбы. Кстати, его рьяное желание строить стало впоследствии причиной приостановки строительства: когда началась борьба за его наследство, ко-

ролева унии Маргарета запретила возводить новые подобные дома, поскольку опасалась усиления власти аристократии.

Запрет действовал почти добрую сотню лет, и до 1483 г. в Швеции действительно не было возведено ни одного нового укрепленного борга. Правда, это, в свою очередь, привело к повышению обороноспособности уже существовавших замков.

В 1430-х гг. для знати стали строить новые дома — четырёхугольные каменные здания с высокой крышей — как, например, Торпа (Torpa) в Швеции и Квидья (Qvidja) в Финляндии. Это был тот редкий случай, когда на датское замкостроительство оказала влияние шведская, а не европейская архитектура: в Дании начался бум на подобные дома — примером может служить принадлежащий сегодня Швеции замок Глиммингехус, лучше всего сохранившийся средневековый борг Скандинавии.

Постройки того времени имели толстые несущие стены, состоящие из двух основных каменных панелей, пространство между которыми заполнялось мелкими камнями. В подобных замках подсобные помещения располагались на слегка пониженном первом этаже, жилые помещения — на втором, а зал для приёмов — на третьем. На самом верху обычно находилось оружейное помещение, откуда в случае необходимости можно было вести обстрел врага. Такой системы придерживались вплоть до XVII в.

Когда Швеция в 1521 г. вышла из Кальмарской унии, она оказалась в весьма невыгодном положении: Польша к XVI в. зарекомендовала себя как крепко стоящая на ногах держава; на востоке крепла Русь... Единственным спасением оставались земли Немецкого ордена: речь шла о том, чтобы добыть себе как можно больше этих земель, дабы укрепить собственную политическую безопасность. Претендентами на лакомый кусок оказались помимо шведов датчане, русские и поляки.

Шведам довольно легко удалось прибрать к рукам большую часть Эстонии, и к началу XVII в. весь Финский залив контролировался исключительно шведами. Встал вопрос об укреплении новых приобретений. С точки зрения фортификационных сооружений это было сделать совсем не сложно: в большинстве завоёванных мест уже существовали замки — как, например, в Риге, Нарве и Ивангороде.

Проблемой скорее был вопрос о том, где добыть необходимые средства на улучшение новых бастионов. Решением стало проведение Реформации, результатом которой послужила не только смена религии, но и ликвидация церковных земель. Многие монастыри лишились своих богатств и были разрушены, послужив, тем самым, строительным материалом для новых замков.

На риксдаге 1544 г. Густав Васа (1496—1560) предложил первый в истории Швеции план обороны могучего королевства. В первую очередь необходимо было укрепить уже существовавшие форпосты — Стокгольм, Кальмар и Эльвсборг (Älvsborg). Памятью о

Густав Васа

только что окончившемся восстании под предводительством Нильса Дакке (ок.1510—1543), сумевшим захватить одну из шведских провинций, Густав велел основать замок и в тех краях — так появился Вадстена.

В XVI в. в Швеции царила нищета, и основные замки, построенные в это время, возводились на средства короля и потому являлись его резиденциями, что свидетельствовало прежде всего об усилившейся централизации власти. Проведя в Швеции реформу, Густав Васа лишил церковь богатств и земель. Дабы провозгласить своё могущество над католической церковью, Густав велел построить в популярном тогда стиле ренессанс Упсальский замок, расположив его на холме и возвысив его, тем самым, над шпилями крупнейшего в Скандинавии Домского собора.

В XVII в. Швеция становилась всё более активным участником политических событий Европы, одновременно приобщаясь и к её богатой культурной жизни, процветавшей во Франции, Голландии, Германии и Италии. Заключив ряд важных для страны мирных договоров (Столбовский мир с Россией в 1617 г. и договоры с Данией 1645 г. и 1658 г.), Швеция значительно расширила свои территориальные границы, что привело к необходимости возводить новые укрепления для защиты приобретённых земель.

Дабы показать свою значимость на политической арене, шведские короли затеяли строительство помпезных дворцов с роскошными садами, столь характерными для Европы того времени. Монархи охотно раздаривали земли отличившимся в войнах полководцам — наиболее показательным в этом плане стал крохотный островок Риддархольмен в центре Стокгольма, сегодня буквально усыпанный прямоугольными дворцами знатных семей.

Когда войны в XVII в. превратили Швецию в державу мировой величины, дворянство принялось за строительство каменных дворцов — причём как городских, так и пригородных, стоивших их хозяевам немалого состояния — зачастую строили в соответствии не со своими финансовыми возможностями, а в соответствии со статусом и значимостью рода.

Именно тогда в моду вошли сводчатые подвалы и первые этажи, где размещалась кухня, подсобные помещения

и комнаты для слуг. Второй этаж, как и прежде, отводился под спальни и иные «личные помещения» владельцев. На верхнем этаже помимо зала для торжеств теперь строили также и гостевые комнаты (которые, правда, редко завершались целиком).

К строительству — то есть для грубой ручной работы — привлекали в основном местных жителей, материал поставляли со всего Балтийского региона. «Со стороны» приходили лишь архитекторы (как правило, стоكهольмские профессионалы-каменщики) да специалисты разных областей — например, каменотёсы и плотники.

Только в 1637 г. в Швеции появился первый архитектор в современном понимании этого слова — это был прибывший из Голландии француз Симон де ла Валле (ок. 1590—1642). Его первым проектом стал замок Экольсунд (Ekolsund), за которым последовали Тидё (Tidö), Фихольм (Fiholm) и Русерсберг. На помощь де ла Валле призвал друга, военного архитектора из Померании Никодемуса Тессина-старшего (1615—1681).

Величайшими заказчиками замков-дворцов в этот период стали графы Магнус Габриэль Делагарди (1622—1686) и Карл Густав Врангель (1613—1676), чьими выдающимися «стройками века»

Фихольм

стали Лэккё и Скуклостер соответственно. В жилой части Скуклостера заметно влияние французских традиций: приёмная, покои и кабинет супругов находятся по разные стороны общего зала. Лэккё же стал образцом паркетного пола: уложенный «ёлочкой» деревянный пол в Швеции до сих пор называют в честь замка.

После смерти Карла X Густава в 1660 г. строительная инициатива легла на хрупкие плечи вдовствующей королевы Хедвиги Элеоноры (1636—1715), благодаря которой появились такие шедевры, как Дроттнингхольм, Ульриксдаль, Стрёмсхольм. Её придворного архитектора Никодемуса Тессина-старшего нередко ангажировали и дворяне, на которых не хватало времени у сына Симона де ла Валле, Жана.

Хедвига Элеонора

В этот период в Швеции полного расцвета достигает барокко с его роскошной отделкой из искусственного мрамора. Наиболее яркими представителями этого течения являются замки Сальста близ Упсалы и Шёё (Sjö) около Энчёпинга. Внешне замки выполнены в голландском стиле, однако их планировка уже соответствует французскому и итальянскому видению.

Входят в моду и шикарные парки барокко, также следовавшие французскому образцу. Собственного стиля в Швеции пока ещё не было: как заметил флорентийский граф и дипломат Лоренцо Могамотти в 1674 г.: «Шведы довольствуются тем, что имитируют — пусть не во всём, но в гораздо большей степени, нежели другие нации». Такие тенденции будут частично сохраняться и на протяжении всего XVIII в.

Правила этикета тех времён предполагали приход гостя в главный зал, расположенный в центре замка, откуда его затем провожали в приёмную, покои или кабинет хозяина или хозяйки. Шведский дворянин, наиболее близко подошедший к идеальному воплоще-

нию французско-итальянских идей, — замок Стенинге, построенный в конце XVII в. по проекту Никодемуса Тессина-младшего.

После редукции Карла XI (1655—1697), когда дворяне лишились $2/3$ владений, многие задались вопросом: «Как защитить собственные права? Как оградить свою семью от посягательств короля?» Единственным законным выходом для аристократов стало составление завещания, в котором владелец имения делал свой замок неприкосновенным — он должен был оставаться в руках потомков и не мог быть заложен или продан кому-либо, не являвшемуся членом этого рода.

Право наследования было прописано самим Карлом XI и относилось лишь к тем поместьям, что были недавно приобретены, а не к унаследованному имуществу. Тем самым король хотел поощрить только-только возведённых в дворянство молодых людей, помогавших ему провести редукцию земель. Первым, кто воспользовался подобным правом в Швеции, стал уроженец Дании Йенс Эренборг, оставивший завещание на замок Ховдала (Hovdala).

В большинстве случаев правом завещания пользовались бездетные хозяева поместий, желавшие, чтобы их имя жило в веках, и потому оставлявшие свои земли родственникам-однофамильцам. Право касалось не только замков, но и любых других видов недвижимости — например, получивших распространение металлургических заводов, скажем, Лёвста брук (Lövesta bruk). В южно-шведской провинции Сконе людьми, чаще всех реализовывавшими право пользования замками только определёнными родами, стали Кристина Пипер и Фредрик Тролле.

В общей сложности за столетие было завещано около 200 замков. Право «закреплять» замки за родом просуществовало до 1809 г.

В конце XVII — начале XVIII в. Швеция, безвозвратно утратившая с трудом завоёванные позиции великой державы, была вынуждена взяться за укрепление новых границ. Пустая казна не позволяла браться за строительство чего-то нового, а потому основная ставка была сделана на очередной ремонт и укрепление уже существовавших боргов.

Главным архитектором страны стал Эрик Дальберг (1625—1703), сумевший совместить французские и голландские техно-

логии и приспособить их к суровому скандинавскому ландшафту. В центре внимания вновь оказались донжоны — правда, в представлении Дальберга они выглядели вытянутыми строениями, иногда в несколько этажей, с казематами. Талантливый архитектор не сумел добиться общеевропейского признания, однако его идеи не были забыты: позже они возродились во Франции благодаря Марку Рене де Монталембер — участнику Семилетней войны 1756—1763 гг., не понаслышке знавшему всё о шведских крепостях.

С окончанием эпохи Великогодержавия Швеции пришлось добиваться признания Европы уже не военной мощью, а культурой. XVIII в., пожалуй, как ни один другой был ознаменован её расцветом: процветали наука и искусство, но не была забыта и архитектура — наконец-то было завершено строительство Королевского дворца в Стокгольме и перестроена резиденция Дроттнингхольм. Впервые в Швеции появилось что-то своё, «исключительно шведское», а не привезённое из цивилизованной Европы.

В XVIII в. барокко уступило место рококо, и в моду вошли также усадьбы с характерными для них светлыми, практически лишёнными каких-либо украшений фасадами и скатными крышами. Первопроходцем стал охотничий замок Фредрика I (1676—1751) Свартсё (Svartsjö).

Планировка жилья была асимметричной, залы для торжеств размещались теперь не в центре, а были сдвинуты в угол замка. Впервые замкостроители задумались об удобстве проживания — потому окна, чтобы наполнить комнаты светом, стали большими, мебель более мягкой и лёгкой, помещения нормально обогревались.

Фредрик I

Поскольку внимание уделялось внутреннему комфорту, внешне многие здания выглядели похожими: теперь было трудно отличить складские помещения от фабрик по производству шерсти, церквей и даже королевских дворцов. Исчезали «излишние» украшения, с фасадов удалялись гербы — по внешнему виду нельзя было однозначно сказать, кому принадлежало владение. Поощрялось строительство из камня — так надеялись сохранить дерево для заводов и фабрик, где оно было просто необходимо. Заказчиками новых замков уже были не представители благородных семейств, как прежде, а разбогатевшие и предприимчивые купцы и фабриканты. Самой выдающейся стала, пожалуй, семья де Геер, которой обязано своим появлением поместье Стура Вэсбю (Stora Väsby).

На рубеже XIX—XX вв. в Швеции вспыхнул интерес ко всему истинно шведскому, и в убранстве комнат стали проявляться характерные именно для шведского дизайна черты. Идеалом служили покои герцога Карла в Грисхольме — ни одна другая комната старых королевских дворцов не бралась за основу гостиной или зала так часто, как эта. В остальном же пытались воссоздать атмосферу загородного имения XVIII в. — хотя теперь не забывали и о появившихся удобствах — таких, как электричество, горячая вода, туалет...

В моде было полное позолоты неорококо, пришедшее из «захваченного» банкирами Парижа. (Кстати, именно быстро разбогатевшая шведская буржуазия определяла теперь облик своих жилищ и вкладывалась в строительство.) Внешне усадьбы стали напоминать гигантские виллы в стиле итальянского ренессанса, средневековые крепости и французские замки — при этом истинные крепости и замки Швеции зачастую стояли необитаемыми и приходили в упадок, используя в основном как склады и ожидая очередной реставрации. От части замков вообще остались одни руины; некоторые же видели своих хозяев лишь несколько дней в году.

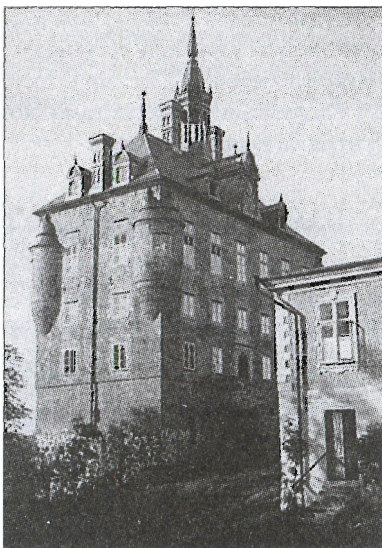
Последним построенным в Швеции монументальным замком стал Хёгфорс (Högfors), возведённый в 1954—1955 гг. недалеко от Эстерсунда. Его хозяин Бертил Эрн хотел, проживая там, иметь достаточно просторные галереи и салоны для своей богатой коллекции живописи XVIII в.

К 60-м гг. XX в. многим владельцам замков стало ясно, что содержание имений — дело не слишком простое и требует крупных финансовых затрат. Многие владения были проданы за символическую сумму — правда, с условием, что новые хозяева смогут привести их в должный вид с помощью самых современных материалов. Сегодня совладельцем многих зданий является государство, которое тщательно следит за их сохранностью и даже иногда поддерживает их материально.

Рентабельность замков обеспечивается различными способами: в некоторых открылись музеи, в некоторых — конференц-отели и гостиницы. Популярность корпоративных мероприятий, проведённых в пропитанных старой атмосферой стенах, оказалась так велика, что в 1990-х гг. были построены очередные псевдозамки в стиле XVII в. — например, Тэрнё (Tärnö) около Нючёпинга.

Все замки Швеции можно условно разделить на три группы, каждая из которых характеризуется особой архитектурой и историей. Первая группа представлена исключительно шведскими замками, сгруппировавшимися неподалёку от Стокгольма — в основном в провинциях Упланд и Сёдерманланд, вкуче составляющих наиболее богатый имениями край. Здесь почти все замки находятся у воды, и центром их средоточения стало озеро Меларен — нередко говорят, что лучшие замки страны, словно ожерелье, окружили синюю гладь воды. Это и Королевский дворец, и «Версаль в миниатюре» Дротнингхольм, и грузный Грипсхольм, и монументальный Скуклостер — список можно продолжать долго, поскольку только вокруг Меларена раскинулось 17 дворцов, причисленных к Озёрной долине.

Замок Вик. 1881 г.

Возраст и вид замков весьма и весьма разнообразен: Вик — довольно простая, но суровая башня, замок Упсалы — типичный борг в стиле Васа, Тюресё — сказочный домик с готической внешностью.

Следующее место по изобилию замков по праву закреплено за южной провинцией Швеции — Сконе, прежде принадлежавшей датчанам, и поэтому сохранившей архитектурные черты средневековой Европы. В Сконе во главу угла всегда ставилась оборона, а потому здешние замки строились на топкой почве — так можно было преградить дорогу врагу, а заодно и облегчить себе работу по созданию рвов. Замки появлялись на границе между равниной и лесом; плодородные почвы обычно не занимались. Тем не менее местом наибольшей концентрации датско-шведских замков стали благоприятные для возделывания земли вокруг города Истада (Ystad).

Наконец, интерес представляют юго-западные провинции сегодняшней Швеции, с незапамятных времён принадлежавшие Норвегии и Дании. Беспрерывные войны между тремя странами привели к необходимости постоянно укреплять местные города и сёла (в которых, ко всему прочему, неоднократно встречались для переговоров воюющие стороны) — благодаря этому нынешнее западное побережье Швеции и восточные берега Норвегии изобилуют бастионами и крепостями, которые, за редким исключением, считались неприступными.

БАСТИОНЫ ШВЕДСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Как уже говорилось, за свою долгую историю Швеция не раз меняла границы, то расширяя, то сужая их. Некоторые укрепления безвозвратно исчезли в России и Финляндии, где их названия были изменены, и теперь уже неподготовленный турист вряд ли догадается о том, кем были славные великие строители прошлых веков.

Но и другие соседи Швеции — Норвегия и Дания — утратили свои некогда мощные крепости, однажды отобранные шведами, и многие нынешние замки и цитадели уже воспринимаются как истинно шведские. Таким вот спорным приграничным пунктом стало каменистое западное побережье Швеции, буквально усыпанное следами существовавших тут прежде грозных сооружений: здесь

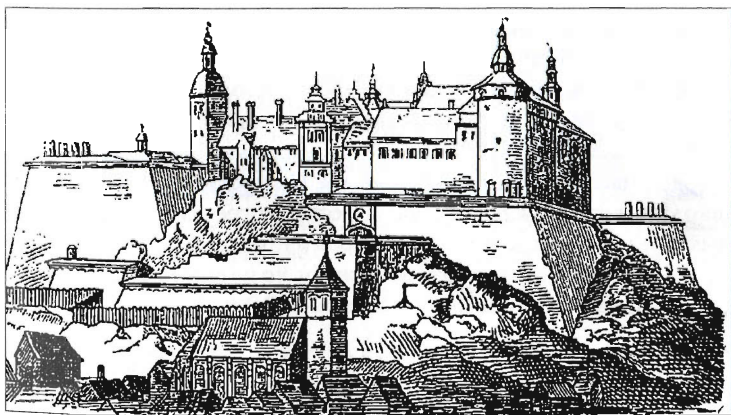

когда-то сходились границы трёх стран — Швеции, Дании и Норвегии, постоянные неурядицы которых в XIII—XIV вв. и побудили правителей возводить всё новые и новые цитадели...

Бохус — дело в Шляпе!

Крепость Бохус, недавно отпраздновавшая своё 700-летие, расположилась на слиянии двух рек в ныне шведском городке Кунгэльв (Kungälv) и знаменита тем, что за свою историю 14 раз подвергалась осадам со стороны соседских скандинавских стран, но ни разу (!) не была взята. Споры о том, кому же всё-таки по праву должна принадлежать эта крепость — шведам, на чьей территории она сейчас находится, или норвежцам — истинным её основателям, разрешило время: в общей сложности в руках шведов Бохус находился дольше, чем во власти норвежского короля.

Впервые о Бохусе упоминается в Хронике Эрика, где говорится, что возводить укрепление начали в 1308 г. по приказу норвежского короля Хокона V Магнуссона (1270—1319) с целью защиты южных границ Норвегии. Вначале это был окружённый стеной бревенчатый борг, структура которого соответствовала особенностям местности, но уже в 1330 г. деревянные сооружения заменили каменными. Крепость располагалась на скалистом острове Багахольм, откуда открывался отличный вид на обе реки, Гёта эльв

Крепость Бохус в 1658 г.

(Göta älv) и Нурдре эльв (Nordre älv), образующие естественные рвы для борга. По названию острова, которое можно перевести как «препятствие», «приносящий затруднения», крепость получила своё имя — Багахус, со временем трансформировавшееся в Бохус. Впоследствии борг дал название и всей провинции — Бохуслен.

С самого начала крепость Бохус стала центром важных политических событий: тут в 1332 г. норвежские аристократы признали 16-летнего наследника шведского престола Магнуса Эрикссона (1316—1374) совершеннолетним, а спустя 12 лет его четырёхлетний сын Хокан был здесь же провозглашён королём Норвегии. Позже, в 1388 г., вдове последнего Маргарете было предложено стать королевой Швеции. В 1449 г. в Бохусе избрали нового норвежского короля, Карла Кнутссона (ок. 1409—1470), а спустя 6 лет крепость стала убежищем для датчан и норвежцев, скрывавшихся от шведского полководца Торда Карлссона Бунде (? —1456).

В XV—XVI вв. норвежцы ввели так называемую бохусскую таможенную пошлину, которой облагались все проходившие мимо крепости суда. Дополнительные доходы позволили продолжить укрепление Бохуса, ставшего прежде всего опорным пунктом королевской власти Норвегии и административным центром провинции.

Около 1450 г. крепость была названа самым большим и самым мощным оборонительным сооружением страны — и неспроста: стены увенчанного крепкими башнями борга достигали 13,5 м в высоту и 3 м в толщину; сама крепость состояла из четырёх строений, образовывавших почти квадратный замковый двор. Общая площадь составляла 3700 м²; здесь находилось всё — от кухни и кузницы до часовни и залов для приёмов. На протяжении всего позднего Средневековья Бохус служил местом встреч высокопоставленных лиц для обсуждений, переговоров и праздников.

В 1482 г. Бохус был впервые осаждён, но не сдался. Большинство осад в его истории относятся к середине XVI в.

Всю зиму 1564 г. Бохус находился под обстрелом шведов, но каких-либо видимых результатов осады не принесли. Тогда король Швеции Эрик XIV ве-

лел привести сюда огромную пушку — настолько большую, что «сапожник мог бы разместиться в ней со всеми удобствами и беспрепятственно пришивать подошву к обуви». К сожалению, пушке так и не было суждено продемонстрировать свою хваленую мощь: когда её перевозили через реку, лёд треснул, и пушка оказалась на дне, где и лежит по сей день.

В марте 1566 г. Бохус осаждали шведские войска под командованием Нильса Андерссона Бойе и Нильса Свантессона Стуре. Было предпринято 4 безуспешных штурма; во время последнего шведам удалось-таки захватить главную, так называемую Красную башню, однако и эта попытка оказалась неудачной: неожиданно башня взорвалась.

За все поражения, расцененные правителем Швеции как «слабость и предательство», командиры предстали перед судом. Бойе, на счету которого к тому времени было немало успешных кампаний, был освобождён, а вот Стуре приговорили к смерти — правда, позднее приговор был отменён. И всё же жизнь Стуре окончилась трагично: он был убит в 1567 г. по приказу Эрика XIV во время печально знаменитого убийства семейства Стуре в Упсале.

Бесконечные атаки ни на минуту не позволяли хозяевам крепости расслабиться: Бохус приходилось всё время ремонтировать и модернизировать. Вокруг средневекового борга появились огромные бастионы в форме звезды — дюжие земляные насыпи, одетые в гранитную кольчугу. Одновременно главное здание крепости перестроили в ренессансный замок.

Наконец в Скандинавии воцарился мир: в 1658 г. в Роскилле был подписан мирный договор, по условиям которого ряд датских земель (а Норвегия в тот момент находилась в унии с Данией), в том числе и Бохуслен, переходили к шведам. 30 марта того же года шведский монарх Карл X Густав победоносно вошёл в крепость. С тех пор значение борга стало постепенно снижаться — новая граница была далеко, и необходимости в обороне именно этого региона уже не было.

Датские войска, покидая Бохус, позаботились о том, чтобы шведам досталось как можно меньше. К счастью, полностью стереть свой замок с лица земли они не решились — ограничились лишь уни-

чтожением запасов и архива. Говорят, трое суток подряд около 150 человек сжигали связанные с историей замка документы — прежде всего норвежские...

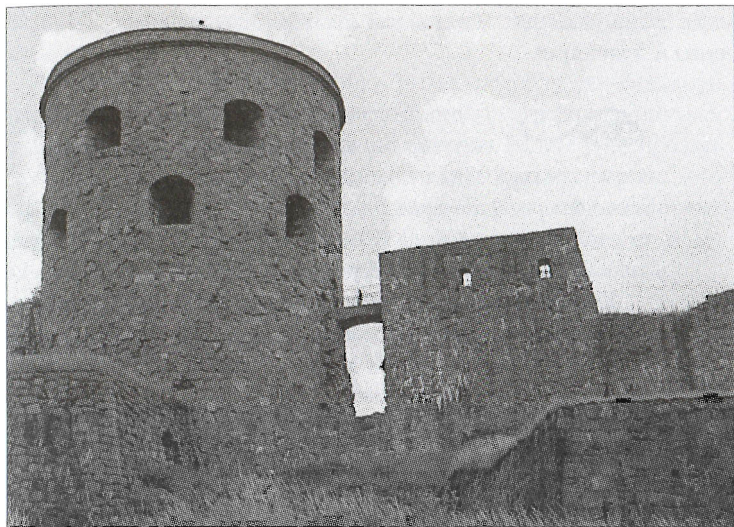
Вскоре после заключения мира Бохус подвергся ещё одной осаде — пожалуй, самой жестокой из всех. Произошло это в 1678 г. во время очередной войны с Данией, когда около 10 000 датских солдат под командованием Ульрика Фредрика Гюленлёве (1638—1704), внебрачного сына датско-норвежского короля Фредрика III, вторглись в Бохуслен со стороны Норвегии. Гарнизон крепости состоял на тот момент из 900 шведских и финских защитников, подчинявшихся коменданту Фредрику фон Бёрстеллю. После двухмесячной осады шведская армия была готова сдаться, но на помощь вовремя подоспел Густав Отто Стенбок (1614—1685), и датчанам пришлось навсегда забыть о своих притязаниях на западное побережье сегодняшней Швеции.

Датчане хорошо подготовились к штурму Бохуса: против 900 защитников крепости они выставили 9000 норвежских солдат и 7000 немецких наёмников; было припасено 20—30 тысяч пушечных ядер, 2426 бомб, 384 каменных глыбы, 600 гранат и 79 корзин с 13 ручными гранатами. После штурма выжило лишь 400 вооружённых шведов.

Сильно пострадавший во время осады замок был перестроен, в результате чего ранее четырёхугольные башни (Церковная, Красная, «Шапка матери» и «Шляпа отца») стали круглыми.

«Шляпа отца» — пожалуй, самая известная башня Бохуса. Когда в 1789 г. Швеция столкнулась с экономическими трудностями, жителям Кунгэльва было позволено разобрать крепость на стройматериал — к примеру, фундамент местной турбазы «Kungälv's vandrärbet» построен из камней бывшего замка. Саму крепость хотели уничтожить, но решение было отменено 7 лет спустя. Единственной «выжившей» башней оказалась Шляпа отца, и вскоре её попытались переделать в мельницу. Конец мародёрству положил Карл XIV Юхан, в 1838 г. запретивший прикасаться к памятнику старины. Начались сопровождав-

Башня «Шляпа отца»

шиеся археологическими раскопками восстановительные работы, продолжающиеся по сей день.

На протяжении многих лет Бохус служил местом тюремного заключения. В Средние века сюда привозили в основном противников короля, и эта традиция просуществовала до XVIII в., когда здесь находился в заточении известный пиетист Томас Леопольд, проведший в тюрьме 42 года (из них 32 — в Бохусе) за преданность своей вере. Тюремной камерой зачастую служил подвал глубиной 6 м, единственным входом в который был люк в полу — так пленникам обеспечивалось существование в полной тьме...

Монументальное расширение крепости, проходившее в XVII в., осуществлялось в основном силами местных заключённых, приговорённых к штрафным работам, а также солдатами и крестьянами, хотя для менее грубых и более «благородных» работ, связанных с внешним обликом Бохуса, привлекались высококвалифицированные ремесленники.

Огромный колодезь глубиной 22 м в замковом дворе был построен за 15 лет приговорёнными к пожизненному заключению. В XVIII в. на помощь прислали многочисленных польских и рус-

ских военнопленных, и в списках заключённых числилось 72 мужчины и 5 женщин.

Тюрьмами рано или поздно служили практически все замки и крепости Швеции. Разница, пожалуй, заключается лишь в том, что замки — особенно в период их ранней истории — предназначались для лиц голубых кровей: их комнаты и подвалы повидали немало принцев, герцогов, свергнутых королей...

Крепости же предназначались скорее для люда простого — например, обыкновенных преступников и военнопленных. Они, кстати, нередко были и рабочей силой: ни один король не хотел без крайней необходимости поручать своим собственным солдатам строительные работы — ведь куда больше пользы от молодых людей было на поле боя. Ярким тому подтверждением может служить история другой крепости западного побережья — Карлстенской.

Карлстен — шедевр каторжников

На западном побережье Швеции, в ныне идиллическом курортном островном городке Марстранда, выросла на скале крепость, ставшая в XIX в. одной из сильнейших крепостей Европы.

Всё началось в 1658 г., когда по условиям Роскильского мирного договора провинция Бохуслен — а вместе с ней и город Марстранд — перешла к шведам. Марстранд издревле был довольно значимым торговым пунктом, и неудивительно, что шведские торговые суда нередко бывали здесь.

Городская гавань практически никогда не затягивалась льдом, а потому для охраны новых границ сюда была стянута и шведская военная флотилия. Дабы защитить Марстранд и собственных солдат, Карл X Густав отдал распоряжение о строительстве крепости.

Ещё когда Бохуслен принадлежал Дании-Норвегии, норвежцы возвели здесь небольшие укрепления-насыпи; именно их и собирався осовременить шведский король. Особенно важным в новой системе обороны монарху виделся кусок земли, получивший впоследствии название Карлстен — в честь самого правителя. В 1658 г. тут, на самой высокой точке острова, появилось временное дере-

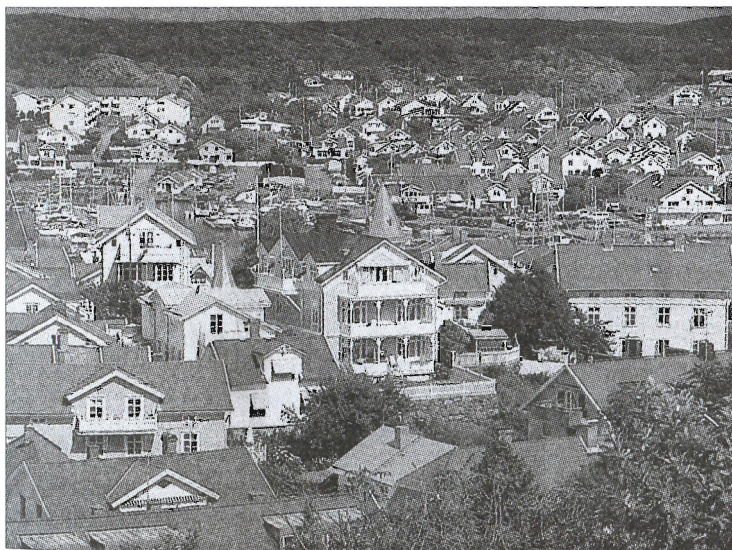

вянное укрепление, уже через год помогшее шведам отразить первые атаки норвежцев.

В 1666 г. временные постройки были заменены ромбовидной орудийной каменной башней, окружённой фортификационными стенами и четырьмя небольшими рavelинами. Башня расширялась и дополнялась другими постройками, и в 1689 г. миру предстал донжон и круглая башня в несколько этажей, включавшая в себя прежнюю четырёхугольную. В начале XVIII в. были сооружены артиллерийские казармы, комендантский корпус и бараки для пехоты.

В отличие от своего соседа Бохуса, Карлстен подвергался нападениям дважды. Впервые это произошло в 1677 г., когда норвежская армия (несколько тысяч солдат и сотня пушек), захватывая одно укрепление за другим, вынудила шведов укрыться в Карлстене. После трёхнедельной осады комендант цитадели был вынужден сдаться, и с 1677 по сентябрь 1679 г. Марстранд был оккупирован датско-норвежской армией. В 1679 г. город опять оказался в руках шведов.

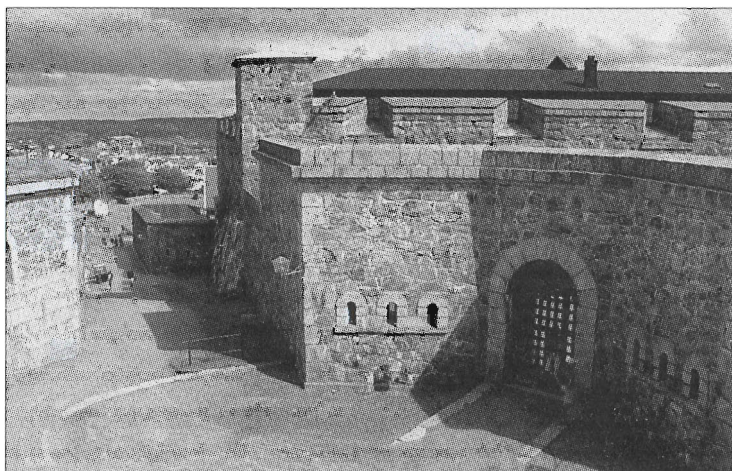

Марстранд

Второе нападение состоялось 10 июля 1719 г. Морской офицер Петер Торденишёльд без труда захватил город, однако крепость Карлстен с 300 защитниками никак не поддавалась его обстрелу. Тогда офицер пошёл на хитрость: он распустил слух о том, что ему на помощь спешит подкрепление, и испугавшийся возможной осады комендант крепости Хенрик Данквард капитулировал 15 июля, за что был приговорён к смерти и повешен в том же году. На сей раз цитадель находилась в руках датчан до 1720 г., когда Марстранд был в очередной раз закреплён за шведами.

В 1830—1860-е гг. Карлстен был вновь расширен и, наконец, объявлен «полностью завершённым», после чего его провозгласили одной из мощнейших крепостей Европы. Однако в тот период вероятность войны с Данией становилась всё меньше и меньше, в связи с чем в том же столетии цитадель потеряла свою прежнюю военную ценность, и в 1878 г. было внесено предложение о выводе из Марстранда гарнизона, но, принимая во внимание отличное состояние форта, сохранить его как память о великом прошлом. Так и поступили. Солдат и большинство пушек перевезли в другую кре-

Карлстен

пость, Карлсборг, также считавшуюся одной из передовых фортификационных сооружений Швеции.

С самого первого дня крепость Карлстен строили заключённые (в том числе и политические), приговорённые к штрафным работам. Чтобы «привлечь» сюда рабочую силу, в шведском законе появилось новое наказание: Марстрандские работы. Сюда со всей страны начали свозить не только мелких преступников, но и самых отъявленных негодяев: убийц, крупных воров, насильников и мошенников. Срок наказания варьировался от нескольких лет до пожизненного заключения.

Дабы предотвратить попытки побега, к ногам заключённых приковывали двухкилограммовое железное ядро. Тех же, кто доставлял особо много хлопот, ждало ещё менее приятное одеяние: весившая до 36 кг цепь, связывавшая шею, руки и ноги. Тяжёлый труд и плохие условия содержания приводили к высокой смертности, и порой за зиму умирало до 20 % осуждённых. Марстрандские работы были отменены в 1854 г., и большинство заключённых перенаправили в Гётеборг.

Впервые для отбывания наказания в Карлстен привезли около 50 человек в 1680 г. На время войн их старались отсюда вывести, как это произошло в 1719 г. и в 1858 г.: шведы не хотели держать особо опасных преступников в одном из важнейших в стратегическом отношении мест в стране. Однако сразу по окончании войн тюрьма вновь оживала, и в 1854 г. количество заключённых достигло рекордного числа — 232. С тех пор сохранилось три камеры.

Среди политических заключённых обычно называют Карла Фредрика Пешлина (1720—1796), обвинённого в соучастии в заговоре против Густава III. Через какое-то время Пешлина перевели в Варбергскую тюрьму, где он скончался в мае 1796 г.

С 1794 по 1798 г. в Карлстене сидели видные политические деятели Юхан Фредрик Аминофф и Юхан Альбрект Эренстрём, обвинённые в попытке совершения государственного переворота. Обоих освободили после того, как Густав IV Адольф стал совершеннолетним и был провозглашён шведским королём.

Наконец, в 1812—1838 гг. в стенах Карлстенской тюрьмы находился, пожалуй, самый знаменитый шведский преступник —

Лассе-Майя

Лассе-Майя, приговорённый к пожизненному заключению, но помилованный после 25 лет лишения свободы.

Лассе-Майя, или Ларс Ларссон Мулин (1785—1845), как его звали на самом деле, был самым известным вором Швеции, своеобразным Роббином Гудом — разбойником, отбиравшим деньги у богачей и дарившим их бедноте. Без труда освоив женские профессии, Лассе начал совершать свои деяния в

женских нарядах — именно этот факт долго не позволял властям поймать его.

В отличие от других заключённых, вынужденных выполнять тяжёлый физический труд, Лассе отбывал срок в качестве повара — это была одна из тех женских профессий, которые он приобрёл на воле. Долгие вечера Мулин коротал за написанием мемуаров, ставших после публикации самой популярной книгой Швеции.

Варберг

Крепость Варберг — одна из тех, чью историю можно чётко разделить на три части: укрепление, замок и собственно крепость. В провинции Халланд, некогда принадлежавшей Дании, существует много так называемых «вардбергов» — мест на скале, где в старые времена разжигали огромные костры, подавая тем самым сигнал об опасности от одного населённого пункта другому. В одном из таких вот местечек граф Якоб Нильсен и начал возводить в 1287—1300 гг. небольшое укрепление: дело в том, что в 1286 г. его обвинили в покушении на датского короля Эрика V Клиппинга (1249—1286), в результате чего он попал в опалу. В XIII в. стать опальным было всё равно что быть приговорённым к смертной казни, поскольку любой человек имел право убить опального, не получая за своё деяние никакого наказания.

Печать Эрика Менведа с его изображением

Собственно, именно Эрик V пожаловал Якобу земли северной части провинции Халланд, поэтому-то Нильсен и остановился здесь, в то время как другие заговорщики отправились дальше, в Норвегию. Позже опальным удалось склонить нового норвежского правителя Хокона V к борьбе с только что воцарившимся на датском троне Эриком Менведом (1247—1319). Однако что-то пошло не так, и в 1304 г. Хокон начал осаду Варберга, после чего Якоб Нильсен был вынужден передать (по другой версии — продать) свои графские угодья норвежскому монарху.

Завоёванное Хоконом V укрепление представляло собой одноэтажное и трёхэтажное каменные строения, соединённые 60-метровой стеной. Недавно археологам удалось обнаружить ещё и мощную центральную башню со стенами толщиной 2 м. Хокону же этот кусок не показался лакомым, и он подарил всю провинцию Халланд шведскому герцогу (и по совместительству своему зятю) Эрику Магнуссону, с которым норвежский монарх ладил как нельзя лучше.

Эрик вместе с супругой с радостью приняли такой подарок — здесь у них в 1316 г. рождается сын, будущий король Швеции Магнус Эрикссон. Эрик, надо сказать, прожил в замке не так уж долго: в 1317 г. он оказался на так называемом Нючёпингском пире, после которого его с братом заточили в одной из башен замка, где оба и скончались от голода.

В 1321 г. в Варберге поселился Кнут Порсе (? — 1330). Он оказался тем человеком, который после смерти братьев Эрика и Вальдемара в Нючёпинге одержал победу над новым шведским монархом, королём Биргером, после позорного поражения вынужденного покинуть родную Швецию и скрываться у своей сестры Ингеборги и её мужа Эрика Менведа в Дании.

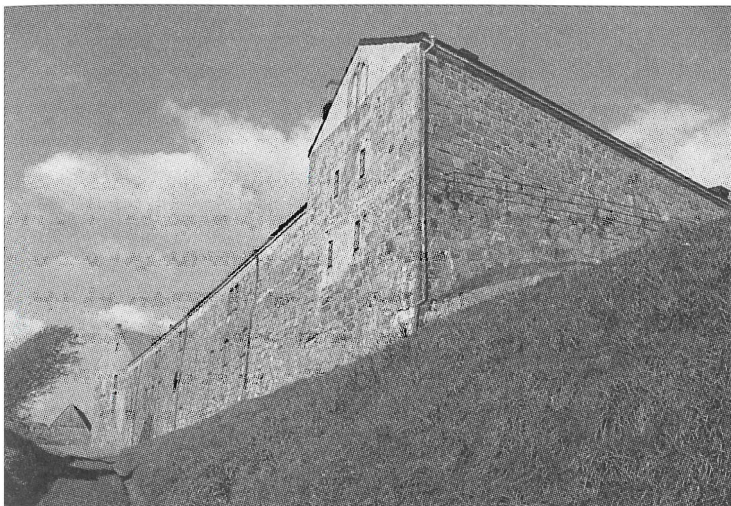

Кнут был тем человеком, которому удалось убедить шведских аристократов выбрать новым монархом Магнуса Эрикссона, что было на руку прежде всего норвежцам. Возможно, именно в благодарность за это Кнут получил Варберг. Порсе всем сердцем желал создать собственную приграничную державу, однако это не понравилось шведам, и Кнут был вынужден бежать в Данию, где под его руководством была разграблена провинция Сконе. Варберг же стал буквально пристанищем морских разбойников — также, кстати, подчинявшихся Порсе.

После смерти Порсе в 1330 г. в замке обосновался шведский правитель Магнус Эрикссон со своей женой Бланкой, учительницей которой являлась сама святая Биргитта (Birgitta) (1303—1373), основательница ордена бригитток (орден Св. Биргитты). Магнус был в восторге от Варберга — эти места он хорошо помнил ещё с юных лет. В 40-х гг. XIV в. король выкупил у датчан всю провинцию Халланд, но вскоре оказался втянутым в конфликт с дворянством Швеции и Норвегии, признавшим новым правителем некоторых частей Швеции сына Магнуса, Эрика.

Эрик захватил Варберг, но скончался в 1359 г., будучи всего 20 лет от роду, что позволило отцу вновь вернуть себе утраченные владения. Однако в 1366 г. датчане под предводительством Вальдемара Аттердага снова овладели крепостью, которая теперь оставалась в их руках вплоть до заключения мира в Брёмсебру в 1645 г. Первые 200 лет датского владычества провинция Халланд вообще не являлась предметом делёжки и разбирательств — это была своего рода компенсация за то, что с 1305 по 1365 г. Варберг менял страну-хозяина 8 раз.

Ситуация повторилась и во второй половине XVI в.: тогда во время беспрерывных войн между Данией и Швецией Варберг пе-

Варберг

реходил от одной страны к другой, и в итоге, после многочисленных осад, значительная его часть оказалась разрушенной. Начались масштабные работы по ремонту и расширению Варберга, и в начале XVII в. замок уже был настоящей крепостью — такой, какой мы её видим сегодня. Именно тогда появились бастионы Белого, Красного и Серого монахов.

Серый монах известен прежде всего своим спиралевидным коридором, по которому можно было перевозить пушки на разные этажи. Основные преобразования замок претерпел во время правления датского короля Кристиана IV (1577—1648), сумевшего превратить Варберг в одно из наиболее современных фортификационных сооружений XVII в., что вызвало сильное удивление европейцев: к тому моменту крепость уже практически не использовалась.

Расширение Варберга началось в 1588 г. и продолжалось до 1618 г. Необходимость обновления была связана с появлением нового оружия — прежде всего пушек, разрывы ядер которых старые каменные замковые стены уже не могли выдержать. Требовались бастионы и земляные насыпи.

На стройке ежедневно трудилось до 1000 крестьян, задачей которых было доставлять камни и землю к будущему боргу. Свое-

го рода возмещение морального ущерба произошло в 1830-х гг.: тогда крепость была вычеркнута из списка необходимых оборонных укреплений Швеции, и местным жителям было позволено использовать её камни для строительства собственных домов.

Интересная история произошла в Варберге в XVI в. Во время так называемой графской распри в 1534—1536 гг., когда шла междоусобная борьба за датский престол, Швеция находилась в состоянии войны с Любеком и сторонниками Кристиана II (1481—1559). В плену у шведов оказался любекский наёмник Маркус Мейер, которого тут же отправили в заточение в Варбергскую крепость. Правда, условия его содержания были практически королевскими: он мог свободно передвигаться по своей тюрьме, и вскоре ему удалось вступить в сговор с местными бюргерами, священнослужителями и иными лицами, оказавшимися вблизи Варберга и, как и Мейер, ратовавшими за возвращение на трон Кристиана II.

В марте 1535 г. около 30 человек, среди которых были и немецкие солдаты, подобрались к крепости, где Маркус бросил им верёвку и помог пробраться внутрь. Утром следующего дня заговорщики схватили местных охранников и бросили их в подвалы крепости. Мейеру удавалось удерживать контроль над Варбергом целых 15 месяцев, пока новый король Дании Кристиан III (1503—1559) не отправил сюда военную флотилию. Крепость была обстреляна, Мейера и его сообщников взяли в плен и приговорили к смерти за государственную измену.

С 1645 по 1830 г. Варберг служил военной базой и тюрьмой; местом заключения крепость оставалась более ста лет, и в период «тюремного расцвета» здесь содержалось около 500 заключённых. Первоначально все осуждённые проживали в общих казармах, и только в 1856 г. для них были построены отдельные камеры. Большинство лишённых свободы в Варберге трудились на местной каменоломне.

Когда тюрьма была закрыта, крепость отреставрировали и превратили в музей, помещения которого дают прекрасное представле-

ние об архитектуре всех этапов перестройки замка. Здесь также находится турбаза и ресторан. Каждый июль в Варберге проходят дни Средневековья, где можно увидеть рыцарские турниры и окунуться в жизнь, которой был наполнен замок несколько сотен лет назад.

Ваксхольм — верный защитник Стокгольма

До сих пор речь шла лишь о бастионах западного побережья Швеции, однако защищать требовалось также и восточные берега — ведь именно здесь выросла столица шведского королевства. «Замком озера Меларен» стала могучая крепость Тре Крунур, со временем превратившаяся в Королевский дворец, но разрастающийся Стокгольм нуждался в более надёжной защите: уже на подступе к нему враг должен был быть остановлен и не допущен к святым святым земли шведской.

Вот так всего в часе езды от центра Стокгольма расположилось несколько величественных фортов, некогда составлявших оборонную систему столицы, — Ваксхольм, Фредриксборг и Риндё (Rindö). Стратегическая важность этих мест была очевидна уже в начале XVI в.: именно тогда регент Швеции Сванте Стуре-младший (1493—1520) велел поставить на островке Ваксхольм первый сруб. На вестеросском риксдаге 1544 г. Густав Васа, много лет боровшийся с датчанами, представил план оборонительной системы страны. В него входило и возведение добротного форта Ваксхольм с целью защиты города, с одной стороны, и осмотра товара и сбора податей со всех проплывавших мимо судов, с другой.

В 1548 г. на Ваксхольме появилось деревянное укрепление на месте, выбранном самим Густавом. Юхан III заменил постройку отца круглой каменной башней, дополненной впоследствии насыпями и бастионами, помогшими в 1612 г. выдержать атаку датчан. Последующие два столетия усиление крепости продолжалось, хотя основным её предназначением оставалась таможенная деятельность.

О происхождении названия «Ваксхольм» до сих пор ведутся жаркие споры. Наиболее вероятным представляется производное от шведского «Vaktsholm» — «остров, где несётся караульная служба».

Ваксхольм

Противники этой теории утверждают, что «Vaksholm» означает «остров, где следят за ветрами», что также может быть верным, учитывая его географическое положение.

В 1719 г. произошло знаменательное для Швеции событие: русские, разоряя и опустошая восточное побережье, подошли вплотную к Ваксхольму, где их встретила эскадра из 4 линейных судов, 5 фрегатов и 12 галер, подкреплённая градом пушечных ядер, посыпавшихся на русских из крепости. Тем самым шведская флотилия блокировала подступ к своей столице, и русские, отступив, более никогда не предпринимали попыток захватить Стокгольм. Однако этот эпизод показал, что оборонительная система Швеции нуждалась в улучшении, а потому на соседнем с Ваксхольмом острове выросла крепость Фредриксборг.

В 1809 г. по условиям Фридрихсгамского мирного соглашения Финляндия и Аландские острова перешли к России. Восточные границы Швеции вновь оказались в большой опасности, и стратегическое значение Ваксхольма снова возросло. В 1833—1863 гг. крепость была перестроена и приобрела свой нынешний вид, однако

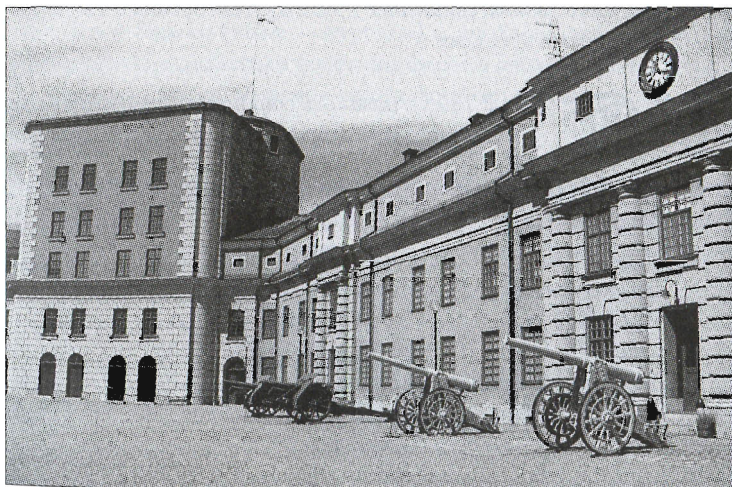

гранитные стены двухметровой толщины не поспевали за быстрым развитием оружейных технологий — это показал проведённый в 1872 г. пробный обстрел.

Несмотря на новые казармы, рассчитанные более чем на 1000 человек, да на привезённые сюда 156 пушек, Ваксхольм отныне мог использоваться лишь для обучения, как склад и в административных целях. Правда, непрочность стен оказалась не слишком большой проблемой: современные корабли, оснащённые новой артиллерией, стали значительно крупнее прежних, а потому уже не могли пройти по узким заливам Ваксхольма. Оборонная линия Стокгольма была перенесена дальше от города — там и появилось новое укрепление: крепость Оскар-Фредриксборг.

Сегодня под названием «Ваксхольм» принято объединять сразу несколько укреплений, когда-либо составлявших оборонную систему восточного побережья Швеции: собственно Ваксхольм, редут Риндё, Фредриксборг, Оскар-Фредриксборг и форт Сиарё (Siargö).

Однако ни одна крепость не получила такой известности, как Ваксхольм — именно сюда привозят туристов, именно здесь открыт музей истории обороны восточного побережья, именно здесь рассказывают о жизни в бастионе и о том времени, когда Ваксхольм служил тюрьмой, среди пленников которой числился и гене-

Казармы Ваксхольма

рал Георг Карл фон Дёбельн (1758—1820). Про другие крепости, к сожалению, зачастую даже не упоминают — и незаслуженно, ведь некоторые из них объявлены памятниками архитектуры.

Первым из возведённых после Ваксхольма фортов стал Фредриксборг, ставший в 1724 г. самой современной крепостью Швеции. После смерти Карла XII в 1718 г. и заключённых с врагами мирных договоров шведское великодержавие осталось в далёком прошлом. Русские полностью разграбили восточное побережье, и Ваксхольму требовалось «подкрепление». Тогда-то и начались работы по возведению Фредриксборга, завершённые к 1733 г., когда гарнизон форта составил 2000 человек.

Известность крепость, получившая своё имя в честь короля Фредрика I (1676—1751), приобрела благодаря огромной башне, чьей главной задачей было защитить материковую часть Швеции: здесь расположилось 45 пушек, способных стрелять на 1 км.

Изначально башню хотели строить из кирпича, однако власти решили сэкономить на внешней и частично внутренней обшивке, воспользовавшись песчаником. Укрепления вдоль береговой линии скрывали 40 пушек, которые должны были отпугнуть врага и потопить суда, всё же осмелившиеся приблизиться к крепости. На период войны были предусмотрены специальные сооружения для перекрытия всего залива: связанные друг с другом брёвна с заострёнными железными концами.

В 1858 г. началось строительство редута на острове Риндё, призванного помочь Ваксхольму оборонять водные пути Стокгольма. Ставка делалась на размещение новых укреплений на самой высокой северной точке острова: благодаря расположенным здесь пушкам северная и северо-восточная части залива защищались гораздо лучше, нежели из Ваксхольмской крепости. Редут представлял собой смотрящий на север донжон, окружённый валами, стеной и глубоким рвом. Типичным для Европы того времени являлось сооружение двух капониров — в Швеции капониры Риндё стали первыми в стране.

Вслед за редутом последовал возведённый в 1877 г. (также на острове Риндё) форт Оскар-Фредриксборг, состоящий из двух

укреплений, связанных проходящим в скале туннелем. Это было новшество в создании укреплений: помимо взорванной части горы (Нобель только-только открыл подобные возможности нитроглицерина, и ход в Оскар-Фредриксборге стал первым, где была применена данная технология) здесь применили бетон, а сам бастион буквально «прятался» под землёй: наружу выступали лишь самые необходимые компоненты.

Верхняя часть форта предназначалась для пушек; из нижнего отделения мог производиться подводный обстрел проходящих мимо вражеских кораблей. Тут же находились казармы и склады. Самый современный в Швеции форт стоял прямо напротив некогда пытавшейся стать модернизированной крепости Ваксхольм.

Наконец, во время Первой мировой войны появился форт Сиарё. От своих предшественников он отличался тем, что его бетонные помещения были целиком скрыты под землёй: целью было не уstrasшить противника, а полностью уничтожить его, оставаясь незамеченным. Все необходимые надземные элементы должны были максимально сливаться с окружающей средой.

Построенное в спешке укрепление, надо сказать, никуда не годилось с самого начала: военнообязанные уже через несколько недель начали жаловаться на многочисленные болезни, появлявшиеся у них из-за постоянной сырости. Гарнизон переехал в наскоро построенные бараки (ныне — турбазы) и проживал там до тех пор, пока власти не запретили ночёвки в форте в мирное время.

К началу Второй мировой войны форт безнадёжно устарел, поскольку его без труда могли обнаружить военные самолёты нового поколения. Сиарё, однако, продолжал служить местом муштровки солдат вплоть до 60-х гг., а в 90-х гг. XX в. здесь были проведены восстановительные работы, после которых бастион превратился в музей, где наглядно представлены прежние условия жизни военных.

ДАТСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ЗАМКИ И КРЕПОСТИ ЮЖНОЙ ШВЕЦИИ

В эпоху раннего Средневековья мощнейшим королевством Скандинавии была Дания. Это и понятно: располагаясь хоть и на периферии Европы, Дания, под властью которой находились, среди

прочего, юго-западные земли Швеции, Мекленбург и Померания, всё же была её частью — главным показателем являлась возможность добраться до наиболее влиятельных государств по суше, чего совершенно были лишены её северные соседи: Швеция, Норвегия и Финляндия.

Тем не менее окончательно сбрасывать со счетов такое королевство, как Швеция, было непозволительной роскошью: Швеция являлась главным соперником Дании в борьбе за господство на Балтийском море. Как следствие под ударом оказалась находившаяся с 811 г. в составе Дании, но сохранявшая особый статус и собственные законы провинция Сконе на южной оконечности Скандинавского полуострова.

Назвать эту зону приграничной можно лишь с большой натяжкой: в Средние века этот край находился гораздо ближе к датской Зеландии, нежели к шведским регионам, которые были отделены от него труднопроходимыми лесными чащами — столь глухими, что самым простым способом добраться до южного соседа всегда был водный путь.

Для Дании Сконе имела особую значимость ещё и потому, что здесь находилась резиденция датского архиепископа. Это был важный духовный центр страны, а позже, после провозглашения Лунда в 1103 г. архиепископством всей Скандинавии, и других северных стран. Правда, очень скоро шведы и норвежцы получили более удобные архиепископства — в Упсале и Трондхейме соответственно. Так Сконе оказалась всего лишь периферийной зоной Швеции.

Окончательно провинция Сконе была закреплена за Швецией в 1658 г. Во избежание дальнейших споров и неурядиц здесь сразу началось активное насаждение шведской культуры: местным жителям было запрещено вести торговлю с бывшими соотечественниками и обучаться в Копенгагенском университете, альтернативой которому явился основанный в 1666 г. университет в Лунде. Единственное, что новые хозяева не смогли уничтожить, — это огромное скопление средневековых замков датской знати, по численности которых Сконе не смогла превзойти ни одна другая провинция Швеции.

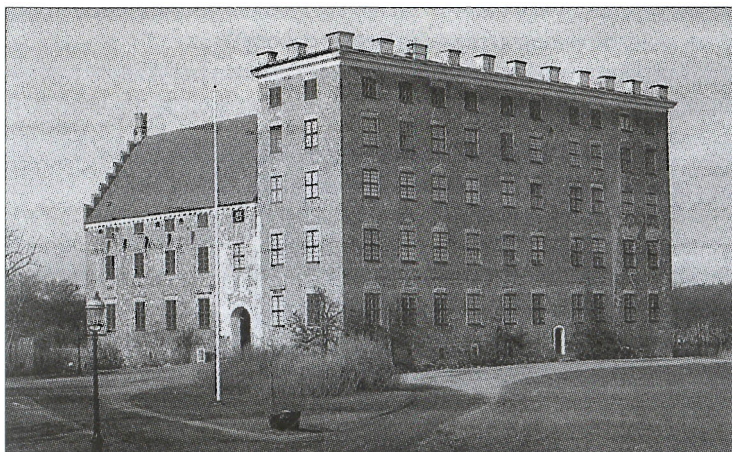

Прибытие в Сконе главы церкви ознаменовало новую строительную эпоху: архиепископ, оставаясь одним из самых крупных землевладельцев после короля до середины XVI в., соорудил немало укрепленных резиденций.

Следующим этапом замкостроения в Сконе стал XVI в. Здесь оно процветало, как нигде более в Скандинавии. В отличие от шведской знати датские дворяне представляли собой чрезвычайно обеспеченное, но закрытое общество, попасть в которое человеку со стороны не представлялось возможным.

Бум возведения замков начался с воцарением на датском престоле Кристиана III в 1536 г. и окончился в 1660 г., когда в стране установилось самодержавие. Принцип замков того периода, по большому счёту, совпадал с принципом замков шведских, однако датские вельможи очень скоро развили феодальную систему, превратив своё место жительства в центральный пункт прилегающей территории, доходы которой обеспечивали повседневные нужды дворян. В то же время Сконе стала тем самым местом, где в конце XVIII в. была проведена первая сельскохозяйственная реформа Швеции. Произошло это при замке Сванехольм.

В архитектурном плане замки Сконе сильно отличаются от своих сородичей в других шведских провинциях. Старейшие из них — Глиммингехус, Боллеруп (Bollerup), Эруп (Örup) и Эртофта

Сванехольм

(Örtofta) — были построены в эпоху позднего Средневековья и являлись отдельно стоящими каменными домами; именно так и выглядели все замки тех времён. Позднее, однако, во время многочисленных войн между соседствующими странами большое количество датских замков в Сконе было сожжено; то, что осталось, было либо конфисковано, либо продано шведам.

Несмотря на то что постоянные войны между Швецией и Данией продолжались без малого до середины XVII в., датчане перестали уделять столь пристальное внимание обороноспособности своих жилищ уже в начале столетия, отдав предпочтение их внешней красоте. Свои дома они стали перестраивать в характерном для северной Европы ренессансном стиле, распространившимся при датском короле Кристиане IV (1577—1648) и потому названным в его честь.

Характерными чертами зданий того времени стали фасады из красного кирпича, украшенные деталями из светлого камня и изобилующие скульптурными барельефами, — именно так выглядят ныне шведские замки Розендалль близ Хельсингборга и Врамс-Гуннарсторп. Правда, сегодня историки склонны считать, что датчане, строившие замки в этих краях, хотели лишь посоревноваться друг с другом и произвести впечатление внешним блеском, не собираясь здесь жить. Иначе как объяснить тот факт, что внутреннее убранство большинства замков того периода весьма и весьма скудно, и пышность, хоть как-то соответствующая тем временам, прослеживается только в Сёвдеборге (Sövdeborg)?

Так или иначе, но бурное датское замкостроительство резко прекратилось, когда в XVII в. Сконе стала шведской провинцией. На данный момент в Сконе насчитывается около 200 различного рода замков и имений — от многих, правда, теперь остались только благородные руины...

Мальмёхус — старейший ренессансный замок Скандинавии

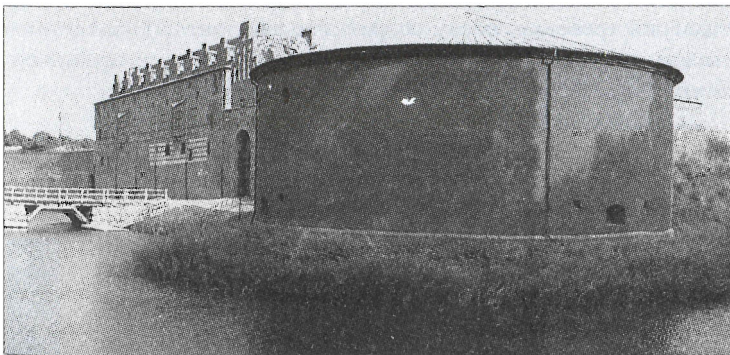
Большинство туристов начинают своё знакомство с замками Сконе со столицы провинции — третьим по величине городом Швеции Мальмё. Тем более что в самом его центре расположился старейший из сохранившихся на территории Скандинавии замок в стиле ренессанс — Мальмёхус.

Своим появлением Мальмёхус обязан королю Эрику Померанскому (1382—1459), который, желая составить конкуренцию Ганзе, решил начать укрепление населённых пунктов по обе стороны Эресундского пролива. Для этих целей в самом городе возвели стену длиной около 1,5 км и высотой 5 м — однако до строительства крепости дело так и не дошло: своего появления ей пришлось ждать ещё долгих 30 лет, до 1434 г.

Крепость представляла собой высокую башню с помещениями для жилья и небольшую пристройку с огромным залом; во дворе, связанном с городом только одним входом, располагалось, как и положено, всё необходимое для приготовления пищи и ремесленных работ. Десятью годами позже здесь уже чеканили монеты — по самым скромным подсчётам, на этом производстве было занято от 50 до 100 человек, многие из которых являлись привлечёнными иностранными специалистами.

Неспокойные для Дании (а Мальмё в те времена являлся довольно крупным торговым центром этой страны) 1520-е гг. вынудили нового короля Фредерика I (1471—1533) задуматься о расширении крепости. Местные жители отказались признавать Фредерика своим правителем, и тот, потеряв к ним доверие, предпочёл снести соединяющие город с крепостью ворота — теперь попасть в укрепление можно было только с моря. Кроме того, Фредерик

Мальмёхус

продлил крепостную стену на восток, окончательно отделив не только город от моря, но и замок от города.

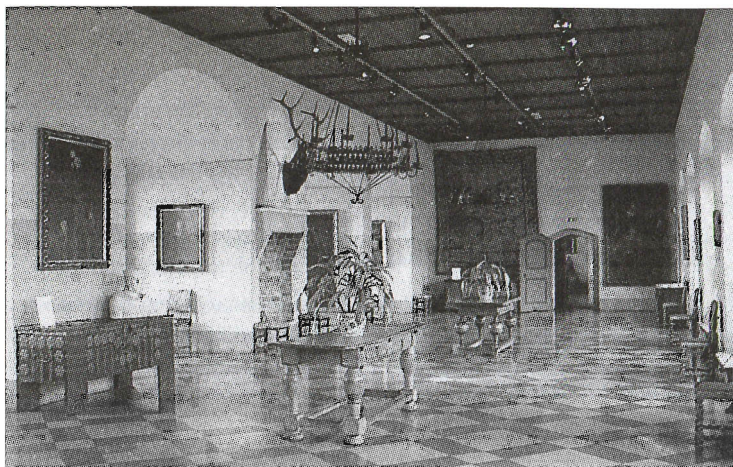
Сказочное превращение из хмурой оборонительной крепости в роскошный королевский замок произошло в 1536—1542 гг., когда очередной правитель Дании Кристиан III (1503—1559) придал строению черты поздней готики и итальянского Ренессанса. Строительного материала было предостаточно: он появился в результате разрушения в годы Реформации шикарных каменных церквей и монастырей.

На самом деле возводить замок пришлось чуть ли не на пустом месте — в 1533 г. в ходе гражданской войны в Дании Мальмёхюс был практически разрушен. Кристиан решил тут же восстановить его, однако местные жители не слишком приветствовали подобную инициативу, прекрасно понимая, какие финансовые расходы она за собой повлечёт. Дабы переубедить своих граждан, король велел поселить военных в домах горожан — и, когда те начали жаловаться, монарх лишь с сожалением объяснил, что городу всё ещё требуется защита, а размещать солдат ему негде. Людям ничего не оставалось, кроме как согласиться на восстановление замка.

Оставить новый дворец совсем без обороны Кристиан, безусловно, не мог. Вокруг были вырыты обложенные кирпичом рвы, а на образовавшемся островке возвели четыре круглых орудийных башни, которые, по замыслу архитектора, должны были стать столь же высокими, как замок. Орудийные башни были главным звеном фортификационной системы: крепкие стены уже не могли защитить замок столь же хорошо, как прежде, поскольку развитие артиллерии требовало новой оборонительной тактики, основанной главным образом на артиллерии, способной поражать врага, приближающегося с любой стороны, на большом расстоянии.

Во внутреннем дворе Мальмёхюса выросли маленькие домишки — в частности, для кухни и пекарни; к замку был проведён водопровод — чистая вода позволяла живущим здесь защититься от разного рода эпидемий, коими город в то время буквально изобиловал. В самом замке главным стал так называемый Королевский этаж, под которым находилось ещё два помещения — одно из них для губернатора. Ближе к чердаку

Один из залов Мальмёхюса

были построены комнаты для солдат и королевского двора. С тех самых пор Мальмёхюс начал служить резиденцией для королевских особ, устраивавших здесь громкие пиры, на которые нередко зазывались даже местные жители.

Точку в пышной жизни Мальмёхюса поставил мирный договор 1658 г., когда провинция Сконе в очередной раз (теперь уже окончательно — о чём, правда, воюющие стороны пока не знали) перешла от датчан к шведам, нуждавшимся в новых укреплениях своих границ. В 1662 г. вокруг замка выстроили четыре бастиона, существовавшие до этого сооружения оснастили орудиями — в общем-то, именно эти преобразования позволили городу стать единственным в провинции Сконе, выдержавшим четырёхмесячную осаду (а затем и атаку как с суши, так и с моря) датчан несколько лет спустя. Благодаря этому Мальмёхюс оказался сегодня старейшим сохранившимся ренессансным замком Скандинавии.

К XVIII в. непрерывные войны с Данией закончились, и шведы, полностью потеряв интерес как к городу Мальмё, так и к его некогда прекрасному замку, стали использовать все его сооружения как оружейные и продовольственные склады. Позднее здесь открыли тюрьму, просуществовавшую вплоть до 1909 г., после чего

бастионы и укрепления за пределами замка уничтожили, разбив на их месте парк, а саму крепость отреставрировали и превратили в музей.

Похожей судьбой может похвастать чуть ли не каждый второй замок южной Швеции. Скажем, тот, о котором сейчас пойдёт речь.

Цитадель Ландскруна — бастион, тюрьма или ресторан?

Как и другие крепости этого региона, Ландскруна появилась в то время, когда южная оконечность Скандинавского полуострова принадлежала Дании. Кристиан III, решив дополнительно укрепить спорные территории, велел возвести здесь новые оборонительные сооружения, и продолжавшееся 10 лет строительство было начато в 1549 г. Замок с четырьмя квадратными угловыми башнями обнесли высокой стеной, а вокруг был вырыт ров шириной 70 метров.

Таким образом, Ландскруна изначально была задумана именно как крепость, а не пышный дворец с повышенной обороноспособностью. Она даже не была приспособлена под проживание, хотя в 1589 г. местный губернатор и приказал пристроить к крепости небольшой жилой флигель.

Одновременно Ландскруна становится эстафетной палочкой в битвах шведов и датчан за эти земли: в 1644 г. она оказывается в руках шведов, но лишь на год. После Роскильдского мирного договора в 1658 г. она вновь переходит к шведам. На сей раз шведы не теряют времени даром: в 1667 и 1675 гг. в Ландскруне проходят строительные работы, в результате которых крепость становится самым современным бастионом Скандинавии.

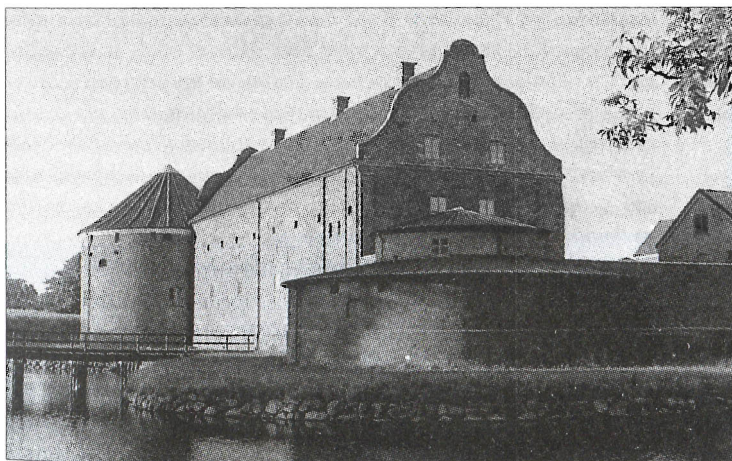
Однако уже год спустя новая война между Данией и Швецией достигает Ландскруны. За оборону крепости отвечает шведский полководец Хиеронимус Линдеберг, окружённый 1600 высококвалифицированными и преданными ему солдатами. Датчане начинают осаду крепости и несколько дней буквально осыпают её пушечными ядрами. И тут — к удивлению всех — Линдеберг отдаёт приказ о капитуляции. Датчане входят в цитадель, которая с этого момента становится важнейшим оборонительным пунктом южного соседа Швеции.

За сдачу Ландскруны, расцененную как государственная измена, Линдеберг предстал перед военным трибуналом — никто не мог понять, почему комендант сдал мощнейшую крепость вместо того, чтобы «бороться до последнего солдата». В своё оправдание Линдеберг лишь говорил, что пожалел жену: дескать, оглушающий шум разрывавшихся снарядов действовал ей на нервы, и она, не в силах вынести его, вынудила мужа капитулировать.

В народе, правда, прижилась другая версия: Линдеберг, ведя переговоры с датчанами, просил о возможности отослать из крепости свою больную жену, однако получил отказ. Жена же, узнав об этом, от страха родила двойню, но сама при родах умерла. Обезумевший от горя и отчаяния Линдеберг едва ли мог отдавать отчёт своим действиям и сдал крепость без сражения. Надо сказать, что слухи о кончине жены были сильно преувеличены: она значительно пережила мужа и даже получала из королевской казны пенсию как вдова.

Линдеберг был казнён в декабре 1677 г. Два года спустя Ландскруна снова оказалась в руках шведов.

Ландскруна

Тихо Браге

Вообще о цитадели рассказывают немало интересных историй. К примеру, в 1685 г. среди местных жителей начало расти возмущение в связи с тем, что в их обязанности входило постоянно освобождать рвы ото льда, — несправедливо, что те же соседи ландскрунцев не привлекались к подобным работам. Тогда король издал указ о взыскании с жителей соседнего города Хельсингборга ежегодной дани в пользу Ландскруны в размере 30 далеров серебром — мера, которая надолго внесла «ледяной» разлад в отношения между соседями.

Другая история, вызывающая у некоторых сострадание и сочувствие, у некоторых — смех, связана с одним из самых знаменитых в Швеции жителей — лосем. Датский астроном, астролог и алхимик Тихо Браге (1546—1601) рассказывал в одном из писем, датируемым 1591 г., что в его Ландскрунском замке жил ручной лось. Как-то в Ландскруне был званый обед, и лось ввели в зал, дабы показать гостям. Гости не преминули наполнить свои бокалы до краёв и угостить домашнего питомца крепчайшими напитками. Лось, не рассчитав силы, не смог устоять на длинных ногах и упал с лестницы, сломав при этом ногу. Несмотря на должный уход и все усилия, жизнь животного не удалось спасти, и любимец Тихо Браге скончался в замке в мучениях от похмелья и боли в ноге.

В 1724 г. Ландскрунская цитадель признаётся лучшим оборонительным укреплением Швеции, однако это не помешало королю спустя 20 лет издать секретный указ о строительстве дополнительных сооружений вокруг бастиона. Главной задачей монарха было защитить всё разрастающуюся гавань, а потому центральным местом работ была выбрана восточная оконечность отмели — Гроэн (Gröön).

Однако с каждым годом работы требовали всё больше средств — изначально на новую крепость было выделено 5 бочек золота, но вскоре стало ясно, что окончательные расходы обойдутся казне более чем в 300 бочек! Кроме того, темпы работ оставляли желать лучшего: по предварительным расчётам проект должен был быть завершён к 2110 г. Оценивавшая строительство комиссия констатировала к тому же, что Ландскруна уже не является важнейшим приграничным пунктом, требующим столь тщательного укрепления, как прежде, — теперь вполне можно было обойтись небольшой модернизацией старого бастиона.

Тем не менее шведам понадобилось ещё полвека, чтобы навсегда прекратить начавшуюся постройку. Примерно тогда же в Ландскрунской цитадели появляются первые заключённые; с 1827 г. здесь находятся сотни осуждённых пожизненно, а в начале XX в. сюда привезли на исправительные работы женщин лёгкого поведения. После Второй мировой войны бастион стал временным пристанищем для беженцев, число которых к 1953 г. достигло 22 000.

Последние годы цитадель знаменита организацией пышных праздников, рестораном с изысканными блюдами и музейной экспозицией, посвящённой истории крепости.

Глиммингехюс — место, где обитали полчища крыс

Глиммингехюс в юго-восточной части провинции Сконе — лучше всего сохранившийся средневековый замок Скандинавии, строительство которого, занявшее всего 7 лет, началось в 1499 г. по поручению датского рыцаря Йенса Хольгерсена Ульфстанда (? — 1523), согласно надписи над входом «лично заложившего первый камень». Именно в этом пятиэтажном здании высотой 26 м, длиной 30 м и шириной 12 м Сельма Лагерлёф поселила полчища крыс, которых предстояло изгнать мальчику Нильсу в книге «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями».

Вот как описывала Глиммингехюс сама Лагерлёф: «Со всех сторон Глиммингенский замок окружён горами. И даже сторожевые башни замка кажутся вершинами гор».

Нигде не видно ни входов, ни выходов. Толику каменных стен прорезают лишь узкие, как щели, окошки, которые едва пропускают дневной свет в мрачные, холодные залы.

В далёкие незапамятные времена эти стены надёжно защищали обитателей замка от набегов воинственных соседей.

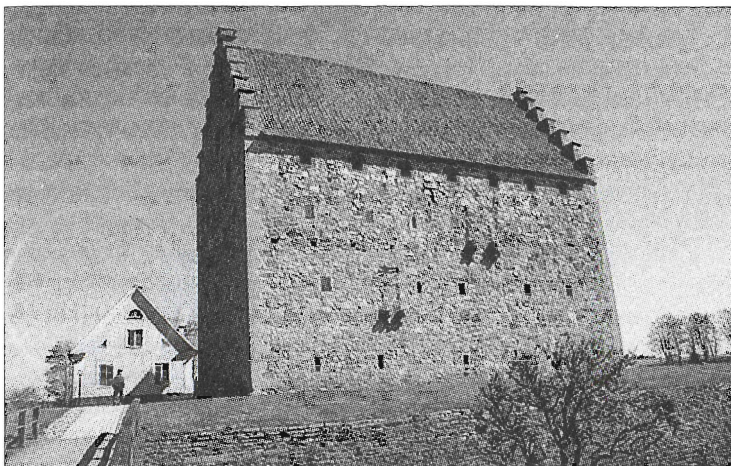
Но в те дни, когда Нильс Хольгерсон путешествовал в компании диких гусей, люди большие не жили в Глиммингенском замке и в его заброшенных покоях хранили только зерно».

Скорее всего, уже с самого начала богг задумывался как пышный дворец, и среди обнаруженных в замке предметов обихода были найдены дорогостоящие вещицы Европы начала XVI в.: венецианское стекло, испанская керамика да полное рыцарское обмундирование. Кроме того, здесь существовала система отопления всех комнат: тёплый воздух подавался от огромных печей по желобам в стенах. Для своего времени Глиммингехюс был довольно удобным местом для жилья, однако он не претендовал на вызывающие новшества, а был скорее данью рыцарской романтике — никто из датско-шведских дворян никогда не рассматривал замок как потенциальную резиденцию.

Особых причин для постройки Глиммингехюса, в общем-то, не было, а потому многие историки склонны считать, что Ульфстанду всего-навсего надо было соорудить себе хороший каменный дом, где можно было бы прятаться от врагов, которых, по слухам, у королевского адмирала и рыцаря было немало.

Вероятно, именно обилие врагов заставило Ульфстанда предусмотреть в замке множество ловушек на случай вторжения непрошенных гостей: к примеру, на верхних этажах хранили смолу — её предполагалось выливать на неприятеля с крыши. Над входной дверью (да и во всех других дверях), в ведущей на второй этаж лестнице и в покоях владельца замка также есть отверстия, из которых можно было обстреливать врага. Кроме того, повсюду встречаются фальшивые двери и коридоры, приводящие в тупик.

Глиммингехюс

Несмотря на все западни, Глиммингехюс никогда не претендовал на звание настоящей крепости. Его стены толщиной до 2,5 м да вырытый вокруг замка ров едва ли могли сдержать хорошо спланированный натиск неприятеля, хотя сам вход в замок был отлично защищён и по сей день выглядывающими из всех щелей пушками.

Глиммингехюс использовался как жилое помещение около 50 лет — в 1523 г., после смерти Йенса Хольгерсена Ульфстанда, вся роскошь довольно быстро куда-то исчезла, а местные жители превратили замок в склад зерновых. Карл XI, не желая снова отдавать Глиммингехюс Дании, решил его разрушить, о чём и отдал распоряжение в 1676 г. Для сноса привлекли 20 крестьян, однако все их попытки оказались тщетными. Когда им на помощь подоспели ещё 130 человек, неподалёку пришвартовались датско-голландские суда, и шведам пришлось незамедлительно покинуть эти края. Так и стоит с тех пор, привлекая туристов своей угрюмостью и в то же время загадочными тайнами средневековой жизни, гордый и нетронутый Глиммингенский замок — «нигде ни лазейки, ни выступа, некуда лапу просунуть, не за что уцепиться»...

Марсвинсхольм

О древней истории Марсвинсхольма известно не так уж много: замок появился на месте старого дворянского поместья; но в конце XIV в. эти земли купил Вальдемар Аттердаг (1321—1375), чтобы затем передать их своей дочери Маргарете (1353—1412), которая впоследствии стала королевой объединённой Скандинавии. В 1520-х гг. замок был передан в качестве залога Йенсу Хольгерсену Ульфстанду — тому самому, что несколькими годами ранее основал Глиммингехус, — и с тех пор будущий Марсвинсхольм находился только в руках частных владельцев.

Современный вид Марсвинсхольм начал приобретать в 1644 г., когда богач Отто Марсвин (1573—1647) решил построить на приобретённой земле — или, вернее, воде, как это было принято в те времена, — элегантный ренессансный замок. Правда, вместо положенных четырёх зданий вокруг небольшого внутреннего дворика Отто велел возвести только два. Окна и вход были богато украшены барельефами из песчаника.

Общие черты замка сохранились до сегодняшнего дня, однако его внешний облик изменялся дважды: при графе Эрике Рууте в 1782—1786 гг. и в 1856—1857 гг. при бароне Юлесе Шернбладе — и это несмотря на то, что хозяев замок менял буквально как перчатки. У Отто Марсвина не было сыновей, которые могли бы унаследовать владение, а потому замок достался его дочери, вышедшей замуж за датского вояку и дипломата Йоргена Урне, кавалера Ордена Слона — высшей национальной награды Дании.

Статус Марсвинсхольма в период датского владычества трудно переоценить: все датские суда, проплывавшие мимо него, были обязаны салютовать. Так продолжалось вплоть до 1658 г., пока провинция Сконе не оказалась в руках шведов, незамедлительно конфисковавших все поместья в пользу своих высокопоставленных лиц.

С тех пор замок переходил от одного знатного рода к другому (в том числе и датским семействам), выкупался и перекупался. Таким образом, история Марсвинсхольма не изобилует кровавыми событиями и многочисленными разрушениями, вызванными беспрерывными датско-шведскими войнами.

Как уже было сказано, первые изменения Марсвинсхольма были радикальны: с башен исчезли шпили, крышу сделали плоской, трубы встроили в балюстраду, рвы засыпали. Новый хозяин вполне

Марсвинсхольм

мог позволить себе столь дорогостоящие перемены: он был генерал-губернатором Померании и министром финансов при Густаве III. Рууте был человеком весьма активным и прославился своими многочисленными промышленными предприятиями. При нём около замка появилась первая в Швеции сахарная свёкла, здесь стали использоваться первые в стране молотилки, и началось производство сыра по швейцарскому образцу.

Это было время расцвета Марсвинсхольма — тут постоянно устраивались пышные праздники, на которые нередко приезжали представители королевской семьи. Например, Густав IV Адольф именно здесь в 1805 г. объявил о своём решении вступить в войну с Наполеоном, создав коалицию с Англией.

Позднее, в 1945 г., в Марсвинсхольме в атмосфере полной секретности встречались английский генерал Ричард Генри Дьюинг и шведские и датские генералы, чтобы обсудить, как и чем датские войска смогут помочь англичанам в случае капитуляции Германии.

Вторая реставрация явилась некоторым возвращением замку его прежнего облика: к примеру, к небу вновь взвились шпили; в том же ренессансном стиле были отделаны различные пристройки и хозяйственные помещения. Так и стоит замок с тех пор практически неизменным; в окружающем его парке в летнее время выступают театральные труппы, а с 2007 г. здесь проходит выставка скульптур. Сам Марсвинсхольм является частным владением и закрыт для посещения.

Троллехольм — ренессансная сказка Южной Швеции

Троллехольм — один из тех замков, что за 450-летнюю историю своего существования пережил войны, восстания и пожары, а также трижды полностью менял свою внешность и даже имя. В период Средневековья, когда о нём говорится впервые в 1424 г., его называли Каттиснаббе (что значит «укреплённое владение на мысе»), в эпоху Ренессанса он превратился в Эриксхольм — и лишь в XVIII в. за ним закрепилось то имя, под которым замок известен сегодня. Это один из тех замков, глядя на который можно с уверенностью сказать: взмах волшебной палочки перенёс его из старых французских рыцарских романов сюда, в южную провинцию Швеции Сконе, и окружил его более 5 га лесов, полей и зеркальных каналов.

Первые сведения о Троллехольме появляются только в 1538 г. — в то время провинция Сконе всё ещё принадлежала Дании, и датский рыцарь Таге Оттесен Тотт (? — 1562) решает возвести в этом месте крепость, название которой он даёт в честь своего брата,

Эрика. Таге объединил существовавшие здесь два крестьянских подворья Каттиснаббе, о чём рассказывает оставленная им гранитная табличка над входом.

Эриксхольм был довольно крепким трёхэтажным кирпичным сооружением с квадратным внутренним двором и широким рвом, через который перекидывался мост. Поскольку Сконе на протяжении всего XVI в. была сценой для военных действий, к каждой новой крепости предъявлялись всё более и более высокие требования: её оснащённость и обороноспособность должны были выдерживать натиск постоянно модернизирующихся орудий.

Эриксборг стал первой крепостью подобного рода в Сконе, но очень скоро такие борги буквально наводнили провинцию. Сегодня ярчайшими примерами той эпохи считаются замки Торуп и Витшёвле (*Vitskövle*), практически не изменившие свой внешний вид с XVI в.

После смерти Таге замок перешёл к его сыну Отте, чьей жене Софи, ставшей вдовой уже в 28 лет, и достался в конце концов Эриксхольм.

Вдова Отте Тотт была не кто иная, как чрезвычайно одарённая сестра великого астронома Тихо Браге Софи Браге. Как и брат, Софи очень интересовалась естественными науками, астрономией и медициной (что, к слову сказать, было естественным для женщин высшего света того времени), а потому нередко проводила время в поместье Тихо Браге на острове Вен. Там она познакомилась с молодым дворянином и авантюристом Эриком Ланге, который также увлекался различными науками — особенно искусством создавать золото — и популярной в те времена алхимией.

Быть может, эта самая алхимия и помогла Эрику ослепить молодую и неопытную Софи — в 1590 г. они обручились с согласия брата, но без ведома остальных родственников, после чего Эрик сразу же уехал за границу, а невеста вернулась в Эриксхольм, чтобы заняться воспитанием рождённого от первого мужа сына Таге Оттесена. По

Софи Браге

её распоряжению в замковом парке была построена небольшая беседка, где Софи продолжала свои занятия и алхимические опыты. Кроме того, девушка писала стихи; самым известным стала длинная поэма на латыни «Урания Титану», в которой Софи красочно описывала свои чувства к Эрику Ланге. Надо сказать, что Софи считается первой заметной поэтессой Скандинавии.

11 долгих лет прождала Софи своего возлюбленного. К тому времени сын Таге уже вырос, и его отправили в обязательные для всех детей благородных семей заграничные путешествия. Теперь и сама Софи могла отправиться в другие страны на поиски жениха — он обнаружился в Гамбурге, обнищавший и глубоко несчастный. В надежде на светлое будущее Софи отвезла суженого обратно в Данию, но, как только его нога коснулась родной земли, он был арестован за долги.

Но невеста не собиралась сдаваться: она сумела выкупить своего жениха, и в 1602 г., когда ей было 46 лет, она, наконец, смогла обвенчаться со своим возлюбленным. Однако брак с Эриком доставил ей больше хлопот, чем радости: его полная неспособность вести дела втянула в долги также и её саму. Родня, не простившая Софи помолвки с Эриком, не желала ей помогать. Лишь сын Таге, став полноправным владельцем всех имений своего отца, вытащил мать из нищеты.

Эрик же вновь уехал за границу, где и умер без копейки в кармане. Софи осталась жить в Эриксхольме и посвятила себя изучению генеалогии. Её книга о родословных получила большую известность и сейчас хранится в университетской библиотеке Лунда.

Софи умерла на 88-м году жизни, в 1643 г., и замок, как и положено, перешёл к её единственному сыну от первого брака, Таге Тотту. Таге удалось стать одним из самых видных людей своего времени, о чём свидетельствует присвоенный ему орден Слона, и бога-

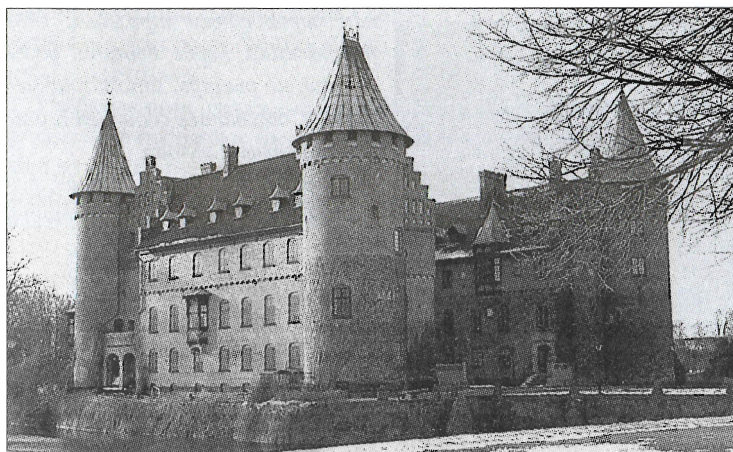

тейшим человеком родной провинции Сконе, за что его прозвали её королём. Он умер на пике своего могущества в 1658 г. — в тот самый год, когда его провинция стала шведской. Эрикхольм перешёл к его внуку и тёзке, Таге Оттесену Тотту.

В 1674 г. между Швецией и Данией вспыхнула новая война, и, несмотря на то что Сконе вот уже 16 лет принадлежала Швеции, Таге Тотт вместе с братьями решил присоединиться к датчанам. Шведы, естественно, расценили такой шаг как предательство, за что изображающая Таге кукла была символически обезглавлена и сожжена на центральной площади Мальмё.

Не символически, а абсолютно реально был зато сожжён замок Эриксхольм, брошенный после всех трагедий на произвол судьбы. После войны Таге получил свои земли обратно, однако он предпочёл остаться в дружественной ему Дании, а потому в 1680 г. продал свой замок Хелле Русенкранц, вдове норвежского наместника Нильса Тролле. Так Эриксхольм оказался в руках новой династии — Тролле.

Правда, первые представители рода были не слишком заинтересованы в замке — после пожара жить в нём было невозможно, и землю просто-напросто сдавали в аренду. В 20-х годах XVIII в. поместье было продано Фредрику Тролле (1693—1770), но и он больше 20 лет не обращал на Эриксхольм никакого внимания.

Троллехольм

Только в 1749 г. было принято решение о полной перестройке замка и превращении его в истинный архитектурный шедевр в стиле рококо.

Такие усилия, по мнению Таге, не должны были пропасть даром, и он завещал все свои владения, в том числе и Эриксхольм, дочери — тем самым он хотел сделать принадлежавшие ему земли наследственными и оставить их в руках рода Тролле. Одновременно он даёт новое имя Эриксхольму — отныне он должен зваться в честь своих владельцев: Троллехольмом!

На самом деле, в Швеции едва ли можно найти более достойных замковладельцев, нежели потомки рода Тролле — этот род считается одним из самых древних благородных семейств Скандинавии. Своими корнями он уходит так глубоко, что становится трудно отличить исторические факты от легенд, и само имя, связанное с троллями, да и герб с обезглавленным троллем — будоражат воображение.

Рассказывают, что некий рыцарь по имени Херве Ульф каждый год ездил на рождественскую мессу в церковь неподалёку от того места, где он был ярлом. Однажды по дороге туда он встретил девушку, которая была не кем иным,

как переодетым троллем. Она предложила Херве выпить воды из рога, но рыцарь, заподозрив неладное, выхватил свой меч и отрубил девушке голову.

В том, что было дальше, согласия нет. Кто-то считает, что Херве спокойно продолжил свой путь в церковь, а по дороге домой обнаружил тролля с отрубленной головой в той самой позе, что теперь представлена на гербе. Другие утверждают, что, как только Херве отрубил голову девушке, перед ним появился целый

Герб рода Тролле

хоровод троллей, желавших отомстить за смерть своей соплеменницы. Рыцарь, пытаясь избавиться от них, начал время от времени на полном скаку выливать содержимое рога на землю — тогда тролли останавливались и начинали жадно пить воду. Так Херве удалось в конце концов оторваться от преследователей.

Если же на минуту забыть о древних легендах и обратиться к сохранившимся документам, то первым значимым представителем рода Тролле был некто Биргер Тролле-младший, близкий друг короля Швеции и Норвегии Карла VIII Кнутссона Бунде (ок. 1408—1470). Поместье Биргера было, видимо, сожжено врагами короля, однако восстановлено сыном Арвидом Тролле — образованным, начитанным, много путешествовавшим и отлично знавшим законы человеком. Сын Арвида стал известным адмиралом Дании и родоначальником датской ветви Тролле.

В Швеции же другой представитель рода Тролле, архиепископ Густав Эрикссон (ок. 1488—1535), бежал из страны после знаменитой стокгольмской Кровавой бани 1520 г., поскольку всем сердцем поддерживал идеи Кристиана II. На нём прервалась шведская ветвь рода Тролле почти на полтора столетия — лишь в 1689 г. Арвид Тролле был представлен при дворе как новый шведский дворянин. Его младший сын, Фредрик (1693—1770), и станет тем самым человеком, которому было суждено начать новую страницу в истории Троллехольма.

По окончании очередной войны Фредрик вернулся целым и невредимым в отцовское имение Нэс (Näs) в провинции Сконе. Однако возвращение едва ли принесло ему радость: дома его ожидали трудные годы, отягощённые принесёнными войной финансовыми проблемами. Единственным выходом было заключение какого-нибудь выгодного брака, и на удивление, Фредрику это удалось: он сумел завоевать первую красавицу Сконе Бриту Рамель, известную не только своей красотой, но и добрым сердцем. Брита самостоятельно управляла своими огромными имениями, не забывая при этом заботиться о нищих и несчастных, количество которых постоянно возрастало. К большому сожалению местного населения, Брита умерла будучи молодой, в 1732 г. За пять лет до этого Фредрику удалось перекупить Троллехольм у своей родни.

В 1750 г. Фредрик Тролле решил привести в порядок всё ещё числившийся за ним замок Троллехольм. Для постройки нового дворца был привлечён один из самых заметных архитекторов того времени, Карл Хорлеман (1700—1753), однако его проект едва ли можно назвать удачным: уж слишком велики были отклонения от первоначального плана.

У Тролле были свои представления о том, как должен выглядеть настоящий замок в стиле рококо, и результатом его вмешательства стало весьма странное трёхэтажное здание, полностью лишённое свойственного тому времени архитектурного украшения, да к тому же со смещёнными пропорциями и абсолютно негармоничное. Единственное, что было воплощено в жизнь и сохранилось до сих пор, — это маленькая беседка в парке, так называемый Хорлеманский павильон. По всей видимости, Фредрику также не пришёлся по душе получившийся шедевр, поскольку он лично так и не переехал сюда.

У Фредрика и Бриты родилось четверо детей: три дочери и сын Арвид, которого с самого рождения считали не совсем вменяемым, а потому называли безумным Троллем. Правда, ему дали достойное образование — после зарубежных поездок он обучался в Лундском университете. Однако при распределении имений отец предпочёл обойти сына стороной, оставив ему в качестве компенсации лишь приличную сумму денег. Арвид же тем временем женился на милой и образованной профессорской дочке, подарившей ему сына.

Сын с детства проявлял интерес к военному делу, и ему прочили неплохую военную карьеру, называя в семье корнетом. Фредрик Тролле был просто без ума от мальчугана и завещал ему несколько своих имений, в одном из которых паренёк проводил немало времени. Однако в 1775 г. случилось несчастье: 18-летний юноша вместе с сёстрами отправился на небольшую морскую прогулку; лодка перевернулась, и все находившиеся в ней утонули.

С берега за трагедией наблюдало почти 100 человек, среди которых была и мать будущего корнета. По счастью, Фредрик Тролле к тому моменту уже скончался, и

Тролле-Юнгбю

ему не было суждено видеть крушение всех своих надежд, связанных с любимым внуком. Отец же мальчика, Арвид, до конца жизни не мог простить Фредрика, обделившего его наследством, и неоднократно говорил, что не желает лежать в одной могиле с собственным отцом.

Итак, всё своё богатство Фредрик Тролле завещал трём своим дочерям, однако его страстным желанием было сохранить свои владения в руках своих потомков. Потому, превратив свои поместья в наследственные имения и наложив запрет на их продажу кому-либо не из рода Тролле, Фредрик предпринял ещё один шаг, дабы его имя навсегда осталось в истории: он заново окрестил свои замки. Младшая дочь, Софи Элизабет, получила имение Людгонэс, названное Троллесундом. Средняя дочь, Хилла Биргитта, унаследовала Вэрпинге, получившее имя Троллеберг. Вскоре, правда, право на владение этим замком было объединено с правом на владение Юнгбю, ставшее отныне Тролле-Юнгбю (Trolle-Ljungby).

Кстати, подобные двойные «названия» Фредрик закрепил и за своими детьми: его условием на получение того или иного имения было обязательное использование в фамилии приставки «Тролле». Так, среди шведской знати появились новые имена: Тролле-Бунде, Тролле-Лёвен, Тролле-Ваденшерна и Тролле-Вахтмейстер.

Эриксхольм, который теперь стал называться Троллехольмом, достался старшей дочери Фредрика, Фредрике Вивике Тролле, в 18 лет очаровавшей 52-летнего вдовца риксрода Густава Бунде (1682—1764).

Знакомство Фредрики Вивики Тролле с Густавом Бунде многие считают чуть ли не самым романтическим в истории шведской аристократии: Фредрика Вивика как-то приезжала в Стокгольм, где и познакомилась с будущим мужем. Густав безумно влюбился в неё с первого взгляда — и это несмотря на то, что её лицо было покрыто ужасными пятнами — девушка только что перенесла оспу. Уже через год Густав приехал к ней в Сконе, чтобы просить её руки, и в 1740 г. они поженились. Несмотря на огромную разницу в возрасте, брак оказался счастливым.

Когда подошло время вступить в права наследства, Фредрика Вивика была уже вдовой, и управлять огромными имениями, которые достались ей от отца и матери, приходилось в одиночку — правда, это оказалось не слишком сложной задачей, поскольку от отца она унаследовала не только земли, но и способности к управлению. Вивика также основала знаменитую Троллехольмскую библиотеку, насчитывающую сегодня около 45 000 томов, среди которых есть и очень редкие экземпляры — например, «Откровения Святой Биргитты» и текст литургии Юхана III.

Фредрика Вивика пережила своего сына Карла, а потому после её смерти в 1806 г. Троллехольм перешёл к её внуку, Густаву Тролле-Бунде (1773—1855) — первому, кто носил эту двойную фамилию. Когда Густав приехал сюда, в поместье всё ещё были нищие крестьяне, обременённые подёнщиной и отдававшие часть выращенных зерновых владельцам имения.

Тролле-Бунде решил положить этому конец. Он отменил барщину и разделил принадлежавшую ему землю на мелкие кусочки, которые он стал сдавать в тридцатилетнюю аренду местным крестьянам. Аренда могла теперь передаваться по наследству. Он построил сараи, школу и богадельню, проложил дороги — Густав был одним из многих хозяев, кого действительно любили и искренне уважали.

Троллехольм с прилегающей территорией превратился в один из самых современных краёв Сконе, с реформированным сельским хозяйством и довольным населением, которое, кстати, возросло на 300 человек. Нищета, с незапамятных времён преследовавшая людей, постепенно превратилась в относительное благосостояние. Следующие поколения называли Густава не иначе как Его Превосходительство, добавляя при этом «Слепое», поскольку последние 24 года своей жизни Тролле-Бунде ничего не видел — в 1831 г. он потерял зрение в результате несчастного случая. Несмотря на это, Густав великолепно справлялся со многим: он самостоятельно брился и одевался, не нуждался в помощи при передвижении по своим замкам, в которых он прекрасно ориентировался, и даже был способен наслаждаться своей коллекцией — он был известным коллекционером произведений искусства и книг.

Когда бездетный Густав Тролле-Бунде скончался в возрасте 92 лет, его владение перешло сначала к племяннику, а затем к сыну племянника Карлу Юхану Тролле-Бунде (1843—1912).

Карл Юхан стал тем человеком, что придал замку его нынешний сказочный ренессансный вид. Это произошло в 1887 г. — именно тогда началась новая перестройка Троллехольма, и старый замок воскрес, чтобы вновь блистать, о чём Карл Юхан не преминул оставить надпись над северным входом. Несмотря на то что нынешний Троллехольм вызывает яркие ассоциации с романтическим средневековым замком, обновлённый борг стал великолепным представителем мастерства и знаний архитекторов своего времени. При этом величественный рыцарский замок, чьи башни ныне возвышаются над округой, всё ещё скрывает стены самой первой крепости, построенной Таге Оттесеном Тоттом — это заметно прежде всего по круглым угловым башням да по первому этажу центральной части здания с низкими комнатами и глубокими оконными нишами.

В отличие от своих предшественников Карл Юхан Тролле-Бунде рассматривал замок как будущее место жительства — здесь он, кстати, и оставался до 1912 г. Карл Юхан проявлял неподдельный интерес к культуре и собирал рукописи и древние книги, которые до сих пор хранятся в Троллехольм-

ской библиотеке. Именно библиотека стала главным достоянием замка: по большому счёту, оба её этажа заполнены только коллекционными экземплярами Карла Юхана, который сумел перевезти сюда библиотеки некоторых других замков.

Можно сказать, что на этом великая история замка завершается. В XX в. Троллехольм принял на себя новые функции: им заинтересовались многочисленные предприятия, желавшие проводить встречи и тренинги в месте, объединяющем разные эпохи и стили, а потому замок снова перестроили, превратив его в конференц-отель, по-прежнему принадлежащий знатному роду Тролле-Бунде.

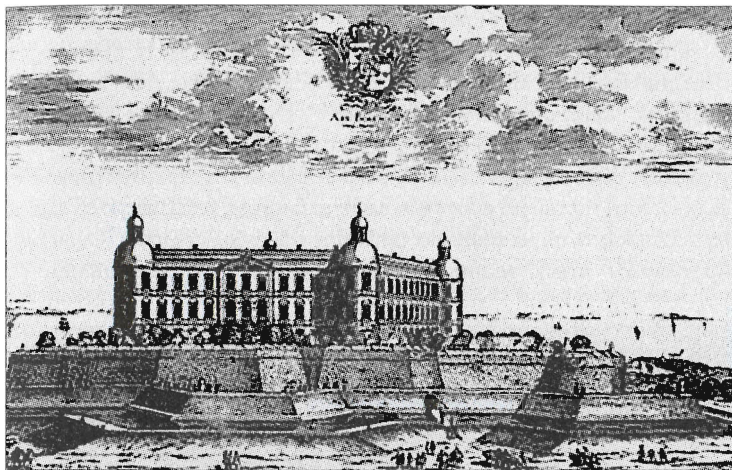
ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОМ ПРОШЛОМ

Если «шведскость» крепостей и замков западного побережья и южной оконечности страны можно оспорить, то усомниться в чистокровности описываемых ниже построек нельзя ни на минуту.

Боргхольм — «самые прекрасные руины Скандинавии»

Проезжая по несколько пустынному, порой кажущемуся совершенно заброшенным острову Эланд с низенькими беспорядочно разбросанными домиками, турист не может и не остановиться перед хмурыми, но в то же время величественными руинами. Создаётся впечатление, что они несут в себе всю тяжесть веков, задумчиво напоминая о каждой нелёгкой минуте шведской истории и скорбя по утерянному величию страны.

В Швеции любят сохранять развалины церквей и замков, но, пожалуй, ни один другой памятник архитектуры не вызывает у туриста столько эмоций, как Боргхольм, всей своей многотонной массой навалившийся на хоть и закалённую ветрами, но всё же очень хрупкую землю. И тому есть простое объяснение: вплоть до XVII в. королевский замок Боргхольм был одной из важнейших крепостей страны, владельцами которой попеременно становились то шведы, то датчане, то немцы.

Боргхольм

В некогда королевских залах сегодня устраиваются выставки, проводятся банкеты и свадьбы, а летом сюда съезжаются местные жители, чтобы посмотреть на многочисленные концерты, — Боргхольм стал чуть ли не обязательной «концертной площадкой» для шведских музыкантов, теперь привлекающей также и зарубежных исполнителей.

Изначально оборонительную башню строили для защиты торговых пунктов и прибрежных церквей от набегов проживавших по другую сторону Балтийского моря язычников, однако позже основным врагом Швеции стала Дания, и бесконечные стычки двух стран привели к тому, что боргхольмская башня неоднократно страдала от пожаров. Снести её окончательно было решено спустя 450 лет после её появления, когда шведский король Карл X Густав проводил в XVII в. обширную перестройку замка.

В начале XVI в. во время очередной войны Дании и Швеции Боргхольм был разрушен; восстановили его только в конце того же столетия, превратив замок в один из первых в Швеции бастионов. Инициатором восстановительных работ был Густав Васа, которому по воцарении многие оборонительные сооружения достались в плачевном состоянии. Однако собственно Боргхольм монарх не трогал — за него взялся его сын Юхан III. Юхан мечтал сделать из

Боргхольма настоящий ренессансный замок в итальянском стиле и даже нанял немецко-итальянских строителей, дабы те принесли в Швецию новую волну, никоим образом не вдохновляясь существовавшими скандинавскими идеалами.

Вскоре на месте прежней крепости уже возвышался прямоугольный замок с круглыми угловыми башнями. Архитекторы желали снести и старую оборонительную башню, оказавшуюся где-то на задворках и, по их мнению, портящую весь вид, однако Юхан воспротивился этому, решив сохранить башню как напоминание об

Руины Боргхольма

истинном возрасте Боргхольма. Была сохранена и высокая оборонноспособность — бастионы и куртины, которые всё ещё можно тут видеть, считаются чуть ли не старейшими в Швеции. После смерти Юхана III работы были приостановлены из-за финансовых трудностей государства; во время Кальмарской войны (1611—1613) Боргхольм сильно пострадал, значительная его часть была разрушена.

После смерти Карла X Густава страна всё ещё испытывала трудности с финансами, и реконструкция Боргхольма была вновь приостановлена. Надо сказать, что полностью строительство, продолжавшееся до 1709 г., так и не было завершено, и знаменитые иллюстрации замка тех времён скорее отражают задумку архитектора, нежели реальность.

В 1803 г. замок арендовал некто Аксель Адлерспарре (1763—1838), предприимчиво организовавший в Боргхольме фабрику по изготовлению одежды. Однако уже в 1806 г. здесь вспыхнул пожар, в мгновение ока уничтоживший всё бывшее величие дворца. По счастью, уже во второй половине XIX в. люди стали обращаться с просьбой не дать тому, что осталось, окончательно разрушиться — и благодаря государственным субсидиям и щедрым пожертвованиям сегодня Боргхольм превратился в одну из наиболее притягательных достопримечательностей Швеции.

Брахехюс — угол треугольника Браге

Вдоль озера Веттерн, на высоте 270 м над уровнем моря протянулась самая живописная в Швеции часть европейской трассы E4. По извилистым скалам, прячущимся в лесной глуши, серпантинная дорога то и дело выводит водителя к небесной глади второго по величине озера страны, пока, наконец, на обочине дороги не вырастают статные руины замка Пера Браге-младшего (1602—1680) Брахехюса — одного из тех замков, что должны были войти в знаменитый треугольник Браге.

Строительство началось в 1637 г. и затянулось на добрых 20 лет, но работа стоила усилий: на краю скалы вырос высокий дом с двумя четырёхугольными угловыми башнями, связанными друг с другом и основным зданием стеной.

Когда в 1561 г. Эрик XIV даровал только что получившему титул графа Перу Браге-старшему (1520—1590) новые угодья, их размер

Висингсборг

был не слишком велик: по большому счёту, это был всего-навсего остров Висингсё на озере Веттерн, где в 1573 г. граф принял заводить свой первый замок, окрещённый Висингсборгом.

Замок задумывался как центр графских земель и должен был стать пышным творением видного деятеля Средневековья. Камень брали из некогда богатого монастыря Альвастра и даже из первого шведского королевского дворца Нэс — к тому моменту, правда, уже разрушенному. Ради своего детища Пер Браге не останавливался ни перед чем: с лица земли исчезли три небольшие деревушки, уступившие место каменному великану. Замок задумывался прежде всего как представительский, но оборона его была продумана до мелочей: здесь была оружейная с обмундированием для 800 человек!

Будучи центром графских владений, Висингсборг поражал своими уникальными коллекциями искусства и богатой библиотекой. Многие книги печатались тут же, на острове, на бумаге, произведённой на личной фабрике потомков графа неподалёку, — владения расширялись не по дням, а по часам, и со временем сделали хозяина самым крупным землевладельцем страны.

Правда, в конце XVII в. земля стала коронной, и имущество было распродано с аукционов. Уже в пустой замок в 1715 г. были привезены русские военнопленные — почти 2000 человек, вынужденных владеть жалкое существование и буквально выживать на шведском острове. Говорят, что пожар, полностью уничтоживший Висингсборг в 1718 г., вспыхнул не без участия русских...

Висингсборг стал первым углом будущего графского треугольника. За ним появился замок Брахехюс, а позже был перестроен уже существовавший неподалёку замок Вэстано (Västanå) — к слову, единственный сохранившийся из наследия Браге. Сейчас, правда, он выглядит совсем не так, как при своих основателях — последняя коснувшаяся его перестройка в 20-х гг. XX в. превратила его в походящий скорее на усадьбу, чем на роскошный замок отель.

Расположение на скале предполагало не только великолепный вид, но и трудности с доставкой сюда стройматериала, ведь всё это надо было поднимать наверх. Брахехюс был задуман как резиденция для вдовы Браге, Кристины Катарины Стенбок (1609—1650), но поскольку она умерла в 1650 г. — во-первых,

Брахехюс

Пер Браге-младший

до того, как строительство было завершено, а, во-вторых, за 30 лет до смерти собственного мужа, — новый замок стали использовать как гостевой домик и «туристскую достопримечательность».

Туристский потенциал нового жилья Пер Браге увидел с самого начала, а потому сразу повелел построить поблизости несколько деревянных домиков, в которых, среди прочего, должна была расположиться таверна и конюшня для многочисленных лошадей — «со-

всем как в немецких тавернах, чтобы можно было оставить здесь несколько коров да овец — да ещё и повозку в придачу». Германия неспроста всплыла в памяти Браге: в молодости он провёл там много времени, и именно немецкие средневековые замки, зачастую выроставшие на острых скалах, вдохновили Пера на нечто подобное у себя на родине.

Сам граф редко посещал Брахехюс, однако, находясь в своих угодьях или принимая высокопоставленных гостей, он всегда заезжал сюда — в немалой мере с целью похвастаться, ведь отсюда были видны чуть ли не все его владения: замки Висингсборг на острове Висингсё и Вэстано к югу от городочка Гренна (Gränna), которые, собственно, и являлись углами знаменитого треугольника.

Кстати, сама Гренна, основанная в 1652 г., была задумана как сердце треугольника, все улицы-артерии которого вели к Брахехюсу. Потому и назвали город сначала Браге-Гренна, и стал он единственным в Швеции, основанным не на королевских, а на графских городских привилегиях. Правда, уже в 1692 г. это было изменено; поселение получило статус города королевским указом, и из названия исчезло имя графа, сохранившееся, однако, в наименовании центральной улицы — Brahegatan. Именно эта прямая улица ведёт к некогда статному замку.

Брахехюс находится всего в трёх километрах к северу от города Гренна, а потому хорошо виден с центральной улицы. Многие считают, что хитрец Пер Браге ещё задолго до возведения замка решил построить город, жители которого постоянно бы видели великолепное жилище своего господина и вспоминали о том, кто основал их поселение. Граф же, в свою очередь, в любой момент мог полюбоваться собственным творением, сегодня называемым одним из самых романтических мест Швеции.

Одновременно с Брахехюсом граф занимался другим проектом — замком Богесунд (Bogesund) в провинции Упланд, где он в 1653 г. вторично женился и где 27 годами позже скончался. Вскоре после его смерти из Брахехюса вывезли весь инвентарь, а через пять лет во время редукции Карла XI к владениям короля был причислен и сам замок. В 1708 г. здесь вспыхнул пожар, оставивший от бывшего дворца лишь чудесные руины.

Гренна

Стегеборг — один из важнейших фортов Швеции XIII в.

На острове в самой узкой части залива Слэтбакен (Slätbaken) возвышается белоснежный силуэт одного из важнейших боргов Швеции раннего Средневековья — Стегеборг. В эпоху викингов, когда здесь проходил морской путь к Сёдерчёпингу (Söderköping), где располагалась важная для шведского импорта гавань, Стегеборг оказался стратегически значимым островом, и вокруг него выросли тысячи брёвен, преграждающих дорогу незваным судам. Остатки этого частокола, давшего название будущей крепости, делали северную часть залива малопривлекательной для судоходства даже в XIX в. Чтобы обезопасить себя от набегов с суши, в этих краях в IX в. начали сооружать высокий земляной вал длиной несколько километров, известный сегодня как Ётавирке (Götavirke).

Каменную крепость начали возводить около 1250 г. — вероятнее всего, на её месте уже были какие-то деревянные укрепления. Возможно, Стегеборг служил передовым постом линчёпингской епископской резиденции, находившейся в нескольких километрах к юго-востоку от крепости и полностью уничтоженной в 1312 г. Стратегически выгодное положение близ одного из богатейших городов Швеции не могло не привлечь внимание правителей, а потому самое позднее в 1305 г. Стегеборг был продан королю Биргеру.

В письменных источниках крепость впервые упоминается в 1310 г. в связи с заключением договора между тремя сыновьями Магнуса Ладулоса — короля Биргера и герцогов Эрика и Вальдемара. По этому соглашению Биргер получал всю провинцию Эстер-ётланд вместе со Стегеборгом. Король частенько бывал в новом доме и даже держал здесь свой двор — о любви монарха к этой крепости свидетельствует и тот факт, что именно сюда он направился после Нючёпингского пира, оставив своих братьев умирать от голода в одной из башен Нючёпингского замка.

Со временем в Стегеборг Биргер перевёз своего сына Магнуса, которого противники короля позднее взяли в плен и казнили. Сам борг подвергся жестокой осаде, и его стены, не выдержав натиска новейших катапульт, рухнули — это была последняя сдавшаяся крепость. Потеря для королевства была существенной: на тот момент Стегеборг представлял собой четырёхэтажную квадратную

башню высотой 20 м, стены которой достигали 2 м в толщину.

В 1389 г. «полноправной хозяйкой и правительницей Швеции» была объявлена королева Маргарета (1353—1412). Она прекрасно понимала, что её власть нельзя считать полноценной без огромного наследия Бу Юнссона Гриппа, а потому 10 шведских аристократов были назначены управляющими этими землями.

Встречу с дворянами новая правительница устроила именно в Стегеборге, где, используя весь свой шарм, завершила своих подданных в том, что ни датчане, ни немцы не будут фогтами в шведских боргах. Поверив данному обещанию, шведы с лёгкостью передали ей все территории богача.

Соглашение Маргареты со шведской аристократией было нарушено уже через два года: в 1391 г. наместником Стегеборга стал датский рыцарь Эверт Молтке, повышавший налоги местных крестьян даже в неурожайные годы. Замену ему подобрали соответствующую — человека, о котором в монастырских записях значится лишь: «достойный ненависти тиран». Следующим стал бывший наместник Вестероса, жители коего неоднократно жаловались на его бесконечные посягательства. Правда, справедливости ради надо отметить, что о его поведении в Стегеборге не говорится ничего.

После того как дочь очередного шведского правителя Карла Кнутссона Бунде вышла замуж за состоятельного датчанина Ивара Аксельссона Тотте (? — 1487), в Стегеборг вдохнули новую жизнь. Братья Тотты были известны как люди, ради укрепления власти начавшие возводить замки по всему Балтийскому региону — в частности, именно они построили финский Олафсбург. После смерти одного только Ивара осталось 475 владений в провинции Сконе.

Ивар немедленно взялся за перестройку Стегеборга. На месте окружавших кирпичную башню деревянных построек выросли мощные 10-метровые гранитные стены, частично сохранившиеся

Маргарета

до наших дней, и Стегеборг превратился в сверхсовременный замок. Дабы достать средства на подобные строительные проекты и полную изобилия жизнь, Ивар отдался соблазнительному занятию морского пиратства, прикупив 7 судов. Нажив тем самым немало врагов — среди прочего и регента Швеции Стена Стуре-старшего (ок. 1440—1503), — Тотт теряет крепость Стегеборг после трёх-месячной осады.

Следующим ярким пятном в истории Стегеборга стал 1543 г., когда войска Густава Васы встретились у этой крепости с поднявшими восстание крестьянами под предводительством Нильса Дакке (ок. 1510—1543).

Васа едва ли проявлял интерес к Стегеборгу, хотя время от времени и наведывался сюда, но после того как 400 из 1000 поддерживающих Дакке «были расстреляны, словно вороны», в борге закипела работа. Сначала появилось западное крыло, предназначенное для самого короля, затем — северное и восточное, где расположился зал для приёмов. Последней была построена южная часть. Густав всё чаще приезжал сюда, не забывая захватить с собой и свиту, состоящую порой из 288 человек, — все они могли жить, ни в чём себе не отказывая, за счёт собранных у местного населения и сохранных съестных припасов. Раки, щуки, дичь и пиво были всегда наготове, вина же заказывались в столице: однажды сюда было привезено 400 л рейнского вина.

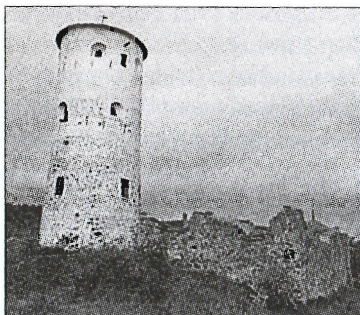

Нильс Дакке

В 1537 г. супруга Густава Васы Маргарета Лейонхувуд родила в Стегеборге сына Юхана, ставшего впоследствии королём Юханом III. Детство мальчика прошло в Стегеборге, и, возможно, именно поэтому он не оставил замок без внимания, решив превратить его в истинный ренессансный дворец. При Юхане наконец-таки была завершена круговая башня; главное здание, став трёхэтажным, было наряжено в белые известковые сте-

ны и кирпичную крышу. В комнатах появилась дорогостоящая отделка. После смерти Юхана Стегеборг стал резиденцией его 24-летней дочери, принцессы Анны (1568—1625) — воспитанницы монастыря Вадстена. От монашек она узнала о свойствах различных трав, и, вернувшись в родной дом, Анна разбила у замка небольшой сад с лекарственными растениями.

Стегеборг

В 1622 г. в Стегеборг переезжает дочь герцога Карла Катарина, которая вот уже 7 лет находилась замужем за пфальцским графом Йоханом Казимиром, получившим титул герцога Стегеборгского. Супруги держали при замке очень скромный по тем временам двор — всего 60 человек, которые в обход традициям ели за одним столом с хозяевами борга. Наиболее приближённые особы сидели ближе всех к титулованной паре и, как и они, имели возможность трижды в день есть обед из 16 блюд, в то время как занимавшие наименее почётные места за восьмым столом были вынуждены довольствоваться 3—4 блюдами.

Когда Густав II Адольф, посвятивший жизнь войне, погиб, на троне оказался его единственный ребёнок — дочь Кристина, последняя представительница рода Васа. После её отречения взгляды шведской знати обратились на Катарину, сводную сестру Густава и супругу Йохана Казимира. Старший сын пары, Карл X Густав, был провозглашён наследником престола и, тем самым, родоначальником новой династии — Пфальцской, находившейся у власти до 1720 г.

Время Катарины и Йохана Казимира в Стегеборге можно назвать закатом эпохи этого замка. Сын четы Адольф Юхан стал последним, кто хоть как-то пытался следить за боргом, после его смерти начавшим приходить в упадок. В 1731 г. государство, не в силах оплатить реставрацию, приняло решение о сносе великой крепости, и почти полтора столетия камни Стегеборга растаскивались местными жителями и развозились по новым королевским стройкам — но гордый силуэт бывшей крепости одновременно становится излюбленным мотивом художников и скульпторов.

Только в 1901 г. было принято решение о приравнивании Стегеборга к национальным достояниям — к тому времени от прежнего замка остались лишь сооружённые в правление Густава Васы из каменной разрушенного Сёдерчёпингского монастыря круглая и оборонительная башни.

Нючёпингсхюс — место исторических вех

Уже не раз в этой книге упоминался значимый в судьбах шведских монархов Нючёпингсхюс, прославившийся печальным пиром, окончившимся смертью двух претендентов на шведский престол...

История Нючёпингского замка начинается в XII в., когда в устье крупнейшей реки провинции Сёдерманланд на холме была построена квадратная каменная башня, призванная защитить растущий неподалёку город. Очень скоро фортификационная башня оказалась слишком мала для города, и тогда её решено было обнести стеной. Потом появились ещё две стены, и башню перестроили в замок для королей рода Фолькунгов. Впервые Нючёпингсхюс упоминается в 1266 году, когда Магнус Ладулос (ок.1240—1290 гг.) стал герцогом Сёдерманландским, и в качестве резиденции ему достался именно этот замок. Согласно документам, здесь Магнус проводил переговоры, по которым Швеция получила контроль над ганзейским городом Висбю.

В Нючёпингском замке 20 сентября 1396 г. был подписан и другой, не менее значимый для Швеции и, как считают многие историки, один из важнейших в истории средневековой Скандинавии документов — Нючёпингское соглашение, явившееся предпосылкой к созданию Кальмарской унии.

С юридической точки зрения Нючёпингское соглашение имело большой вес, поскольку оно, в отличие от Кальмарского договора, было написано на пергаменте и скреплено печатями 83 лиц, включая монархов. Так что в Кальмаре, скорее всего, состоялась лишь формальная встреча, на которой представители трёх стран обсуждали основные пункты дальнейшего совместного существования.

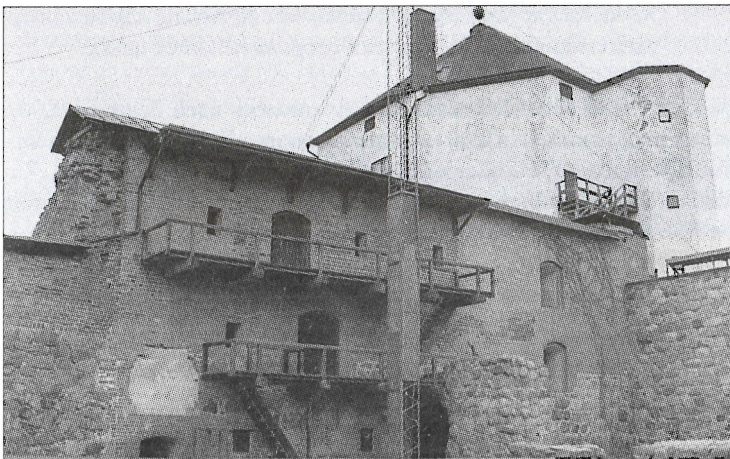
Следующим этапом в развитии Нючёпингского замка стало время правления Густава Васы и его сыновей. Заинтересованный в повышении обороноспособности своих крепостей, Густав велел возвести здесь три орудийные башни (до наших дней сохранилась

круглая пушечная башня). Его сын, король Карл IX (1550—1611), продолжил дело отца — правда, Карла больше заботила эстетическая сторона строительства, и крепость постепенно превратилась в типичный замок эпохи ренессанс. Глядя на сегодняшний Нючёпингсхус, угрюмо смотрящий с берега узкой речушки, трудно поверить, что некогда полные роскоши и вызывавшие восхищение залы и позолоченные шпили замковых башен в XVI в. составляли конкуренцию лучшим дворцам Европы того времени.

Конечно, не были забыты и первоначальные военные функции цитадели: был сооружён ров и многочисленные насыпи, позволявшие спастись от пушечных ядер (в то время пушечные ядра ещё не могли разрываться, а потому не представляли опасности для укрывавшихся в земельных насыпях людей).

Нючёпингсхус, который порой нескромно называли второй шведской столицей, превратился в излюбленную резиденцию королевских семей, став также местом рождения или смерти некоторых шведских монархов — в 1611 г. здесь скончался герцог Карл, в 1622 г. родился Карл X Густав. Десятью годами позже сюда было привезено тело павшего в битве под Лютценом Густава II Адольфа, «прождавшего» в замке собственных похорон более года, пока к ним шли приготовления в Стокгольме.

Нючёпингсхус

Период расцвета Нючёпингского замка оказался коротким: в 1665 г. замок сгорел. Отреставрировать удалось лишь его небольшую часть — Королевскую башню, — ну а прежде мощные стены были разобраны и перевезены в Стокгольм, где вскоре началось строительство нового королевского дворца.

ВАСАБОРГИ: ЗАМКИ ГУСТАВА ВАСЫ И ЕГО СЫНОВЕЙ

Густав Васа (1496—1560) и его сыновья (Эрик XIV, Юхан III, Карл IX), расширяя, укрепляя и изменяя старые замки, создали новую систему замков-крепостей, получившую в Скандинавии название васаборги — смесь фортификационного сооружения и дворца. Когда датский король Кристиан III (1503—1559) применил итальянские технологии, приспособившие грузную каменную крепость Мальмё под атаки артиллерии, Густав в скором времени сделал то же в собственном замке в Вадстене.

Впоследствии это решение стало одной из главных черт васаборгов, встречающейся, правда, не во всех замках, но являющейся вполне объяснимой и типичной для своего времени: это присутствие больших, но низких круглых башен, которые с момента появления пушек стали использоваться в оборонительных целях.

При этом семейство Васа придерживалось идей Ренессанса, что чётко прослеживается во всех существующих в Скандинавии васаборгах: Грипсхольме, Кальмаре, Вадстене, Эребру, Линчёпингском, Упсальском, Йёнчёпингском и Абоском замках, а также не дошедших до нас (либо дошедших со значительными изменениями) замках Евле, Скараборге и стокгольмском Тре Крунур. Больше всего сил было затрачено на преобразование Стокгольмского и Кальмарского замков.

Кальмарский замок: место рождения унии

Кальмарский замок — одна из тех крепостей, чья роль не ограничивается границами Швеции. Задолго до того, как стать васаборгом, Кальмарский замок навечно вошёл в историю как место

заключения одного из важнейших документов в истории Скандинавии и Европы — Кальмарской унии.

Сегодня никто не может сказать точно, когда на маленьком полуострове к югу от города Кальмара появилось первое укрепление, но историки склонны вести отсчёт от конца XII в., когда здесь была возведена обнесённая деревянным палисадом круглая башня для обороны от «язычников с востока» — эти пираты нередко наведывались к только-только принявшим христианство шведам.

Магнус Ладулос

Изначально предвестник замка появился на материковой части, однако уже спустя несколько лет его перенесли в стратегически более выгодное место — на полуостров рядом с городской гаванью. В 80-х гг. XIII в. шведский правитель Магнус Ладулос (1240—1290) повелел превратить существовавшую башню в бург с пятью башнями, что и стало основой будущего замка. Эти круглые башни оказались первыми в своём роде в Скандинавии и долгое время оставались уникальным явлением в скандинавской архитектуре. Вместе со стокгольмским замком Тре крунур, Выборгским замком и Эльвсборгской крепостью Кальмар составил мощную оборонную основу Швеции.

17 июня 1397 г. в Кальмарском замке произошло одно из важнейших событий в истории Скандинавии: Эрик Померанский (1382—1459) стал королём Швеции, Норвегии и Дании, ознаменовав тем самым рождение Кальмарской унии, просуществовавшей вплоть до 1523 г.

На протяжении всего XV в. все встречи представителей унии проходили в Кальмаре. Шведы выказывали недовольство заключённым союзом, особенно сильно проявившееся в конце столетия. Между Швецией и Данией то и дело вспыхивали конфликты, и Кальмарский замок стал игрушкой в руках знати двух стран, переходя от одного государства к другому.

Наконец, власть в Швеции оказалась в руках Густава Васы, который первым делом принялся за укрепление старых боргов. Денег в казне не хватало, чем частично и объясняется проведённая им редукция земель и Реформация. Первоначально Кальмарский замок был лишь немного укреплён, однако вспыхнувшее в 1542 г. народное восстание под предводительством Нильса Дакке (ок. 1510—1543), недовольного религиозной и налоговой политикой короля, показало, что поверхностным ремонтом не обойтись. В 1545 г. началась перестройка крепости, у которой теперь появились новые бастионы, оружейные башни и ров. Кальмарский замок постепенно стал превращаться в истинный васаборг, каким мы его знаем сегодня.

В 1611—1613 гг. во время Кальмарской войны замок был разорён и частично разрушен. Позже здесь вспыхнул пожар, в результате которого сгорел один из залов борта, так и не восстановленный, а потому называемый сегодня очень просто: Сгоревшим залом.

После завершения Кальмарской войны и заключения в 1658 г. Роскильского мирного договора городу уже не требовалась защита, поскольку Дания была вынуждена отдать Швеции огромную часть своих северных территорий. Опасность со стороны южного соседа исчезла, и про замок на какое-то время забыли. Вернее, первоначально его хотели просто снести и построить новый презентабельный дворец где-нибудь в другом месте. По счастью, о данных планах пришлось забыть: новые стычки с датчанами вынудили шведов вновь взяться за укрепление крепости, за свои 394 года пережившую 22 осады, но так ни разу и не взятую штурмом.

В конце XVIII в. бурно обсуждалось восстановление прежних, повреждённых с годами оборонительных укреплений крепости, однако в итоге ограничились небольшими ремонтными работами, позволившими открыть здесь сначала спиртовой завод, а затем тюрьму. Условия содержания заключённых оставляли желать лучшего: у большинства наблюдалась цинга, им не выдавали тёплую одежду и дрова зимой. Жалобы поступали королю даже от местного губернатора, и в 1852 г. в городе открылась новая тюрьма.

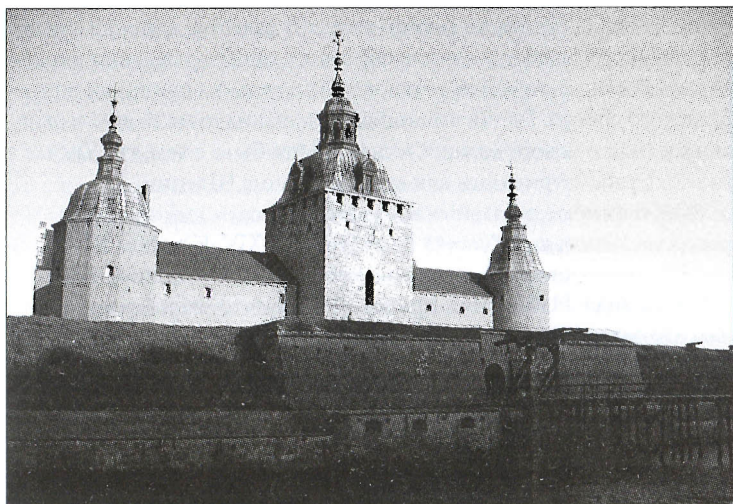
Замок начали реставрировать, и сегодня он открыт для посетителей, многие из которых, кстати, утверждают, что являются потомками Эрика XIV (1533—1577) и одной из его многочисленных любовниц.

Любовницей у Эрика XIV было действительно немало; нередко он выбирал себе пассию из простого люда. Особого внимания заслуживает некая Агда Персдоттер — в чертежах нового ренессансного замка значится комната под её именем. Эрик, вероятно, действительно испытывал к ней самые нежные чувства, поскольку это один из немногих случаев, когда простолюдинка могла рассчитывать на собственные покои.

Агда была любовницей Эрика в то самое время, когда он пытался устроить собственную свадьбу с английской принцессой Елизаветой (1533—1603 гг.; будущая Елизавета I). Считается, что большая спальня королевы была построена именно для неё, однако Елизавета, всегда пользовавшаяся повышенным вниманием ухажёров, отказала шведскому королю, объявив его при этом сумасшедшим.

С братом Эрика, Юханом III, у Елизаветы сложились куда более доброжелательные отношения. После одной из поездок в Великобританию Юхан настолько увлёкся теннисом, что, по слухам, повелел организовать в замковом дворе Кальмара своего рода корт. Другая история, связанная с ан-

Кальмар

глийской королевой, гласит, что та подарила Юхану вилку — так в Кальмарском замке появился обычай есть ножом и вилкой, распространившийся потом по всей Швеции.

Кстати, о еде: из сохранившихся документов нам сегодня известно, что Юхан III и его супруга в сутки выпивали 14 л вина.

Упсальский замок — свидетель важных событий

В 1549 г. Густав Ваза отдал распоряжение о строительстве очередного борга — на сей раз то была мощная крепость в одном из самых высоких мест Упсалы. Тем самым достигалось сразу две цели: с одной стороны, мощное фортификационное сооружение резко выделялось на фоне города и могло отпугнуть потенциальных врагов. С другой стороны, отсюда открывался отличный вид не только на сам город, но и на его окрестности, так что о приближении неприятеля могли узнать заранее.

Эти два факта помогли Упсальскому замку стать самым современным оборонительным сооружением всей Скандинавии того времени.

Новый борг в Упсале задумывался как доказательство того, что выше монарха стоять не может никто. В качестве дополнительного напоминания об этом и своеобразного предупреждения церкви король повелел направить установленные у замка пушки на шпили Домского собора. Густав вынашивал далеко идущие планы в отношении своего нового детища, и связано это было с тем, что Упсала в ту эпоху рассматривалась как вторая столица Швеции.

Как и в случае остальных васаторгов, Упсальский замок был перестроен сыновьями Густава Васы Эриком XIV, Юханом III и Карлом IX, ратовавшими за предание крепостям достойного эпохи Ренессанса вида. Изменения привели к тому, что очень скоро замок надолго закрепил за собой славу места проведения пиршеств, посвящённых проходившим по соседству, в Домском соборе, коронациям шведских монархов.

Первым удостоившимся этой чести стал сам Эрик XIV, который сразу после коронации назначил первых в Швеции баронов и графов, а затем устроил огромный пир. Празднество поражало своими масштабами: новый король повелел установить по всему

Упсальский замок

городу специальные колодцы, которые заполнили вином и пивом; для горожан приготовили жареного быка, набитого баранами, гусями и иными птицами. Гуляния продолжались до глубокой ночи, а на следующий день королевский двор развлекался на рыцарских турнирах и сраживании собак с медведями. Вечером небо озарили выпущенные из замка фейерверки.

Семью годами позже, 24 мая 1567 г., настроение в замке царило уже совсем иное: здесь произошло знаменитое убийство Стуре, когда шесть представителей знаменитейших аристократических семей (в том числе и три члена рода Стуре) были казнены разъярённым Эриком XIV, заподозрившим своих ближайших советников в сговоре против него.

В 1572 г. в Упсале вспыхнул пожар, в результате которого замок был практически стёрт с лица земли. Юхан III поспешил восстановить отцовское наследство, и уже в 1593 г. здесь в присутствии 300 священников Швеция была окончательно провозглашена лютеранской страной.

Следующим важным событием в истории Упсальского замка стало объявление здесь в 1630 г. Густавом II Адольфом о его реше-

нии вступить в войну, впоследствии получившую название Тридцатилетней. Тут же, 24 года спустя, королева Кристина отреклась от трона.

В 1702 г. замок снова пострадал от пожара, оставившего от прежнего помпезного строения лишь руины. На восстановление ушло немало лет; ситуация осложнялась тем, что приблизительно на те же годы пришлось строительство нового пышного королевского дворца Стокгольма, камень для возведения которого брали в том числе и в Упсале. То, что вначале здесь ещё подлежало воссозданию, теперь было приговорено к полному уничтожению.

Дело кончилось тем, что в 1744 г. на месте старого васаборга начали работать над замком в стиле французского классицизма, но уже в 1762 г. из-за нехватки денег строительство было остановлено. Планировавшееся северное крыло так и не было сооружено, и замок получился нелепо ассиметричным — таким, каким мы его видим сегодня.

Особый интерес представляет Южная башня замка — это самое высокорасположенное здание города, 11 этажей которого (включая чердак и подвальные помещения) были завершены в 1815—1820-х гг. при Карле XIII. Именно здесь находится Королевский зал Рикссален — самое шикарное помещение для проведения банкетов и праздников во всей Упсале. Прежде здесь располагались склады, канцелярия, водонапорная башня и тюрьма, известнейшим узником которой стал некий Даль-Пелле (1814—1849), попавший сюда за нападение и убийство одного из охранников этой самой тюрьмы!

Вестеросский замок

Получивший статус города в конце XI в., Вестерос считается одним из старейших городов Швеции. Именно в это время Бирка пришла в упадок, и викинги начали подыскивать новые места для торговли. Вестерос к тому моменту имел как стратегически выгодное положение, так и необходимые связи. В начале XI в. город был вторым по величине в Швеции, а столетием позже в нём обосновался епископ, что стало поводом для строительства собора.

Успешно налаженная добыча руды в промышленном районе Бергслеген в XIII в. превратила Вестерос в важнейшую гавань и

сделала его наравне со Стокгольмом центральным местом озера Меларен. Столь быстрое и бурное развитие города привлекло немало немцев, которые, разумеется, были очень заинтересованы в укреплении Вестероса, а потому здесь появилось маленькое фортификационное сооружение, со временем превратившееся в Вестеросский замок. Первоначально же крепость должна была защищать город и гавань, а также служить резиденцией фогту, представлявшему интересы короля как в городе, так и во всём регионе.

Старейшие части нынешнего дворца, в том числе и затерянный в современном здании древний донжон, — это как раз-таки остатки самого первого вестеросского борга. Уже тогда донжон был выложен кирпичом, и четыре его этажа, состоявшие из двух комнат каждый, соединялись частично сохранившейся винтовой лестницей.

В первой половине XV в. вокруг замка выросла семиметровая стена из каменных блоков, следы которой видны ныне в северной части фасада строения.

Первые письменные упоминания о Вестеросском замке встречаются в 1396 г. как о владении, отданном королеве Маргарете для её содержания; однако известно, что до этого эти земли находились в руках известного шведского богача Бу Юнссона Грипа (ок. 1335—1386).

От Маргареты Вестерос перешёл к Эрику Померанскому, оставившему здесь в 1413 г. фогта Йоссе Эрикссона. Йоссе был, пожалуй, одной из наименее популярных фигур среди шведского крестьянства. Его жёсткая налоговая политика и грубое обращение с населением привели к тому, что в 1434 г. в этих краях вспыхнуло восстание под предводительством Энгельбректа Энгельбректссона (1390-е — 1436). Вестеросский замок стал первым оборонным пунктом короля, завоёванным простым людом. Йоссе был вынужден на какое-то время бежать в Данию, однако позже вернулся и пытался вновь установить свои порядки. Разъярённый народ схватил его, и по решению суда он был казнён в 1436 г.

В это время Вестерос оказался яблоком раздора между влиятельными лицами Кальмарской унии. В 1457 г. его захватил архиепископ Йонс Бенгтссон, в 1464 г. его осаждал (правда, безуспешно) Кристиан I, а 58 лет спустя, 30 января 1522 г. замок после годовой осады оказался наконец-то в руках Густава Васы.

Энгельбрект Энгельбректссон

Густав Васа часто бывал в Вестеросе, а потому в 1540—1544 гг. замок перестроили: после многочисленных сражений он был в очень плохом состоянии. В васаборге появился новый королевский этаж и вход в восточное крыло. К слову, этот вход до сих пор является главным входом в замок. Начинания отца продолжил позже его сын Юхан III, повысивший высоту потолков, увеличивший размеры окон и построивший новый большой зал — Королевский.

После смерти Густава Васы в 1560 г. замок долгое время пустовал, и единственным его обитателем был Эрик XIV, просидевший здесь год в заточении. Для него в восточном крыле была выделена комната, на окна которой водрузили решётки, а двери старательно укрепили дополнительными засовами. Часть своего заточения он провёл в подвале, простоявшем нетронутым с 1573 г. до наших дней. Другим знаменитым заключённым был известнейший Робин Гуд Швеции Лассе-Майя, отбивавший деньги у богачей, переодеваясь в женские наряды и тем самым втираясь к ним в доверие. Последних осуждённых отсюда вывезли только в 1857 г., когда буквально в сотне метров от замка открылась новая тюрьма.

XVII столетие началось с очередной реставрации — за многие годы крыша так сильно прохудилась, что дождь заливал некоторые кабинеты Вестеросского замка. В то время здесь проживал родственник короля, пфальцский граф Йохан Казимир с женой Катариной Васа (дочерью Карла IX) — будущие родители Карла X Густава. Когда в 1638 г. Катарина умерла, замок перестал быть королевской резиденцией.

Сам город уже давно потерял своё политическое значение, и теперь, когда особы королевских кровей вообще покинули замок, он постепенно начал приходить в упадок. Много было вывезено, а в комнатах устроены камеры для заключённых, хранилища и склады оружия. Чтобы Вестеросский замок не разрушился окончательно, Карл XI велел провести здесь ремонт, однако замок по-прежнему использовался в основном как место для содержания заключённых, большинство из которых в годы войн Карла XII были военнопленными.

В 1736 г. в замке вспыхнул пожар, и вся отделка, остававшаяся со времён Густава Васы, была уничтожена. Восстановительные работы потребовали менее 10 лет, и именно в этот период замок получает свой нынешний внешний вид, хотя характерный для него красный цвет появился значительно позже — только в XX в.

Вестеросский замок

Сегодня историческое значение Вестеросского замка видится не только в том, что он был фигурантом двух важнейших для Швеции событий, но и в том, что замок принял на себя несколько функций: он побывал и истинным оборонительным сооружением, и королевским дворцом, и резиденцией монархов, и тюрьмой — и всё это за какое-то столетие...

Эребру

Вот уже более 700 лет замок Эребру со своими 80 комнатами возвышается в самом центре ныне шестого по величине одноимённого города Швеции. Точный возраст замка сегодня установить невозможно; в XVIII в. местный епископ записал, что замок был возведён в середине XIII столетия — этим годом и принято сегодня датировать его старейшую часть.

Скорее всего, вначале здесь существовала каменная средневековая крепость, позднее дополненная 30-метровой оборонительной башней. Башню, а заодно и каменную постройку, обнесли стеной

высотой 7 м и толщиной 3 м, образовавшую четырёхугольник размером 48 × 27 м.

Более достоверные сведения появляются лишь в середине XIV в., когда шведский монарх — вероятнее всего, Магнус Эрикссон — построил тут более мощный борг, включавший уже три трёхэтажных жилых флигеля. Оборонительная башня по-прежнему являлась самой высокой точкой Эребру.

С самого начала основной функцией замка была, естественно, оборона, поскольку Эребру располагался на реке Свартон (Svartån), служившей важным торговым путём — именно поэтому крепость многократно подвергалась нападениям и осаждалась 9 раз. Здесь проживали шведские и датские короли и высокопоставленные лица, однако после девятимесячной осады в 1522 г. Густавом Васой замок навсегда перешёл к шведам. Густав поспешил отреставрировать сильно повреждённый к тому моменту борг и в 1529 г. объявил здесь об отмене celibата и поста для церковнослужителей, а в 1540 г. утвердил наследственную монархию.

Двадцатью годами позже, после смерти Густава, Эребру достался его младшему сыну герцогу Карлу, будущему королю Карлу IX, который, собственно, и озаботился перестройкой замка и приданием ему современного вида. Строительство проходило с 1573 г. по 1625 г. и, таким образом, заняло целых 50 лет. Это, пожалуй, важнейшая веха в истории замка: с тех пор его облик не менялся.

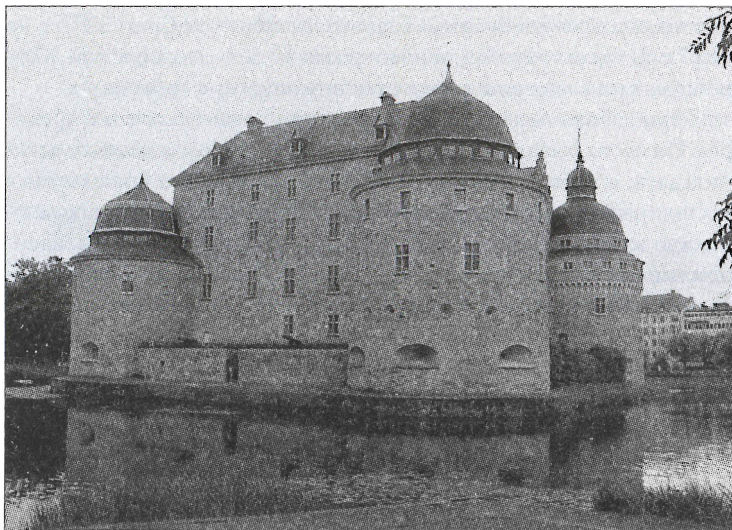
Герцог Карл первоначально был очень заинтересован в крепости. Он часто бывал здесь вместе со своим двором и даже созывал риксдаги, а потому решил превратить новое место жительства в роскошный ренессансный дворец, коих он видел превеликое множество во время путешествий по Франции. В проекте были задействованы известнейшие архитекторы того времени, и на строительство были затрачены огромные деньги — и это несмотря на то, что герцог Карл вошёл в историю как довольно прижимистый человек.

Затея удалась: средневековая крепость превратилась в богато украшенный квадратный замок в бело-жёлтых тонах с мощными пушечными башнями по углам, равный по высоте прежней оборонительной башне. Вход озаменовали массивные ворота с подведённым к ним мостом; вокруг выросла крепостная стена, часть которой сохранилась с северной стороны Эребру.

Последние заботы о перестройке легли на плечи супруги Карла IX, Кристины Гольштейн-Готторпской, потерявшей мужа в 1611 г. Однако к тому моменту Эребру уже утратил своё стратегическое значение в жизни страны, и замок медленно начал приходить в упадок. Новый монарх практически не приезжал сюда, а его наместники, которым позволялось жить здесь, если они того желали, предпочитали останавливаться в располагавшемся по соседству бревенчатом доме. Замок же начали использовать как тюрьму (где, среди прочих, содержались датские и русские пленные) и зерновой и оружейный склад, пока в 1738 г. одна из башен не обрушилась, и реставрация стала жизненной необходимостью.

На сей раз за помощью обратились к Карлу Хорлеману, под чьим чутким руководством замок Эребру превратился в образцовое творение классицизма. Куполообразные крыши башен были заменены на практически плоские, лишь слегка заострённые, крепостная стена была снесена и заменена каменными мостками и террасами, сохранившимися по сей день. Этаж, где прежде размещались ко-

Эребру

ролевские покои, был переделан в стиле рококо и с 60-х гг. XVIII в. служит резиденцией губернатора.

Вскоре замку было суждено вновь оказаться в центре внимания: в 1810 г. он стал домом для Карла XIII, когда в Эребру официально было объявлено о том, что престол перейдёт к усыновлённому Карлом Жану Батисту Бернадоту (1763—1844), «основателю» нынешней шведской королевской династии.

В конце XIX в. в Швеции особенно ярко проявилось национально-романтическое движение, и энтузиасты взялись за очередную перестройку замка, которому был предан его первоначальный облик. Ориентирами послужили Грипсхольм и Вадстена, столь же древние, как и Эребру, но не «испорченные» так сильно идеалами новомодных архитектурных стилей.

Замок со столь богатой историей, в котором к тому же была загублена не одна жизнь, не может не стать пристанищем привидений.

Правда, ни павшим во время осад воинам, ни замученным в темнице солдатам не суждено превзойти самый знаменитый призрак — некую мадам Сегельберг — одетую в серое даму. Вообще-то, никакого отношения к замку она не имеет: прежде она ютилась у одного из дворцов в центре Эребру, где прогуливалась по аллеям и внезапно исчезала в никуда. Когда же здание снесли, её беспокойная душа «переехала» сначала в «Отель Континенталь», а затем — в гостиницу «Stora Hotellet», где много лет не давала гостям спокойно спать. Однако и тамошняя обстановка не пришлась ей по вкусу, и последним прибежищем стал замок Эребру. Кто эта женщина? Что совершила? Чего хочет? Все эти вопросы остаются безответными, но нынешняя репутация у неё далеко не самая хорошая: она имеет обыкновение привязываться к человеку, следовать до его дома и даже иногда являться туда без приглашения. Особенно отважные туристы могут узнать побольше об этом мистическом обитателе замка на одной из предлагаемых здесь в летнее время ночных экскурсий.

Вадстена

В отличие от Эребру замок Вадстена появился, что называется, на пустом месте. Вернее, давным-давно неподалёку располагалось небольшое «имение» Сусенборг, служившее своего рода постоянным двором для предшественников Биргера Ярла (1210—1266)

Вадстена

и его свиты, однако уже во время его правления находившееся в плачевном состоянии. Исправить это решил сын Биргера, Вальдемар, начавший строить совершенно новый дворец Вальдемарсхюс, с 1268 г. вошедший в историю как второй замок города. Впоследствии он стал частью монастыря, а вокруг города в 1467 г. организовали рвы и валы, о существовании которых сегодня свидетельствуют лишь названия улиц.

Однако подобные укрепления могли лишь ненадолго сдерживать натиск врага — и это при условии, что жители города согласились бы приложить все силы для обороны, надеясь, что осада продлится только пару дней.

Справедливости ради надо заметить, что в набегах на Вадстену никто особенно не был заинтересован: город не являлся стратегически важным объектом, а потому какие-либо оборонительные сооружения практически полностью отсутствовали. И всё же третий замок города, первоначально названный Веттерсборгом, — тот самый, что мы видим сегодня, — возводился скорее для защиты местных земель.

Как же случилось, что ни для кого не притягательный город всё-таки получил крепость-замок? Дело в том, что это время было неспокойным в Швеции; внутренние неурядицы приводили к мелким восстаниям — и именно для защиты от бунтующего крестьянства было решено построить замок Вадстена, хотя актуальной оставалась и опасность, исходящая от датчан. Первые камни были заложены в 1545 г., спустя всего пару лет после одного из самых страшных крестьянских восстаний в Швеции — восстания под предводительством Нильса Дакке (ок. 1510—1543). Замок должен был стать центром разветвлённой оборонительной системы, однако по неизвестным причинам этого не произошло.

Если замок Эребру Густав Васа сооружал для младшего сына, Карла, то Вадстена предназначалась для четвёртого ребёнка семьи, Магнуса (1542—1595), который, к слову сказать, был единственным из сыновей, дожившим до зрелых лет, но так и не ставшим королём. Причиной стало психическое заболевание Магнуса, приведшее также к тому, что народу он практически не известен.

В 1552 г. Густав Васа праздновал в Вадстене свадьбу со своей третьей по счёту женой, 17-летней девушкой Катариной Стенбок, и вскоре после этого события у замка появились его стильные входы, украшенные гербом и инициалами герцога Магнуса, приходившегося, как ни странно, двоюродным братом своей мате. Когда в 1557 г. Вадстена официально перешла к нему, она уже скорее напоминала дворец, нежели планировавшуюся сначала крепость.

Магнус считался необычайно одарённым мальчиком, имевшим склонность к музыке, а потому был натурой утончённой и чувствительной и очень остро переживал выпадавшие на долю семьи несчастья. После смерти Густава Васы у него случился первый приступ безумия, усугубившийся распрями между братьями.

Тем не менее Магнус был единственным, кому удалось сохранить более-менее нормальные отношения с младшим братом, Эриком XIV, несмотря на то что тот заставил всю родню находиться в полной от себя зависимости. В слепой борьбе за власть особенно пострадал Юхан III, более всех недовольный политикой Эрика. Эрик сделал всё возможное, дабы Юхана приговорили к смертной

казни; сословия пошли на подобное соглашение, но оставалось получить согласие Магнуса.

Несмотря на свою слабость и несостоятельность, Магнус долго отказывался подписать решение, и лишь после многочисленных прошений и обещаний его удалось переубедить. Говорят, как только Магнус поставил на документе подпись, он горько раскаялся в содеянном, и с ним случился очередной приступ безумия.

Поскольку Магнус вскоре уже не мог управлять оставшимися у него после редукции Эрика владениями, они также были изъяты в пользу короны. Говорят, последнюю часть жизни сын Густава Васа был вынужден проводить в изоляции от общества, находясь попеременно то в замке Норрбюхус (Norrbyhus), то в Кунгсбру (Kungsbro), то в Вадстене.

Далее история Вадстены чем-то напоминает происходившее с Эребру: в XVIII в. замок потерял своё прежнее значение, короли перестали приезжать сюда. Последней особой королевской крови, жившей тут, оказалась вдова Карла X Густава Хедвиг Элеонора (1636—1715), которая, однако, предпочитала каменным стенам находившийся при них бревенчатый дом. После её смерти в 1715 г. замок использовали как склад для зерна, оружия и даже спиртного, которое здесь, кстати, какое-то время производили. Вино-водочный завод сменила ткацкая фабрика, вслед за которой в Вадстене вновь обосновались склады. В XIX в. были уничтожены уцелевшие башни и земляные насыпи, а вместо мощной стены, обносившей некогда замок, построили невысокую тонкую стену из известняка.

Столетием позже взгляд на историю поменялся, и, как это случилось со многими средневековыми замками, Вадстене решили вернуть прежний облик. Снова появились насыпи; были восстановлены снесённые ранее две башни; крепостной стене придали более солидный с точки зрения истории вид — в общем, замок стал выглядеть так, как сегодня.

Магнус Васа

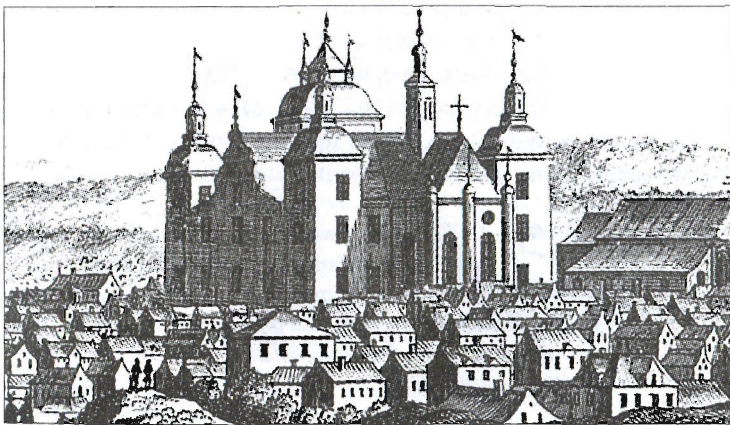
Евле — самый северный борг Швеции

Замок Евле, пожалуй, является самым нетипичным васаборгом: по его внешнему виду никак не скажешь, что когда-то он был столь же видным, как, скажем, суровый Эребру или Вэстерос. Однако внимания он всё-таки заслуживает: как-никак, это был самый северный васаборг Скандинавии, да к тому же возведённый не Густавом Васой, а его сыном, королём-строителем Юханом III.

Долгое время Евле был единственным городом всей северной Швеции. Впервые о нём упоминается в 1413 г., когда здесь находилась резиденция местного фогта — на том самом месте, где в 1583 г. Юхан начал возводить собственный замок. Причина того, что его основателем оказался не Густав Васа, была лишь одна: Густав вообще не рассматривал эти края как стройплощадку!

Будучи человеком чрезвычайно религиозным, Юхан решил создать в Евле нечто вроде церкви-крепости, где церковь занимала бы центральное место. Нанятый архитектор Мортен Родсман отправился, что называется, «за вдохновением» в Стокгольм, где встретил придворного архитектора Виллема Боя (ок. 1520—1592), а затем в Упсалу, где работал мастер скульптурного декора Антониус Ватц.

Злые языки утверждают, что именно их чертежи были затем привезены Родсманом в Евле, а потому называть его истинным строителем этого замка не торопятся.

Замок Евле в XVII в.

Юхан III

К моменту завершения васаборга в 1597 г. Юхан III вот уже 5 лет как был мёртв, и многие сомневаются даже в том, что он вообще посещал эти края, даже во время большой стройки. В любом случае построенное по его заказу творение носило черты ренессанса и выглядело совсем не так, как сегодня, — нынешний облик замок получил после пожара XVIII в.

В 1600 г. в замок въехал губернатор граф Абрахам Браге с семьёй. Его нередко навещал Карл IX, страстно

желавший как-то осовременить замок — да и просто содержать его. Однако на практике всё оказалось гораздо сложнее: к примеру, для крыши не была доставлена медь, и её пришлось заменять кирпичом, плохо переносящим местный климат и уже через 6 лет уступившим место обычным доскам. В 1621 г. замку был вынесен приговор: его состояние столь плачевно, что немедленно требуется полный ремонт.

Несмотря на такое заключение, королева Мария Элеонора в 1623 г. устроила здесь банкет для местных бюргеров — правда, к её приезду замок слегка «обновили», но после пиршества он по-прежнему продолжал разрушаться. Не помогло и страстное желание двух обеспеченных губернаторов — Юхана Оксеншерны (1615—1664) и Карла Спарре (1627—1702) — придать городской резиденции достойный вид. Как и прежде, они были вынуждены ограничиться лишь лёгкой реставрацией.

В 1726 г. местные жители обратились к королю с просьбой переделать замок в городскую церковь. Пока этот вопрос находился на рассмотрении, в замке вспыхнул пожар, уничтоживший как церковное помещение, так и весь верхний этаж. Несколько лет о здании никто не вспоминал, но в 1732 г. здесь была устроена тюрьма, в которой, среди прочих, содержались и русские военнопленные Карла XII.

В 1741 г. замок снова решили сделать резиденцией губернатора. Ответственным за проект назначили архитектора Карла Хорлемана (1700—1753), который был наготове: за три года до этого он уже составил чертежи восточного крыла. За основу были взяты оставшиеся после пожара стены, но по большому счёту ничего общего с прежним замком новый не имел.

Исконный интерьер сохранился только в подвале и на первом этаже, да и в современной планировке угадывается прежняя — с помещением для церкви в середине. Хорлеман работал также и над созданием призамкового парка в модном тогда стиле рококо.

КОРОЛЕВСКИЕ ДВОРЦЫ ШВЕЦИИ

Безусловно, самым ярким украшением замковой архитектуры Швеции являются её королевские дворцы. Замков, в которых когда-либо проживали шведские монархи, в стране довольно много, но лишь некоторые из них удостоились чести войти в список нынешних королевских резиденций. Все они расположены в непосредственной близости от столицы, у блестящей воды; любой из них можно посетить, при каждом есть шикарный парк — чего ещё желать уставшему от столичной суеты туристу?

Сейчас принято говорить о следующих королевских дворцах: Королевский дворец в Стокгольме, Дроттнингхольм и Китайский павильон, дворец Хага и павильон Густава III, Гриспхольм, Росендаль, Русерсберг, Стрёмсхольм, Тулльгарн и Ульриксдаль. В каждом дворце есть своя прелесть, везде можно увидеть богатые коллекции живописи и произведений искусства — но рассказать одинаково подробно обо всех них, к сожалению, не представляется возможным. Начнём же мы с главного архитектурного украшения монаршего ожерелья — Королевского дворца в Стокгольме.

Королевский дворец

Стокгольмский королевский дворец, находящийся в самом центре шведской столицы, в Старом городе, считается сегодня крупнейшей в Европе, до сих пор не утратившей своих функций

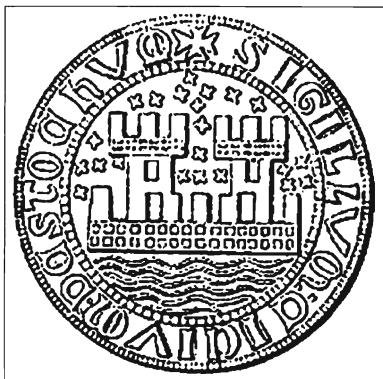

резиденцией монархов. Другими словами, это самый большой европейский королевский дворец, в котором работает его величество король и в котором по сей день проходят государственные совещания. Здесь насчитывается 550 помещений, заполненных дорогой мебелью, гобеленами, коврами, скульптурами, фарфоровыми статуэтками, произведениями шведских и зарубежных мастеров живописи.

История дворца началась очень давно, еще в XII в., когда на Стадсхольмене (ныне Старый город) выросла 25-метровая оборонительная башня, с которой постоянно велось наблюдение за озером Меларен, дабы население всегда было готово отразить удар неприятеля. Почти два с половиной столетия башня использовалась исключительно в военных целях — лишь изредка, когда королевские особы прибывали с кратковременными визитами в нынешнюю столицу, небольшая крепость превращалась в место проживания монархов.

Самыми первыми на островке в озере Меларен появились две оборонительные башни из гранита — Южная и Северная. Южная была уничтожена уже в середине XIV в., когда на её месте решили построить монастырь, северная же, получившая название «Тре Крунур» (что означает «Три короны»), стала основой будущего замка и простояла вплоть до пожара 1697 г. На старейшей печати Стокгольма, относящейся к XIII в., присутствуют обе башни.

Древнейшая печать Стокгольма

Только с воцарением Густава Васы крепости был придан более величественный вид, и она стала немного походить на королевскую резиденцию, коей она являлась с 1272 г., когда сюда со всем своим двором въехал король Магнус Ладулос. Густав Васа способствовал не только перестройке дворца —

Крепость Бохус

Замок Эребру

Руины замка Брахехюс

Замок Тюресё

Кальмарский замок

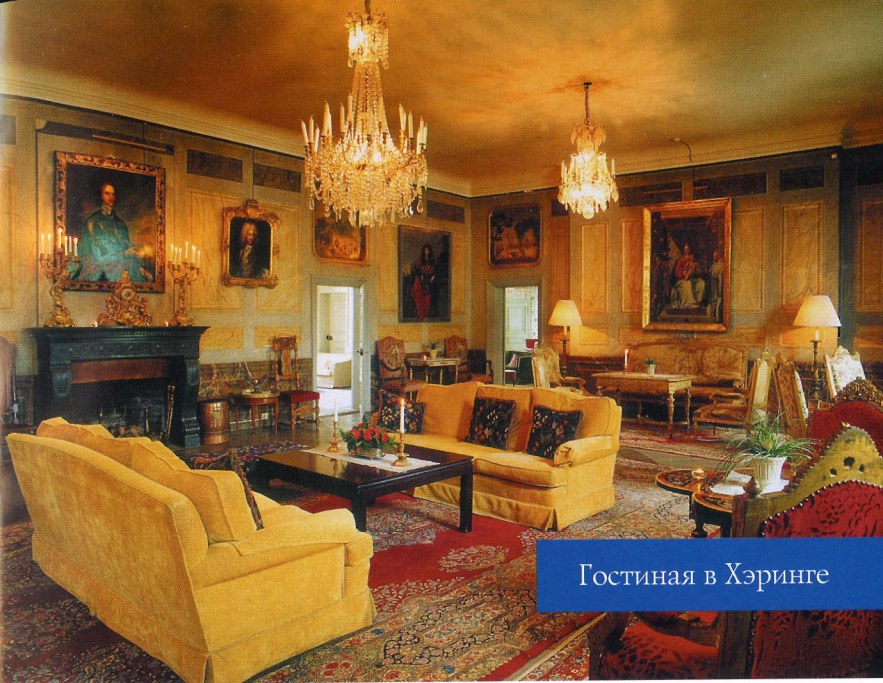
Грипсхольм

Королевский дворец в Стокгольме

Дроттнингхольм

Гостиная в Херинге

Дворец Херинге

Лэжкё

Русерсберг

он также повелел проводить здесь смену караула, очевидцами которой ежегодно становятся около полумиллиона человек со всех концов света. Между прочим, несущая караул шведская лейб-гвардия, появившаяся в 1521 г., считается одним из старейших в мире ныне действующих полков.

Справедливости ради надо отметить, что чудесное превращение из мощной крепости в величественный дворец было заслугой не только Густава Васы: частично своими преобразованиями замок был обязан вспыхнувшему в нём пожару, уничтожившему, по словам самого Густава, практически всё, кроме некоторых предметов домашней утвари. После пожара ранее суровое средневековое сооружение приобрело великолепный облик эпохи Возрождения, достойный абсолютного монарха Швеции конца XVI — начала XVII в. Название обновленный дворец получил от сверкавших на центральной башне трёх позолоченных корон, ставших в XIV в. символом шведского королевства и даже представленных на государственном гербе. Надо сказать, что центральная башня со временем достигла 42 м (вместо первоначальных 25), причём такая высота была обусловлена не столько стратегическими нуждами государства, сколько эстетическими взглядами монархов.

Если Густав Васа, побывавший в плену у датчан и мечом отвоёвывавший королевскую корону, стремился придать своим боргам внушительный и грозный вид, то его сыновья, Эрик XIV и Юхан III, были больше заинтересованы в эстетической стороне вопроса. При Густаве у замка появились мощные стены, бронзовые пушки и глубокие рвы, при Эрике Тре Крунур проникся искусством, литературой и музыкой. Тканые обои, резьба и роспись покрыли прежде холодные голые стены комнат. Юхан вновь обратился к облику замка: фасад стал белоснежным, крыши — красными; сюда провели водопровод и даже соорудили баню с прилежащим к ней бассейном. Был построен королевский тронный зал длиной почти 50 м и шириной около 10 м.

Эрик велел соорудить огромную птичью клетку, заложив тем самым основу традиции содержать при дворе питомник для птиц

или зверинец. У королевы Кристины, к примеру, была клетка для льва, привезённого для неё из Праги в качестве военного трофея. (К тому времени при дворе уже были специальные помещения для оленей и туров, а также целый дом для леопарда.)

Карл XI содержал целый зоопарк: голубятня, кролики, лисы, мартышки, олени и косули, медведь — и даже белый медведь, подаренный русским царём.

XVII в. принёс с собой новый архитектурный стиль — барокко. Выстроенный в стиле ренессанса дворец Тре Крунур безнадежно устаревал прямо на глазах, и необходимость в новом дворце ощущалась всё сильнее. На протяжении нескольких веков замок был прежде всего крепостью, призванной защитить интересы короля и населения, однако в XVII в., после многочисленных войн, за Швецией закрепился статус великой державы. Границы страны были значительно расширены, и опасаться нападения на столицу уже не приходилось.

Пышный двор и церемониальная деятельность должны были теперь определять жизнь европейских монархов. При Густаве II Адольфе (1594—1632) началось постепенное превращение Тре Крунур в чисто административный центр: здесь появились каби-

Замок Тре Крунур

неты для новых ведомств. Королева Кристина (1626—1689), вдохновлённая идеями отца и ориентируясь на развитую культуру замкостроения в Европе, поручила архитектору Жану де ла Валле (1624—1696) подготовить план нового дворца.

Его предложение было радикальным: все оборонительные сооружения должны были исчезнуть, дворцу предполагалось придать строгую прямоугольную форму. Рядом собирались разбить шикарный королевский сад и сделать площадку для рыцарских турниров. Этаж для монархов хотели перестроить по образцу Лувра, но все эти задумки так и остались на бумаге: незадолго до отречения от престола Кристина потеряла интерес к строительству.

Правда, чертежи легли в основу проекта Никодемуса Тессина-старшего (1615—1681), предложившего-таки лёгкую перестройку дворца в 1665 г. «Лёгкую», поскольку находившийся тогда у власти Карл XI пытался экономить каждую крону, покрывая полученными средствами по большей части военные расходы.

Тре Крунур требовал немедленного ремонта. В плачевном состоянии находились не только хозяйственные постройки, но и лестницы и комнаты дворца. Придворный юнкер Экеблад рассказывал в своём дневнике, как во время воскресной службы придворная дама Ингеборг Гилленшерна внезапно начала кричать и бегать по дворцу, прося кого-нибудь вытащить крысу из её туники. Долго никто не осмеливался помочь ей, пока, наконец, не нашёлся храбрец, поднявший её одежду, извлекший из-под неё крысу длиной почти 15 см и убивший её. История о храбреце получила широкую огласку, но в чём заключалась его храбрость — в том ли, что он осмелился сдёрнуть тунику с высокопоставленной дамы, или же в том, что он убил крысу, — остаётся только догадываться.

Так, наверное, и остался бы королевский дворец старомодным, если бы не восхищение Карла XI (1655—1697) французским монархом Людовиком XIV (1638—1715). «Государство — это я», — это великое изречение французского короля Карл попытался воплотить в себе самом. Построение сильной вертикали власти предполагало и наличие шикарного жилья, и в мае 1690 г. Карл отдал распоряжение о внесении во дворец первых изменений. Помог и вспыхнувший в 1697 г. пожар, за сутки

превративший величественные фасады в руины. Чертежи уже были готовы, и новый замок вот-вот должен был «воскреснуть и, словно птица Феникс, подняться ввысь из пепла и золы».

По иронии судьбы ярый противник каких-либо перестроек Карл XI скончался за месяц до страшного пожара 1697 г., но его забальзамированное тело по-прежнему ждало похорон в одном из залов замка. Придворные заботились лишь об одном: спасти тело короля, дабы придать его земле по всем существовавшим правилам, а потому иные ценности — произведения искусства и культуры, архивные документы были утрачены. Из инвентаря не удалось спасти почти ничего; сохранилась лишь $\frac{1}{3}$ библиотеки. Огонь унёс около 18 000 книг и 1000 рукописей, равно как и архивные записи до 1654 г. уже никогда не найдут своего читателя.

Итак, теперь уже нельзя было обойтись обыкновенной поверхностной реставрацией дворца, за которую так ратовал Карл XI. Его внук, пятнадцатилетний Карл XII (1682—1718), был любителем роскоши, считавшим, что Стокгольм должен превратиться в величественную столицу с замком, которому бы позавидовали все европейские монархи. Тессину, которому было также поручено строить королевский дворец в Копенгагене, Карл писал: «Ни в коей мере датский дворец не должен даже близко стоять с красотой и пышностью дворца стокгольмского».

Архитекторы, уже давно жаждавшие перемен, тотчас приступили к работе — полный энтузиазма Тессин-младший (1654—1728) спланировал заодно и окружение замка: огромный парк с фонтанами должен был простираться в том самом месте, где сегодня расположилась площадь Густава Адольфа. Однако страсть Карла XII к военным походам оставила Швецию в нищете, а замок, соответственно, — практически в развалинах, словно горькое напоминание о былом величии рухнувшей империи. Если бы задумки Тессина были воплощены в жизнь, то весь Стокгольм превратился бы в «один большой королевский дворец в стиле барокко».

Трудности, возникшие с войнами Карла XII, носили прежде всего материальный характер. Если в 1700 г. монарх выделял на строительство дворца 24 000 риксдалеров в год, то уже два года спустя сумма

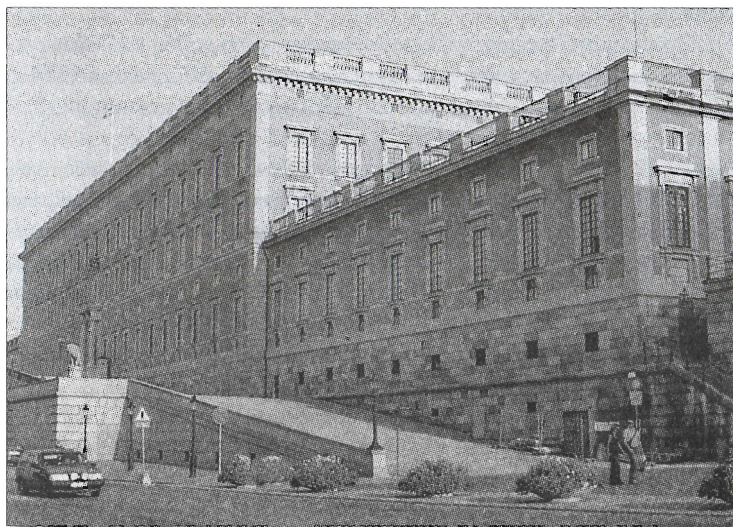

составила всего 6000, хотя Карл из всех сил и пытался её увеличить. Но не только финансовый вопрос беспокоил Тессина: занятые на строительстве рабочие внезапно оказались пригодными для службы молодыми людьми, и их то и дело забирали в армию.

Но у войны была и положительная, с точки зрения архитектора, сторона: теперь строительством могли заниматься военнопленные. Правда, уже самые первые поступившие «заключённые» вызвали у Никодемуса недоумение: это была сотня русских, в основном моряков и купцов, никогда не имевших дело с грубой физической работой.

После поражения под Полтавой Карл XII уже не мог посылать своему архитектору деньги, и работы пришлось приостановить. Тессин в спешке попытался хоть как-то сохранить то, что уже было построено: у дворца появилась временная крыша.

Когда работы возобновились, в моде был уже новый стиль — рококо. Архитектором назначили ученика Никодемуса Тессина — младшего Карла Хорлемана (1700—1753), пожелавшего в целом

Королевский дворец

продолжить проект Тессинов. Влияние рококо прослеживается в основном лишь во внутреннем убранстве королевского дворца, хотя встречаются там и элементы рококо, классицизма и ампира.

Перед глазами предстаёт величественный замок в стиле итальянского ренессанса и барокко, ни одно крыло которого не похоже на другое, хотя на первый взгляд дворец кажется идеально выраженным симметричным строением. Симметричным Тре Крунур не удалось сделать лишь по одной причине: на пути стоял стокгольмский собор Стурчюркан (Storkyrkan), который архитекторы сначала хотели снести, но из-за нехватки денег отказались от этой затеи.

Возобновление работ стоило Тессину-младшему немалых усилий: вызывать о дополнительном финансировании теперь следовало к риксдагу. В качестве аргументов Никодемус выбрал скорое завершение одного из крыльев (это фактически было правдой), что позволило бы чиновникам переехать во дворец, где в их распоряжение поступало всё самое необходимое для работы — например, библиотека, где можно было бы хранить рукописи. Кроме того, королевской семье был нужен дом: с момента пожара 1697 г. монарх «ютился» во дворце генерала Врангеля на Рыцарском острове.

Придворная канцелярия смогла въехать во дворец в 1742 г., в то время как королевской семье пришлось ждать до 7 декабря 1754 г., когда их встретили 158 полностью меблированных комнат.

Первоначально планировалось разделить новое королевское жилище на две половины: женскую и мужскую. Следы таких задумок прослеживаются даже сегодня: в восточном крыле находились комнаты королевы и принцессы, а также придворная церковь (где и сейчас можно видеть сохранившиеся со времён Тре Крунур арочные своды) и библиотека (было задумано и помещение под театр, однако его так и не успели построить). Западное же крыло, соответственно, предназначалось для короля и принцев, а потому здесь располагались помещения для сбора правительства, департамента и органов государственной власти, которые традиционно находились вблизи монарха.

При проектировании и возведении дворца архитекторы искали вдохновение прежде всего во Франции. К примеру, к созданию роскошного зала Карла XI длиной 47 м (где до сих пор накрывают стол на 150 персон по случаю званых королевских обедов) подтолкнула Зеркальная галерея Версаля. Правда, в нынешнем шведском зале зеркала скрыты стендами, на которых расположены различные предметы домашнего обихода монархов: стеклянная посуда, произведённая первым в Швеции стекольным заводом, сервизы из янтаря, небольшие, но ценные вещицы из слоновой кости.

На потолке красуется изображение самого Карла XI в образе римского императора. В честь Карла, собственно, зал и был назван, что неудивительно: именно этот шведский монарх одержал победу над датчанами в 1676 г., отобрав у тех южную провинцию Сконе, представленную на творении живописцев сидящей у ног короля женщиной, с удивлением и страхом глядящей на того, кто трижды побеждал на её земле. Над самим же монархом парят Честь и Бесмертие, а дополнительным напоминанием о его подвигах и славных деяниях служат многочисленные скульптуры и бюсты Карла XI, которыми зал (кстати, один из немногих сохранившихся после пожара 1697 г.) буквально усыпан. Некоторые из этих произведений искусства, по задумке скульпторов, должны были стать огромными статуями во внутреннем дворе замка, однако Карл проявил не свойственную монархам скромность и отказался от столь явного вознесения и восхваления себя.

Вместо фигур Карла XI в XVIII в. устрашающие функции приняли на себя величественные бронзовые львы, охраняющие королевские владения и напоминающие о былой воинской славе страны. Эти львы были отлиты в тот самый период, когда Швеция чрезвычайно нуждалась в металле — изнурительные войны требовали всё нового оружия.

Тем не менее дополнительным пушкам и ружьям не суждено было появиться: их заменили львы, будто бы нарочито показывающие всему миру, что Швеция вовсе не испытывает каких-либо финансовых трудностей и готова пойти в атаку.

Сегодня Тре Крунур вмещает в себя не только залы для банкетов и жилые комнаты для членов монаршей семьи Бернадотов, но и несколько уни-

кальных музеев, среди которых Сокровищница, Музей античности и Оружейная палата. Последняя была частично представлена ещё при Густаве Васе, отчего она является старейшим в Швеции музеем: здесь демонстрируются одежды монархов и их приближённых, а также оружие, сёдла — в общем, всё, что напоминает о славном военном прошлом страны.

Всё началось с того, что в XVI в. в одном из подвалов замка Тре Крунур появилась оружейная комната, где хранили уже устаревшее или отслужившее свой век оружие. Очень скоро места перестало хватать, и незадолго до пожара 1697 г. всю коллекцию перевезли во дворец Бесподобный Магнуса Габриэля Делагарди (1622—1686), который Тессин планировал перестроить и превратить в величайший исторический музей шведских побед. Сменив несколько мест жительства и побывав даже в Рыцарской церкви и Национальном музее, собрание оружия вернулось в королевский дворец — теперь уже, хочется надеяться, навсегда.

Указ об утверждении Оружейной палаты издал Густав II Адольф (1594—1632): дважды раненный в боях, он решил, что одежды со следами его ранений «должны быть сохранены для потомков». Позднее к этим экспонатам добавились одеяния, в которых ещё два короля встретили свою смерть: Карл XII и Густав III. В палате представлены также увенчанный короной стальной боевой шлем Густава Васы и белоснежное платье, в котором крестили крон-принцессу Викторию.

Королевские регалии, принадлежащие сегодня уже не монаршей семье, а государству (короны, скипетры, мечи и т.д.), хранятся в Сокровищнице — одном из красивейших и прекрасно сохранившихся музеев мира. Из всех представленных здесь экспонатов особый интерес вызывают два: это короны Эрика XIV и супруги Адольфа Фредерика королевы Лувисы Ульрики (1720—1782), по-прежнему считающиеся официальными символами монархов, а потому требующиеся во время таких событий, как свадьба, крещение и похороны членов королевской семьи.

Безусловно, главным событием, во время которого используются королевские регалии, — это коронация. Первым, кто провёл коронацию со всей тщательностью, был сын Густава Васы Эрик XIV. Тем

самым он хотел, с одной стороны, продемонстрировать воцарение новой династии, а, с другой, доказать своё право носить корону — именно поэтому он и выбрал свой порядковый номер, отсылая всех сомневающихся к долгой истории Швеции и тем временам, когда монархи упоминались лишь в сагах. Конечно, его собственное время — ренессанс — также во многом способствовало

Корона Лувисы Ульрики

его любви к пышным торжествам и многочисленным церемониям. Позднее Эрик приказал своему посыльному в Лондоне «подробно описать все церемонии при королевских дворах» — ритуалы, введённые им, использовались вплоть до 1873 г., когда был коронован Оскар II (1829—1907).

Интересно взглянуть на корону, когда-то украшавшую голову Лувисы Ульрики, супруги Адольфа Фредрика и матери Густава III. Проведя детство в Пруссии и привыкнув к тому, что монарх является единоличным оплотом государства, Лувиса Ульрика никак не могла свыкнуться с мыслью, что в Швеции король имеет второстепенное значение. Дело зашло так далеко, что королева, находясь в Берлине, решила заложить свои драгоценности, подаренные ей в день помолвки, и бриллианты шведской короны, предвзительно заменённые (чтобы не вызвать подозрений) кварцевыми камушками. Деньги от залога должны были пойти на организацию государственного переворота — так сильно она желала, чтобы её супруг стал столь же могущественным, как монархи на её родине!

Наконец, Музей античности, признанный одним из старейших публичных музеев, расположенных к северу от Альп. Этот музей появился благодаря Густаву III (1746—1792), увлечшемуся коллекционированием предметов старины.

Интерес к античности проснулся в европейцах к середине XVIII в., когда в Италии начались раскопки древних городов Помпеи и Геркуланума. Тонкий ценитель искусства и культуры, Густав III незамедлительно совершил поездку в Италию, где и приобрёл первые предметы своей богатой коллекции — греческие вазы. Впоследствии он продолжал скупать предметы старины — правда, уже не лично, а через посредников. В результате к концу его правления коллекция насчитывала более 180 статуй и статуэток, бюстов и керамических изделий, переехавших в открытый в 1794 г. (спустя два года после смерти Густава) Музей античности.

Дроттнингхольм — истинная резиденция королевской семьи

Нынешняя резиденция шведской королевской семьи — Дроттнингхольм — это понятие, включающее не только пышный дворец с огромным парком, но и несколько ценнейших павильонов, в том числе и старый театр. Поездка в Дроттнингхольм, в 1991 г. вошедший в Список всемирного наследия ЮНЕСКО как «наилучшим образом сохранившаяся в Швеции королевская резиденция XVIII в., представляющая европейскую архитектуру замкостроительства», может занять целый день — да и этого будет мало, ведь дворец не зря называют «Версалем в миниатюре»!

Дроттнингхольм расположен на островке Ловён (Lovön) недалеко от Стокгольма, на озере Меларен, и впервые о нём заговорили при сыне Густава Васы — Юхане III, который в 1580 г. возвёл здесь двухэтажный кирпичный замок с башней для своей супруги Катарины Ягеллоники (1526—1583).

Тут же был построен и двухэтажный деревянный флигель для самого двора и прислуги, просуществовавший до XVIII в., когда его снесли из-за боязни возникновения пожара. Название «Дроттнингхольм» появилось как раз в это время — в переводе со шведского оно означает «Остров королевы».

В 1661 г. замок приобрела вдовствующая королева Хедвиг Элеонора (1636—1715), но при ней Дроттнингхольм постигло несчастье: он полностью сгорел накануне празднования Нового года. Уже в 1662 г. она обратилась к архитектору Никодемусу Тессину-старшему (1615—1681 гг.) с просьбой создать новый дворец, и к

Дроттнингхольм

моменту его смерти 19 годами позже замок, за исключением внутреннего убранства, был готов. Как и многие другие проекты, Дроттнингхольмский был передан сыну Никодемуса Тессина.

Пышность Дроттнингхольма трудно переоценить. Тридцатилетняя война, превратившая Швецию в мощнейшее королевство Европы, позволила украшать дворцы различными трофеями: так, например, многие скульптуры Дроттнингхольма привезены из Праги, а знаменитый фонтан «Геркулес» и статуя Нептуна родом из датского дворца Фредериксборга. Иметь презентабельное жильё в некоторой удалённости от столицы было не только воплощением личных амбиций Хедвиг Элеоноры, но и требованием, связанным с новым статусом Швеции как великой державы. Вдовствующая королева охотно приезжала в Дроттнингхольм, однако в ожидании окончания работ она всё же предпочитала проводить время в Ульриксдале. Дроттнингхольм стал для неё скорее местом хранения произведений искусства — к 1719 г. здесь находилось 209 полотен.

Следующей королевой, оставившей заметный след в истории Дроттнингхольма, была Лувиса Ульрика, в 1744 г. ставшая женой шведского наследника престола Адольфа Фредрика (1710—1771) и получившая Дроттнингхольм — а заодно и специально написан-

Лувиса Ульрика

ную для этого случая основателем шведской классики Руманом «Дроттнингхольмскую музыку» в качестве свадебного подарка.

Именно здесь состоялась свадьба Лувисы Ульрики с будущим королём Швеции, и именно при ней дворец пережил свой золотой век. Приехав из процветающей Пруссии, новая королева язвительно замечала: «У здешнего короля глухие музыканты, хромой учитель танцев и слепой художник».

Для придания дворцу более современного вида — теперь в моде был рококо — Лувиса Ульрика обратилась к Карлу Хорлеману, первым де-

лом заменившему устаревший розоватый оттенок фасадов светло-жёлтым. У крыльев дворца появился дополнительный этаж, где было место для королевской библиотеки в бело-жёлтых тонах (сразу же признанной одной из красивейших комнат Швеции) и портретной галереи.

Из родной Пруссии Лувиса Ульрика привезла и увлечение театром. С её точки зрения, игра шведских придворных актёров напоминала скорее грубую деревенскую самодеятельность. Королева первым делом наняла истинных французских мастеров этого жанра и в 1766 г. основала в Дроттнингхольме театр, в котором до сих пор проходят представления. Этот театр стал любимейшим местом сына Лувисы Ульрики Густава III (1746—1792) — после того как его мать из-за долгов была вынуждена отказаться от дворца в пользу короны, Густав стал приезжать сюда, чтобы с собственной свитой устраивать театральные представления.

Постепенно Дроттнингхольм начал всё больше терять свою значимость. Его посещали, слегка реставрировали, но золотые дни замка были уже в далёком прошлом. Основатель династии Берна-

дотов Карл XIV Юхан (1763—1844) вообще едва ли проявлял интерес ко дворцу, несмотря на его очевидное сходство с французским Версалем. Что уж там говорить о супруге Карла Юхана, королеве Дезире (1777—1860), после полугодового визита в холодную снежную Швецию отказывавшуюся приезжать на новую родину долгие 12 лет!

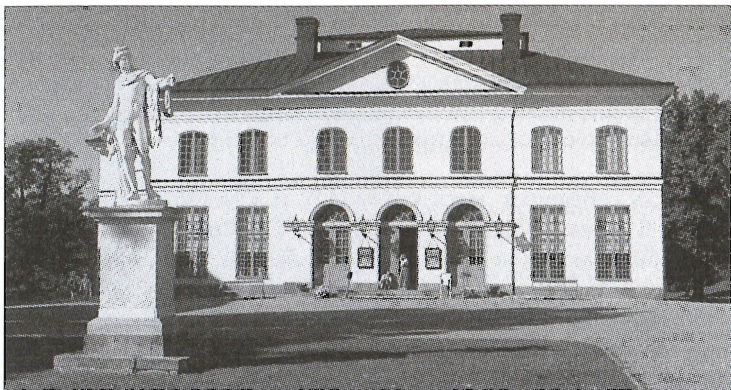
Часть собранных здесь коллекций была перевезена в другие замки, а также в Упсальский университет и Академию наук. Кто знает, быть может, нежелание первого Бернадота посещать Дроттнингхольм вызвало у нынешнего монарха чувство стыда и повлияло на выбор им именно этого дворца в качестве места постоянного проживания: с 1981 г. шведская королевская семья живёт в южном крыле Дроттнингхольма, ну а многие из 200 комнат замка открыты для любопытствующих туристов.

Дроттнингхольмский театр

Дроттнингхольмский театр — наилучшим образом сохранившийся театр XVIII в. в мире, в котором до сих пор идут представления и используется машинное оборудование для смены декораций, созданное при королеве Лувисе Ульрике. Здесь можно встретить множество рекордов: например, самую глубокую в мире сцену — 20 м. В комнатах актёров находится такая «коллекция» уникальных обоев XIX в., равной которой по объёму нет во всех остальных вместе взятых частях Швеции.

В театре сохранились первоначальные декорации и даже костюмы; здесь по-прежнему используют около 400 свечей для одного представления — вошедшего в зрительный зал встречает полумрак, в точности, как это было при Лувисе Ульрике. В центре стоят роскошные алые кресла для Его Величества с супругой — правда, это относительное новшество: прежде король сидел в ложе справа, а королева — в ложе слева. Мало изменился и репертуар Дроттнингхольмского театра: пьесы Мольера, Вольтера, Дидро и других великих творцов не раз ставились в стенах этого уникального здания.

С самого начала за Дроттнингхольмский театр отвечал Карл Фредрик Аделькрантц (1716—1796) — нанятый Лувисой Ульрикой архитектор. Он спроектировал нынешнее здание театра, сделав в нём даже комнаты для актёров — это не было распространённой

Дrottningholmский театр

практикой, но здесь, поскольку французская труппа «находилась на бессрочных гастролях», такой приём был вполне приемлем.

Для самого архитектора также существовала спальня — хотя жил он в Стокгольме, ему было удобно порой остановиться в родном детище по приезду в загородную резиденцию королевы. Постепенно Аделькрантца сделали также ответственным за выплаты зарплат нанятой Лувисой Ульрикой труппе. Архитектор, и без того переживавший финансовые трудности, был вынужден выплачивать не только гонорары, но и покрывать все дорожные расходы французских актёров, требовавших деньги даже по возвращении домой. Быть может, их требования не были необоснованными: за 20 лет нахождения в Швеции их репертуар достиг 350 пьес! Жалобы и требования гонораров продолжали поступать в Стокгольм вплоть до начала XIX в.

После отъезда французской труппы их место заняла труппа шведская во главе с Петером Стенборгом (1719—1781). После премьеры их первого спектакля будущий директор Стокгольмской оперы писал: «Слух резало каждое слово, манера игры была безвкусной» — но театр на шведском языке был именно тем, чего жаждала публика. Всё тот же критик продолжал: «Я никогда не видел столько людей, аплодирующих каждому слову и так радующихся шведскому спектаклю. Казалось, что публика, поступая так, обращалась к его величеству с просьбой не оставлять без внимания такое искусство».

Густав III прекрасно осознавал, что постановка шведской драмы будет полным крахом для шведского театра, пока ещё находившегося на этапе становления. Потому мудрый монарх предпочёл сделать акцент на оперном искусстве: так зритель, благодаря музыке, мог привыкнуть к шведскому языку и уже затем с распростёртыми объятиями принять серьёзные драматические постановки. Монарх лично писал некоторые части опер, в том числе и либретто к «Густаву Васе» — величайшей опере Швеции всех времён.

После смерти Густава III театр едва ли использовался по назначению. О нём вспомнили лишь в 1922 г., и с тех пор каждое лето здесь показывают оперы и балеты. В антракте гости могут выйти в фойе, построенное самим Густавом и очень скоро начавшее им использоваться как «зал для завтраков»: король очень любил приглашать гостей Дроттнингхольма сюда, словно на веранду, для принятия утренней пищи...

Китайский павильон

Строительство Китайского павильона проходило в атмосфере величайшей секретности — и в ужасной спешке. Готовили его в Стокгольме, мебель и различные предметы интерьера заказывали на имя близких людей короля — ведь новый павильон должен был стать подарком на день рождения Лувисы Ульрики! Наскоро собранный замок погрузили на баржи и переправили к Дроттнингхольму, где его за одну ночь привели в должный вид.

Для королевы это стало полной неожиданностью. Проезжая уже в который раз по одной из дорожек недалеко от дворца, она вдруг увидела настоящую сказку: стража, разодетая в наряды китайских слуг, несколько человек в одеждах китайских мандаринов, старший сын в роли китайского принца, вручающий матери золотые ключи, — такой подарок стал, безусловно, кульминацией вечера.

Надо сказать, подарок этот пришёлся по душе далеко не всем. Стража, например, долго жаловалась на то, как их в назначенный день неожиданно подняли в 2 часа ночи и заставили обучаться «смене караула и маршам по-китайски».

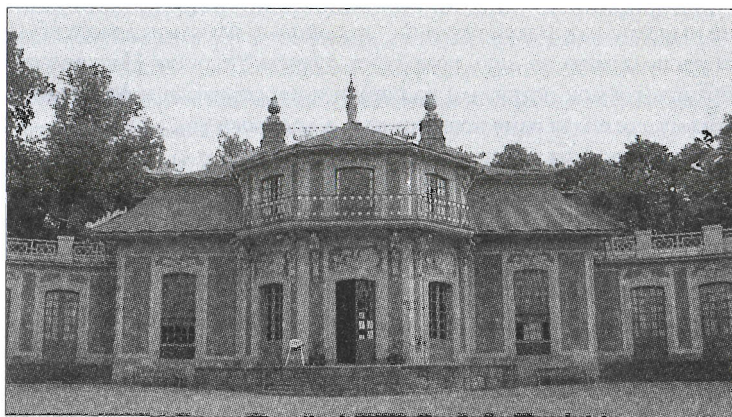

К сожалению, построенный буквально за месяц павильон был не слишком хорошего качества, и очень скоро сырость взяла своё, а потому ровно через 10 лет, в 1763 г., возникла необходимость заменить Китайский павильон новым. В архитектурном плане здание следовало всем нормам французского рококо, изобилующего, однако, экзотическими чертами, навеянными восточными (прежде всего китайскими) мотивами.

Китайские павильоны — да и вообще всё китайское — вошли в европейскую моду в XVIII в., когда благодаря поездкам на загадочный восток Европа открыла для себя неизведанную культуру. Наравне с экзотическими товарами во дворцы хлынули также и произведения искусства — статуэтки, сервизы, гобелены. Эти коллекции вскоре стало модным хранить в специально созданных под них помещениях — Китайских павильонах. Павильоны такого рода выполняли и другую функцию: зачастую они располагались вдали от основного дворца, становясь, тем самым, «местом отдыха» от шумной придворной жизни.

Китайский павильон в какой-то степени потерял свою актуальность уже при Густаве III, и причиной тому стало страстное же-

Китайский павильон

ление монарха построить роскошный дворец в парке Хага. В Китайском павильоне, лежащем на задворках Дроттнингхольма, он бывал всё реже, и после его смерти об изысканной беседке забыли почти на столетие.

Надо сказать, что Дроттнингхольм попал в Список всемирного наследия ЮНЕСКО во многом благодаря Китайскому павильону и Дроттнингхольмскому театру, поскольку именно эти два здания представляли собой уникальный образец шведской архитектуры XVIII в., — в итоге дворец оказался первым объектом Швеции, занесённым в этот список. Осмотр Китайского павильона — дело нелёгкое, ведь здесь представлены сотни искусно сделанных китайских и японских фигурок и предметов домашней утвари.

Интерес представляют и 550 книг библиотеки — в то время была мода на маленькие, элегантные тома, разместившиеся в одной из комнат. Стоит остановиться и в Розовом зале — любимой комнате Лувисы Ульрики: тут виден ход солнца в течение дня, что придаёт помещению особую теплоту. Сейчас, правда, проследить за небесным светилом не позволяют тяжёлые гардины, повешенные относительно недавно с целью сохранить уникальный интерьер музейной комнаты.

Парк и окрестности Дроттнингхольма

Отдельный интерес представляет Дроттнингхольмский парк — или, точнее, парки. Старейшим был заложенный в конце XVII в. парк в стиле французского барокко, по большей части сохранившийся до наших дней в своём первозданном виде. Этот парк с огромным роскошным фонтаном в центре окантован липовыми аллеями, где разместились скульптуры голландского мастера Адриана де Ври, попавшие в Швецию в основном из Праги во время Тридцатилетней войны. Большинство скульптур сейчас заменены копиями; увидеть же оригиналы можно в расположившемся в старой королевской конюшне музее скульптора, предварительно заказав экскурсию.

Английский парк, как уже говорилось, появился благодаря Густаву III, среди деревьев несколько беспорядочно разместившего также и античные мраморные скульптуры, которые, по его задумке, должны были «удивлять и радовать глаз».

У Китайского павильона вас встречает сооружение, напоминающее палатку, — оно тоже появилось при Густаве III, когда тот, приезжая в Дроттнингхольм со своим двором, испытывал необходимость в охране. Стража размещалась в этой солдатской палатке турецкого или римского типа и во многом напоминает жильё, возведённое по приказу Густава в парке Хага.

От Китайского павильона дорожка ведёт ещё к одной достопримечательности — улице Кантон с маленькими домиками XVIII в., выстроенными вдоль главной дороги. Сегодня эта улочка производит впечатление тихой деревенской идиллии — тем не менее в руках предприимчивой Лувисы Ульрики это местечко ждала совсем иная участь. Королева желала создать здесь мануфактуру, однако столь амбициозный проект не мог быть претворён в жизнь. Единственное, что успели, — так это начать обучать плетению брюссельских кружев, для чего даже посадили тутовые деревья.

Швеция той эпохи старалась утвердиться как страна, способная производить всё, что угодно, — от кофе до жемчуга, а также импортировать (!) таких животных, как верблюды. Начать, однако, решили с приручения лосей — на тот момент довольно редких представителей шведской фауны. Ручного лося представили при дворе Адольфа Фредрика, который незамедлительно выделил новому чуду отдельное жильё в парке, и лось мгновенно стал главной достопримечательностью Дроттнингхольма.

Сама идея создания мануфактурного общества в Дроттнингхольме не была столь уж плохой, однако расходы, которые она влекла за собой, сделали проект лишь заманчивой мечтой. Лувиса Ульрика пыталась всеми силами заманить к себе новых людей, предлагая различного рода поощрения, если те всего-навсего согласятся жить на улице Кантон.

Людей-то ещё можно было как-то уговорить, но вот помочь тутовым шелкопрядам привыкнуть к холодному климату Швеции не могло ничто, и, несмотря на то что отдельные вещи из шёлка всё же производились, Дроттнингхольмской фабрике так и не суждено было открыться. Шведский Кантон остался обыкновенной крохотной улицей в получасе ходьбы от загородного королевского дворца.

Улица Кантон

Стрёмсхольм

Не только Дротнингхольм можно назвать дворцом королев: недалеко от города Вестероса, среди лугов и полей, в прохладной тени парка вырос один из тех замков, жизнь в котором определяли именно женщины, — Стрёмсхольм. Дворец им доставался либо как свадебный подарок, либо как вдовья резиденция. Архитекторы и садовники, в свою очередь, сделали всё, чтобы воплотить в дворцовом и парковом облике идеалы стилей различных эпох.

Инициатором строительства Стрёмсхольма был Густав Васа, в

Катарина Стенбок

середине XVI в. основанный здесь каменный борг длиной 30 м и шириной 17 м, который должен был стать резиденцией будущей вдовствующей королевы Катарины Стенбок (1535—1621). После смерти Катарины в 1621 г. Стрёмсхольм перешёл к Марии Элеоноре (1599—1655), также вдовствующей королеве, однако она предпочитала проводить время в Грипсхольме, и замок простоял нетронутым до Хедвиг Элеоноры (1636—1715), получившей его в день свадьбы от своего мужа, Карла X Густава.

Мария Элеонора, супруга Густава II Адольфа, проводила в Стрёмсхольме не слишком много времени. Тогда король открыл на его территории первый в Швеции конный завод — разведение здесь лошадей началось ещё при Густаве Васе. После гибели Густава Адольфа в 1632 г. в битве при Лютцене вдова пожелала построить в замке часовню, в которой, по её мнению, должен был быть похоронен великий монарх. Однако по традиции его последним пристанищем стала Рыцарская церковь Стокгольма. Тогда Мария Элеонора разбила вокруг замка сад и решила основать неподалёку город, однако и этим планам не суждено было осуществиться: в 1640 г. она покинула Швецию, и Стрёмсхольм вновь стал коронным владением.

Нельзя сказать, чтобы королева Хедвиг Элеонора осталась довольна свадебным подарком, — ей дворец казался чрезвычайно устаревшим, и она наняла придворного архитектора Никодемуса Тессина-старшего, чтобы тот соорудил нечто более подобающее для её высочества. В 1669 г. старый борг превратился в прекрасный дворец в стиле барокко, окружённый двумя десятками менее монументальных построек, как, скажем, дошедший до наших дней домик пажей.

Как только возведение дворца завершилось, работы были приостановлены, и внутреннее убранство замка было вынуждено ждать своего часа целое столетие. Стрёмсхольм постепенно стал приходить в упадок, однако своевременное вмешательство сначала сестры Карла XII Ульрики Элеоноры, а затем супруги Густава III не позволило дворцу прийти в полное запустение.

На верхнем этаже Стрёмсхольма была построена запланированная ещё Тессингом замковая часовня — здесь сохранился орган 1743 г., а сделанная по проекту Карла Фредрика Аделькранца (1716—1796) спальня принцессы являет собой выдающийся пример шведского неоклассицизма.

В Стрёмсхольме любили останавливаться по дороге в южные края шведские монархи. Особенно этот замок приглянулся Карлу XI, который провёл здесь свой медовый месяц, а затем нередко навещался сюда, посещая конный завод.

Карл очень интересовался лошадьми и даже собрал целую их коллекцию, представленную чуть ли не в полный рост на картинах Давида Клёкера Эренштраля (1628—1698) в некоторых комнатах дворца.

Другой же шведский монарх, Густав III, также приезжал в Стрёмсхольм ежегодно, однако чувствовал себя здесь весьма неуютно. После его смерти дворец стал резиденцией вдовы монарха Софии Магдалены, в 1808 г. поменявшей этот замок на Ульриксдаль.

Первую половину XIX в. особы голубых кровей всё ещё продолжали периодически навещаться в Стрёмсхольм с визитами, но ни замок, ни парк уже не несли прежнего блеска. В 1864—1867 гг. здесь построили две огромные конюшни, и риксдаг принял реше-

Стрёмсхольм

ние об открытии в Стрёмсхольме школы верховой езды, учениками которой должны были стать прежде всего офицеры кавалерии. Со временем военным предоставили в распоряжение также и комнаты замка, хотя королевский этаж оставался для них закрытым. Спустя столетие конный завод и школа верховой езды уступили место музею.

В Стрёмсхольме не стоит искать изобилия восхитительных предметов старины, хотя, безусловно, они здесь и присутствуют. Жемчужиной экспозиции замка скорее является коллекция живописи: здесь, в частности, представлены портреты всех шведских монархов от Густава Васы до Карла XIV Густава.

Портретная галерея частично компенсирует относительно скромное убранство дворца, вызванное, с одной стороны, перевозом многих ценных вещей в другие дворцы, а, с другой стороны, тем, что в интерьерном плане Стрёмсхольм так и не был до конца завершён. Поскольку замок никогда не являлся постоянной королевской резиденцией и использовался только для отдыха королевской семьи при поездках в южные края страны, монархи не желали тратить коронные средства на превращение Стрёмсхольма в шикарное жилище.

Дворцы парка Хага: павильон Густава III и дворец Хага

Роскошным жилищем должен был стать не находившийся где-то далеко Стрёмсхольм, а самые что ни на есть близкие загородные леса Стокгольма. Правитель Швеции Густав III (1746—1792) давно положил на них глаз, решив воплотить в жизнь грандиозный проект, ради которого он даже забросил пышный дворец своей матери Дроттнингхольм. Итак, на карту было поставлено всё, и сценой для выдающегося «театрального короля» стал парк Хага...

Поручая в 1780 г. группе архитекторов во главе с Фредриком Магнусом Пипером (1746—1824) планировку нового парка, Густав III уже лелеял мечты о превращении этого кусочка леса в шикарную королевскую резиденцию, ничем не уступающую Версалью, — шведский монарх восхищался французскими дворцами тех времён.

К преклонению перед Францией вскоре добавилось ещё одно увлечение: в 1783—84 гг. Густав совершил поездку по Италии, что натолкнуло его на мысль окружить свой будущий Версаль южно-итальянским городом-коммуной Кампанья, и первый шаг к тому был уже сделан: местечки вокруг получили соответствующие названия (Албано, Фрескати, Тиволи), сохранившиеся по сей день.

Желание построить что-то новое, свежее возникло у Густава неспроста: он всем сердцем желал сбежать из королевского дворца, где, по его мнению, было слишком много сплетен и интриг. Выход он увидел в создании чего-то в абсолютно новом месте.

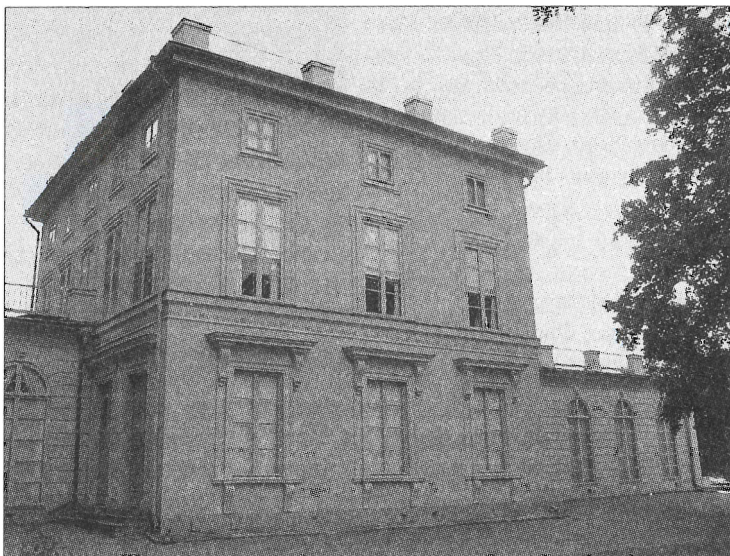
Павильон Густава III, причисляемый сегодня к одному из королевских дворцов Швеции, появился в 1787 г. как своего рода временка для монарха, с большой охотой следившего за строительством. Более того, сам Густав то и дело вносил изменения в проект и предоставлял чертежи, в которых ясно и чётко отображал свои задумки (надо сказать, что король неплохо рисовал).

Планировалось, что здесь Густав будет жить до тех пор, пока основной дворец не будет завершён. Архитектором был назначен Улоф Темпельман (1745—1816), внутреннюю отделку поручили Луи Жану Масрелье (1748—1810).

Интерьер в комнатах был в так называемом «густавианском стиле», предполагающем смесь остатков рококо и начального этапа неоклассицизма. Это попытка найти идеал в античности, заменить пастельные тона оттенками белого, столь напоминающего мрамор. Ассоциировавший себя с Аполлоном Густав позволил в некоторых комнатах превратить выбранный им символ розы в подсолнечник — истинный символ греческого красавца.

В одном из залов изначально красные стены после столь важной для монарха победы над Россией были перекрашены в шведские цвета — синий и жёлтый. Этот факт позже заставил помуч

Густав III

Павильон Густава III

читься реставраторов: какой же всё-таки цвет должен быть сохранён в павильоне? Остановились на первоначальном красном, однако, пока ждали заказанные во Франции обои, передумали, и комната сохранила тот же оттенок, что был здесь в последние годы жизни Густава.

Несмотря на то что Густав III расценивал новый павильон всего лишь как временное место жительства, отказываться от дворцовой жизни он не собирался, а потому самым большим залом стал так называемый Зеркальный. Когда-то здесь находился главный вход, двери которого настежь распахивали в летние дни.

Зеркала, бывшие в те времена невероятно дорогими, доставлялись в течение многих лет (последнее было привезено сюда в декабре 1791 г.), поскольку хрупкое стекло неоднократно билось в пути. Эффект обвешанного с пола до потолка зеркалами зала был восхитительный: комната являлась своего рода продолжением парка и озера, находящегося в нескольких метрах от павильона (надо учитывать, что с тех пор уровень воды в нём снизился почти на 1 м, а некоторые каналы, вырытые по заказу Густава, были и вовсе уничтожены).

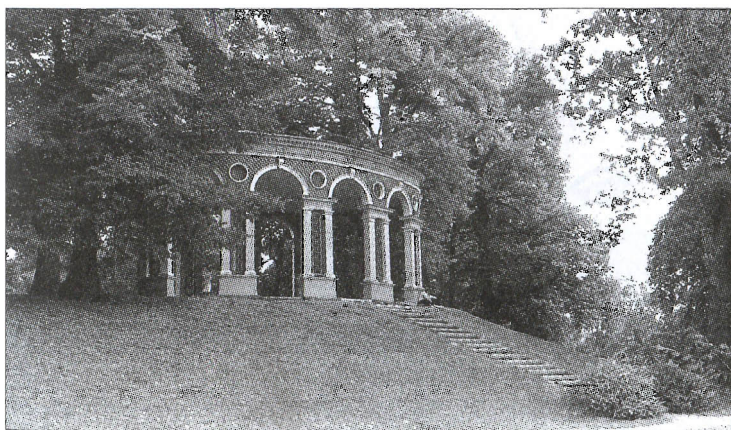

Тут же, в Зеркальном зале, находится один из немногих бюстов шведского монарха, созданный знаменитым скульптором Юханом Тобиасом Сергелем (1740—1814). Густав вообще-то не очень любил позировать, а, соглашаясь, строго следил за тем, чтобы ни в коем случае не был изображён его левый висок — король ужасно стеснялся раны на нём. Сергелю же всё-таки удалось сотворить, пожалуй, самое правдоподобное изображение Густава III — на его скульптуре легко заметить небольшой шрам.

Парк Хага, на который Густав возлагал столь большие надежды, стал тем самым местом, откуда король выехал на злосчастный бал-маскарад, где и был застрелен одним из заговорщиков. Сегодня историки-архивисты на материале изученных дневников открыли удивительную вещь: Густава могли убить значительно раньше, в его любимом павильоне.

Сложилось так, что конспираторы вплотную подошли к окну его спальни и обнаружили, что бледный монарх лежит в странной позе на диване. Рука его была свешена, повсюду валялись бумаги — естественно, заговорщики предположили, что кто-то совершил страшное дело уже до них. Какого же было их удивление, когда спустя несколько часов они увидели живого и здо-

Парк Хага

рового монарха на коне в Стокгольме! Позже выяснилось, что в своём павильоне Густав просто-напросто вздремнул, читая какую-то рукопись.

После смерти Густава про новый монументальный дворец (строительство которого, к слову, осуществляли в основном русские военнопленные) пришлось забыть, хотя справедливости ради надо отметить, что некоторые короли охотно останавливались в Павильоне Густава III.

Фундамент того, что осталось напоминанием о грандиозных планах театрального короля, можно увидеть в паре сотен метров от Павильона Густава III. Но рядом с руинами вырос другой дворец — Хага, построенный по велению Густава IV Адольфа, который, в отличие от своего отца, чувствовал себя неуютно в небольшом павильоне-временке. Новое сооружение получило название павильона Королевы, хотя изначально задумывалось как место жительства детей монарха — и его слуг.

Будучи созданным скорее как частное жильё, нежели как репрезентативный дворец, здание возводилось в форме огромной виллы.

На первом этаже разместили комнатки для слуг, второй же этаж предназначался королевским сыновьям Густаву и Карлу Густаву (последний в трёхлетнем возрасте скончался в Хаге). В центре находился трапезный зал, над которым построили отдельные покои для их сестры, принцессы Софии Вильгельмины. Семейство едва успело въехать в новую резиденцию, когда в стране произошёл переворот, и Густав IV Адольф был схвачен и выслан из страны.

Свергнутый с престола Густав IV Адольф (1778—1837), покидая страну, не преминул забрать из дворца Хага предметы мебели, различные аксессуары да значительную часть библиотечного собрания — всё это, по его мнению, являлось его личной собственностью. Правда, многие вывезенные книги были возвращены в начале XX в., когда из павильона задумали сделать музей. Тогда же дворец был отреставрирован, и ему придали первоначальный вид, утраченный в 40-х гг. XIX в. во время правления Оскара I (1799—1859).

Несколько лет дворец пустовал, но в 1820-х гг. он перешёл к наследному принцу Оскару (I) и его супруге. Следующие поколения монархов нередко навещали сюда, пока, наконец, в 1946 г. здесь не родился нынешний король Швеции Карл XVI Густав. Какое-то время во дворце размещали высокопоставленных гостей из других государств, но в апреле 2009 г. было решено, что Хага станет свадебным подарком принцессе Виктории и её Даниэлю Вестлингу.

Русерсберг

Белоснежные стены Русерсбергского замка сильно выделяются на фоне простирающейся от него пышной зелени парка, вздымающейся из небесно-голубой глади озера Меларен. Этот замок наименее знаком туристам — да и самим шведам — во многом из-за того, что с середины XIX в. в нём проходили стрелковые учения пехоты, а затем разместилась школа гражданской обороны. Лишь пару лет назад двери одного из богатейших по внутреннему убранству замков распахнулись для экскурсионных групп. Во всём мире

Русерсберг

о Русерсберге знают как о замке с уникальными интерьерами эпохи неоклассицизма.

Так же, как и королевские дворцы Ульриксдаль и Тульгарн, Русерсберг изначально возводился для частного лица — одного из виднейших аристократов Швеции графа Габриэля Бенгтссона Оксеншерны (1586—1656) и его супруги Анны Банер (1585—1656). Габриэль окрестил новое поместье в честь рода своей матери — «Три Розы».

Замок получился типичным представителем своего времени: у центрального здания была высокая крыша и богато украшенные фронтоны в стиле немецко-голландского ренессанса, а три низких крыла образовывали вместе с главным корпусом большой замковый двор.

Однако уже после смерти Габриэля замок выглядел устаревшим, и его сын Бенгт Оксеншерна (1623—1702) принялся за радикальную модернизацию отцовского жилища: его необходимо было перестроить под идеалы французско-итальянского барокко, что было под силу популярному архитектору Никодемусу Тессину-младшему. Были уничтожены высокие ренессансные фронтоны, перестроены крыши, построена колонная галерея. Вокруг дворца вырос один из самых дорогостоящих — но и красивейших парков страны, где устроили гроты — сохранившуюся до наших дней достопримечательность местности.

В 1762 г. сословия официально подарили дворец 14-летнему принцу — так замок стал королевским. Карл, правда, не появлялся здесь до 1774 г., когда он, 25 лет от роду, женился на своей 15-летней кузине Хедвиге Элисабете Гольштейн-Готторпской (1759—1818).

Замок вновь ожидали изменения: Карл, в общей сложности владевший дворцом 56 лет, подстроил его полностью под свои вкусы. Здесь, как ни в каком другом месте, раскрывается личность Карла: комнаты изобилуют морской символикой, что должно напоминать об адмиралтейских заслугах короля. Самым главным свидетельством его успеха является огромное полотно Луи Жана Деспрэ, запечатлевшее Гогландское сражение, где Карл чествуется как победитель.

Гогландское сражение, состоявшееся 17 июня 1788 г. в Финском заливе, на самом деле закончилось вничью: как шведы, так и русские потеряли по одному кораблю, количество убитых и раненых было при-

мерно одинаковым. Несмотря на это, обе стороны объявили себя победителями — хотя, по сути, стратегический успех остался на стороне русских, завладевших инициативой в войне. Шведский флот был вынужден отступить в Свеаборг, что означало крушение шведских планов: изначально шведы собирались нанести быстрый удар по неподготовленным к войне силам русских. Увенчать успех должно было взятие Санкт-Петербурга.

Изменения претерпел даже дворцовый парк, ставший теперь оформленным в английском стиле: здесь были посажены новые деревья, построены беседки и павильоны. К сожалению, со временем всё это исчезло, а парк пришёл в сильное запустение, хотя тут до сих пор угадываются черты некогда представительного королевского сада. Сам Русерсберг был приспособлен не только под проживание, но и под официальные нужды монарха: во дворце построили парадные покои, зал для аудиенций и зал заседаний. Большинство предметов обстановки замка сохранилось именно со времён Карла XIII.

В 1818 г. Русерсберг перешёл по наследству к приёмному сыну Карла XIII, Карлу XIV Юхану (1763—1844), часто приезжавшему сюда в летнее время, особенно в начале своего правления. Традицию подхватил и Оскар I (1799—1859), привозивший во дворец весь свой королевский двор. По вечерам обычно устраивались театрализованные представления, в которых принимали участие не только придворные, но и сам монарх. После смерти Карла Юхана Русерсберг стал резиденцией его вдовы — она была последней знатной особой, жившей в этом дворце. С тех пор замок использовался знатными лицами лишь в крайне редких случаях — например, для проведения каких-либо собраний.

Карл XIV Юхан

В 1860 г. Русерсберг был отдан пехотным войскам, проводившим здесь учения по стрельбе, затем — Школе гражданской обо-

роны и Управлению Национальной службы спасения. Сейчас дворец можно посетить в летнее время, когда здесь проводятся экскурсии.

Росендаль

Если дворец Русерсберг попал в руки королевских особ только при отце основателя династии Бернадотов Карле XIII, то судьба расположенного на стокгольмском Зверином острове замка Росендаль связана исключительно с ныне царствующей королевской династией. Росендаль не может похвастать долгой и насыщенной событиями историей: он был возведён только в 20-х гг. XIX в. по приказу первого Бернадотта, Карла XIV Юхана, тоскующего и вдохновлённого французскими резиденциями в стиле ампир.

С самого начала Росендалю предстояло стать самым выдающимся архитектурным творением Швеции времён Карла XIV Юхана, а практически не тронутые интерьеры вызывают восхищение не только туристов, но и искушённых историков и ценителей искусства.

Пока Росендаль не попал к монарху, он служил местом жительства надсмотрщиков за животными, поскольку весь Звериный остров был королевскими охотничьими угодьями. Небольшой домик, стоявший в этом месте, Густав III в 1791 г. подарил своему любимцу камер-юнкеру Георгу Юхану де Беш, ставшему впоследствии придворным маршалом вдовствующей королевы Софии Магдалены (1746—1813).

Де Беш снёс дряхлый домишко, чтобы построить на его месте деревянное имение, — правда, уже в 1798 г. он продал эти земли графине Авроре де Геер (1753—1806), построившей здесь два флигеля. Аврора редко бывала в Росендале, а потому очень скоро также предпочла продать замок. Сменив ещё несколько владельцев, Росендаль оказался в руках Карла Юхана, тогда ещё кронпринца. Он отреставрировал основное помещение и построил неподалёку двухэтажный домик, известный сегодня как Флигель королевы, в котором, по задумке, его высочество мог останавливаться в ожидании завершения работ над основным дворцом.

Уже в 1826 г., через 3 года после начала строительства, Карл Юхан мог переехать в новый дом, хотя верхний этаж ещё не был

Росендаль

завершён до конца. Короля это не смущало: Росендаль изначально рассматривался как летняя резиденция — или скорее просто красивая веранда, куда семейство выезжало в тёплую погоду, дабы отдохнуть от шумной столичной жизни и поужинать в красивой обстановке. Во дворце даже не было спален — они появились только при Оскаре I (1799—1859), хотя замок по-прежнему воспринимали как место для проведения банкетов да отдыха после конных прогулок по Звериному острову.

Как Карл Юхан, так и его сын Оскар уделяли немало времени интерьеру и окружающей замок природе. Карл Юхан украсил новую резиденцию дорогой мебелью и изысканными коврами, заложил английский парк. Однако, подчёркивая своё французское происхождение, монарх не забывал и о новой родине — так, одна из комнат сделана из шведской берёзы (что, надо сказать, значительно сэкономило расходы короля на строительство).

Сыну Карла Юхана Росендаль обязан своей оранжереей и роскошной липой, посаженной самим Оскаром в 1851 г. в связи с рождением внучки Луизы. При Оскаре в одной из комнат появился подаренный русским императором стол из уральского малахита и позолоченного дерева.

Одной из интереснейших достопримечательностей дворца считается Королевская библиотека, где представлена вся коллекция Карла Юхана, привезённая им из Франции. Помимо родных французских книг на полках можно найти книги на немецком и английском языках, и это неспроста. В Германии бывший наполеоновский маршал долгое время служил губернатором, а, когда ему предложили стать наследником шведского престола, он раздумывал над другим предложением: поехать в качестве посла в Америку. Кстати, по-шведски Карл Юхан говорил довольно плохо, что совсем не мешало ему быть королём, поскольку все придворные в то время прекрасно владели «красивейшим языком мира» — французским. Утверждают, что только приезд 11-летнего сына Карла Юхана, Оскара, помог королю научиться сносно изъясняться на новом языке: мальчик без труда выучил шведский и затем, когда требовалось, помогал отцу.

В Росендале была сделана первая в Швеции репортажная фотография. Случилось это летом 1905 г., когда Норвегия разорвала унию со Швецией и стокгольмцы направились в резиденцию короля, чтобы приветствовать теперь уже своего личного правителя Оскара II (1829—1907). Когда толпа собралась на дворцовой площади, престарелый монарх вышел на лестницу — этот момент и был запечатлён на снимке.

Следуя правилам политкорректности и желая показать своё хорошее отношение к Норвегии в период личной унии двух королевств, Бернадоты украсили одну из комнат Росендала пейзажами Швеции и Норвегии. Среди полотен оказалось и два изображения Исландии.

В 1907 г. было принято решение о том, чтобы превратить Росендаль в музей, посвящённый основателю династии Бернадотов. Потомки Карла Юхана перевезли из Королевского дворца в летнюю резиденцию его спальню, провели небольшую реставрацию, и в 1913 г. музей открыл свои двери для первых посетителей.

К тому времени дворец мог похвастаться не только своим убранством, английским парком и оранжереей, но и великолепным садом, обязанным своим появлением супруге Оскара I, королеве Жозефине (1807—1876). Если сам Оскар, основывая оранжерею, преследовал лишь одну цель — позволить придворным прогуливаться среди экзотических растений (что было ужасно модно в те време-

на!), то его жена следила за развитием садоводства в целом.

Она подписала контракт с садоводческим обществом Швеции, и при Росендале открылась своего рода школа, где садовникам рассказывали о последних событиях в мире садового искусства. Чтобы сделать преподавание более наглядным, у дворца развели сады, привезя на место едва пригодной для растительности глины плодородный чернозём. Сад окружили трёхкилометровой изгородью из кустов боярышника, шиповника, диких яблонь, лиственниц, ив и акаций.

Оскар I

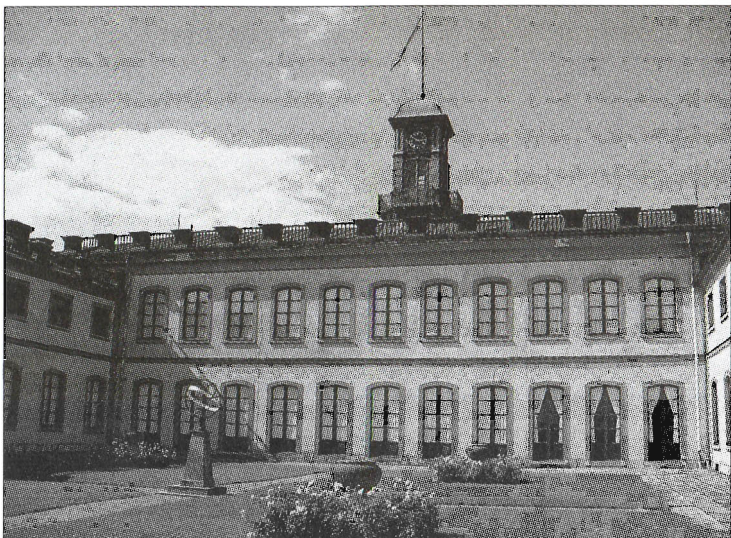
В самом саду в 1878 г. насчитывалось 23 000 растений в горшках, 235 000 посадок разных возрастов и 400 фруктовых деревьев (сегодня их только 100). Ежегодно тысячи облагоустроенных фруктовых деревьев посылали в разные уголки Швеции — так страну обучали культуре садоводства.

В нынешнем Росендале существует также появившийся в 1987—1988 гг. розарий, представляющий широкий выбор морозостойчивых сортов, и виноградник, который может похвастаться как минимум 200 видами винограда.

Тульгарн

На заре своей истории, в XV в., Тульгарн представлял собой деревеньку с шестью подворьями, три из которых в 1490-х гг. объединил Нильс Эрикссон Гилленшерн (1457—1495), создав тем самым поместье, обслуживаемое оставшимися тремя подворьями.

Дочь Нильса Гилленшерны и одновременно вдова Стена Стуремладшего Кристина Нильсдоттер (1494—1559) желала стать полноправной хозяйкой Тульгарна, но тут вмешалась её мать — Сигрид Эскильдсдоттер, завещавшая дом своему внуку от первого брака Густаву Васе. Кристине пришлось не по нраву распоряжение

Тульгарн

матери, и она решила во что бы то ни стало вернуть принадлежавшее некогда её роду имущество.

Борьба за наследство заняла 26 лет, но она стоила затраченных усилий: в 1553 г. Кристина вышла из неё победительницей и владелицей замка.

На этом наследственные невзгоды не закончились. Сын Кристины Сванте Стенссон Стуре (1517—1567), получивший Тульгарн после смерти матери, был обезглавлен в 1567 г., и его имение перешло к королю Эрику XIV. Но уже через год новый монарх, Юхан III, возвращает замок вдове Сванте Стуре Мэрте Эриксдоттер Лейонхвуд (1520—1584), которая за крутой нрав и недюжий управленческий талант получила прозвище Король Мэрта.

После её смерти в 1584 г. Тульгарн достался её сыну, Карлу Свантессону Стуре (1555—1598), который, по всей вероятности, был первым, кто решился поселиться здесь, а потому тут был возведён первый настоящий замок. Спустя 500 лет он представлял собой трёхэтажное здание с двумя круглыми и одной четырёхугольной башнями. От основного здания отходили два флигеля, присоединявшиеся ещё к одному строению, что создавало солидный вну-

тренин дворик замка. Напоминанием о том времени служит сохранившийся камень с гербом и инициалами Карла.

После Карла Тульгарн начал переходить к разным родам, среди которых были Стуре, Лейонхувуд, Браге и Делагарди, ставший последним частным владельцем старого замка. На сей раз речь идёт о Магнусе Юлиусе Делагарди (1669—1741), внуке знаменитого Якоба. Тульгарн достался Магнусу от отца, однако лакомым куском такое наследство едва ли можно было назвать: замок был сильно устаревшим и в отвратительном состоянии.

Тогда-то и было принято решение построить что-то новое, и в 1719 г. прежний ренессансный замок исчезает с лица земли, чтобы через 6 лет дать жизнь новому — тому, что видят туристы сегодня. Теперь подход к воде уже не преграждался внутренним двориком; сам же дворец выделяется отделкой в стиле неоклассицизма, появившейся во второй половине XVIII в., при младшем брате Густава III Фредрике Адольфе.

Когда Магнус Юлиус скончался, замок перешёл к его вдове, которая, однако, практически сразу уехала во Францию, отдав имение сыну Ульрику Густаву Делагарди (1727—1809). Именно с его появлением Тульгарн перестал быть дворянским гнездом — Ульрик Густав был вынужден продать замок в 1772 г. в связи с материальными трудностями.

В том же году Тульгарн был передан государству: дело в том, что в середине XVIII в. риксдаг принял решение о том, что принцы, не имевшие жилья в Стокгольме, должны были получить замок где-нибудь за его пределами. Принц Карл, например, получил в пользование замок Русерсберг в 1762 г., а в 1772 г. для его младшего брата, принца Фредрика Адольфа, был приобретён Тульгарн. Принц настолько полюбил свою резиденцию, что покидал её крайне редко и весьма неохотно — заставить его уехать оттуда могли лишь вынужденные поездки для лечения его больных суставов.

Следующим человеком, столь трепетно относившимся к замку, был король Швеции Густав V (1858—1950), который в своих заграничных поездках представлялся исключительно как граф Тульгарнский. Тульгарн служил для него летней резиденцией, и многое из внутреннего убранства появилось именно во времена Густава V. Сюда же 28 июня 1909 г. приезжал последний русский царь Николай II (1868—1918) с семьёй.

Тулльгарнский парк

Как и положено королевскому дворцу, Тулльгарн окружён застроенным в начале XX в. огромным английским парком с каналами, островками и мостами под кронами деревьев; неподалёку расположена оранжерея Оскара I. Тут же находятся так называемые биологические пруды, лестничная система которых служит канализационной очистной установкой для всего замка.

ДВОРЯНСКИЕ ГНЁЗДА

До сих пор речь шла в основном о королевских дворцах, однако очевидно, что замкостроителями были не только монархи, но и дворяне. Даже описанные выше замки в разные периоды своей истории принадлежали тем или иным знатным родам, да и покупались они зачастую представителями одних и тех же семейств. Говоря о так называемых «дворянских гнёздах», сразу нужно отметить, что авторы книги выбрали довольно шаткую платформу: с одной стороны, дворянские семьи зачастую приходились роднёй друг другу, умело организовывая свадьбы своих детей.

С другой стороны, редкий замок оставался в руках одного владельца с момента основания, а передача или перекупка земли осуществлялась опять-таки лишь в ограниченном круге «старых знакомых». Так кого же назвать истинным хозяином замка — того, кто его строил, или того, кто провёл в нём «ремонт»? И что делать в случае, если первую половину своей жизни замок принадлежал одному семейству, а вторую — другому? Кого можно по праву считать его владельцем?

Тролле, Пипер, Браге, Бьелке, Спарре, Оксеншерна, Гилленшерна, Врангель, Делагарди — вот лишь некоторые имена, с которыми напрямую связана история возведения шведских замков. Именно благодаря этим обеспеченным гражданам сегодня нам известны такие шедевры, как, например, Скукlostер, Лэккё и Экенэс — но кем были все эти высокопоставленные лица, подарившие нам это несметное количество музеев, конференц-отелей и банкетных залов? Подробно мы остановимся лишь на трёх родах, карьеры и жизни представителей которых были столь захватывающи, что не упоминуть о них было бы просто несправедливо.

ВЛАДЕНИЯ БУ ЮНССОНА ГРИПА

В тяжёлые годы войн раннего Средневековья земля переходила не только из рук датчан в руки шведов и наоборот, но и усиленно делилась между высокопоставленными господами шведского королевства. Прежде шведы не раз укоряли в жадности немцев, буквально наводнивших некоторые шведские города и незаметно превратившие их чуть ли не в провинции Германии/Ганзы. Теперь настала очередь шведов показать притязания на родные просторы.

Самым жадным из всех оказался Бу Юнссон Грип (ок. 1330—1386), вошедший в историю как крупнейший землевладелец некогда королевского происхождения — к концу жизни его владения включали почти $\frac{2}{3}$ территории Швеции и всю Финляндию. Ему принадлежало более полутора тысяч усадеб и дюжина замков: в финских городах Турку, Хямеэнлинна и Выборг, шведские Кальмар, Стегеборг и Нючёпинг, а также возведённые собственноручно замки Бьеркахольм (Björkholm), Рингстахольм (Ringstholm) и жемчужина его владений — Грипсхольм, откуда Грип управлял Финляндией и несколькими шведскими провинциями, включая регион

озера Меларен и всю северную часть страны. Без преувеличения можно сказать, что так или иначе от Бу Юнссона зависело практически всё население Швеции.

Как же удалось одному человеку, не являвшемуся королём, сосредоточить в своих руках такие несметные богатства? Тому есть несколько объяснений.

Прежде всего, Бу Юнссону несказанно повезло с семьёй: отцом его был рыцарь Юн Тумассон Грип, а матерью — Ингеборга, знатная дева рода Натт-о-Даг. Положение родителей изначально предопределило развитие карьеры мальчика: в 1359 г. он был назначен членом риксрода, в 1364 г. — фогтом Стокгольма, в 1366 г. — лагманом одной из шведских провинций (надо сказать, за свою относительно недолгую жизнь Бу Юнссон Грип успел побывать чуть ли не на всех возможных должностях).

В то время королём Швеции был внук знаменитого Магнуса Ладулоса (ок. 1240—1290) Магнус Эрикссон (1316—1374), вошедший в историю как автор многих шведских законов и беспринципный тиран. Первоначально Грип был в неплохих отношениях с монархом, охотно одалживая тому деньги, — не в силах вернуть долг, Магнус нередко отдавал Бу Юнссону королевские земли и имения.

Однако со временем Грипа перестала устраивать политика короля: растущие налоги и снижение влияния дворянского сословия убедили вельможу возглавить восстание и совершить государственный переворот, посадив на трон Альбректа Мекленбургского (1338/1340—1412).

Альбрект, естественно, не мог не плениться могуществом и богатством Юнссона. Земля означала власть, и находившиеся в руках Грипа земли — пусть даже и выданные в качестве залога — прельщали будущего короля. Понимал это и сам Грип, поэтому он незамедлительно составил завещание, в котором скрупулёзно отделил наследственные владения (которых, в общем-то, было не так уж много) от некогда королевских.

Столь странный, на первый взгляд, шаг историкки склонны рассматривать как попытку создать мощную базу, препятствующую воз-

можным притязаниям Мекленбургской династии на шведский трон. В завещании Грип назвал десять распорядителей (скорее всего, тех, кто финансово помогал ему приобретать шведские лены), которые после его смерти должны были стать управляющими в его монарших владениях.

Среди избранных оказались 5 рыцарей, 3 оруженосца и 2 епископа. Вообще для церквей и монастырей предусматривались щедрые дары — особенно для монастыря Вадстена, в котором вельможа просил захоронить себя. Своим завещанием Юнссон предпринял попытку укрепить позиции шведских вельмож и снизить влияние немцев, с которыми у него, несмотря ни на что, порой возникали небольшие конфликты — однажды он даже в одиночку объявил войну ганзейскому городу Данцигу. Правда, вовремя вмешались любекские купцы, сумевшие уговорить горожан пойти на примирение. Вывод один: заняв на несколько десятилетий доминирующие позиции в политической жизни Швеции, Бу Юнссон Грип стал фактически правителем этой страны.

Альбрехт Мекленбургский

Но не только знатное происхождение и врождённая хитрость да умение вести дела (нередко предполагавшее угрозы, вымогательства и поспешное к продаже земель за бесценок и в короткие сроки) помогли Бу Юнссону нажить своё состояние. Хорошо продуманные брачные альянсы также прибавили ему земель — хотя, как считают сегодня многие историки, Грип преследовал не столько личные, сколько государственные цели. Он не просто стремился расширить собственные территории — им руководили исключительно политические интересы: желание вернуть Швецию шведам.

Так или иначе, Бу Юнссон, нередко описываемый как маленький, кривой, уродливый горбун (что в принципе частично подтверждает сохранившийся скелет), был женат дважды: его первой пассией стала невероятно богатая Маргарита Порсе (? — 1360), через короткое время скончавшаяся при родах. По слухам, Грип повелел извлечь из тела уже умершей жены неродившегося, но всё же живого ребёнка.

Продемонстрировав его окружающим, он, тем самым, признал за собой право наследовать всё имущество, принадлежавшее покойной. На самом деле во многих знатных семьях прибегали к кесареву сечению после смерти роженицы, дабы спасти дитя, — но следующие поколения, желая представить Бу Юнссона Грипа человеком жадным и жестоким, обернули данный факт против него. К тому же сын Грипа не прожил и суток, что опять же было только на руку злопыхателям.

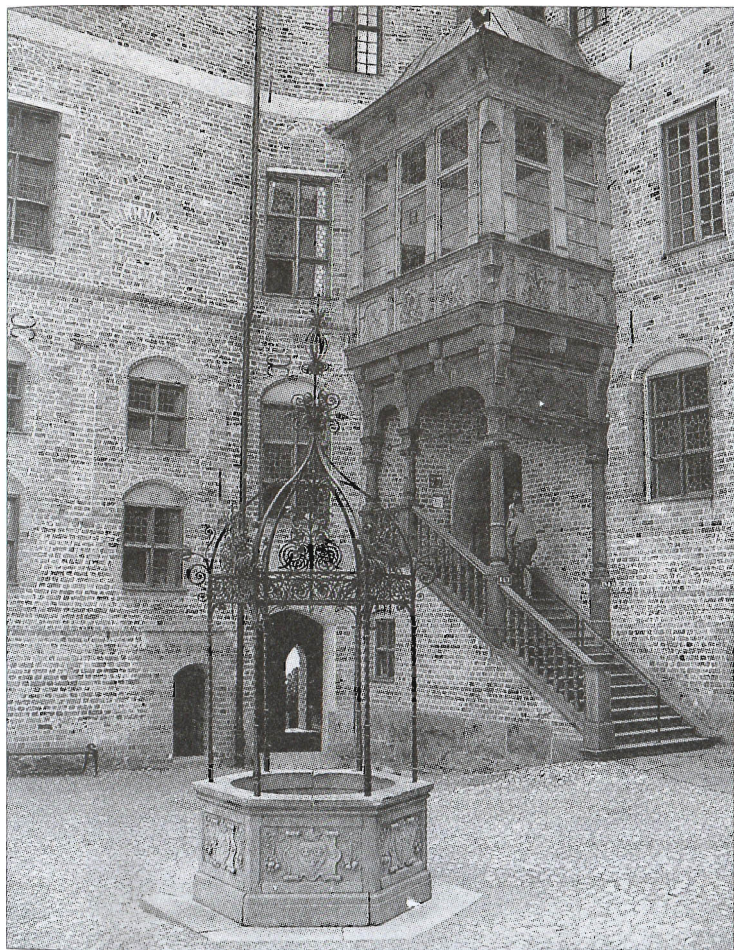
Второй брак был заключён с красавицей-немкой Маргаретой Думе, у которой, как ходила молва, было немало поклонников. Одним из них оказался родственник Грипа, Карл Ферла, который заплатил за свою любовь к очаровательной даме собственной жизнью: он был заколот прямо перед алтарём в Рыцарской церкви Стокгольма.

Правда, у Грипа на момент убийства оказалось алиби — что неудивительно, ведь он занимал высший юридический пост Швеции. Уже через 9 дней Грип был владельцем имения рода Ферла, и о примирении двух семейств даже сохранилось направленное Юнссону прошение.

Грипсхольм — замок ошибок

Жемчужиной богатства и любимым дитя Бу Юнссона Грипа стал построенный им и названный в честь себя же замок Грипсхольм — самый северный из шведских замков Грипа.

Уже издалека взору туриста открываются расположенные на берегу озера Меларен мощные кирпичные башни замка, прячущиеся за занавесом пышной зелени, — или, точнее, того, что от неё осталось. Несколько беспорядочно стоящие деревья — это следы прежних садов и парков, когда-то сменявших друг друга чётко согласно моде. Изначально здесь выращивали цветы, специи и тра-

Замковый двор Грисхольма

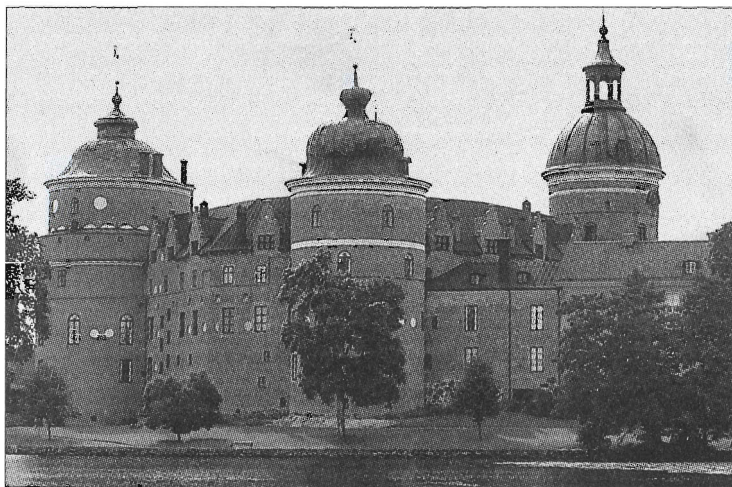
вы, но в 1730 г. на месте огорода решили разбить парк в стиле рококо — правда, полноценной аллеи не получилось: земля в этом районе была признана чересчур топкой и не способной выдержать могучие величественные деревья — и вместо них появились низкорослые деревья. Те немногочисленные липы, что всё ещё стоят здесь, — это то, что осталось от планировавшейся аллеи.

В 1897 г. в Грипсхольм пришли новые веяния: теперь было модно разводить фруктовые сады. Неподалёку посадили 3600 деревьев — на тот момент это была самая крупная плантация Швеции, что пришлось очень кстати: во время Второй мировой войны сад ежегодно приносил от 80 до 100 тонн яблок. Так продолжалось до 1970 г., когда был собран последний урожай: затем выращивание фруктов посчитали делом невыгодным, и сад потихоньку начал приходить в упадок. Сегодня Грипсхольм может похвастаться лишь 250 яблонями, чьи плоды идут на производство яблочного сока и сидра, продающегося тут же, в замке.

История Грипсхольма начинается в 1380 г. — именно тогда он был основан крупнейшим землевладельцем за всю историю Скандинавии Бу Юнссоном Грипом, купившим эти угодья годом раньше. Место было выбрано неслучайно: близость Стокгольма автоматически превращала эту территорию в стратегически и политически важный объект. Новое приобретение Юнссон окрестил Островом грифа — голова именно этой птицы была изображена на гербе знатного вельможи. Постепенно Грип построил здесь крепость, а позднее и небольшую часовню.

Правда, радоваться очередному владению Грипу пришлось недолго: в 1386 г. Юнссон скончался на пике своего могущества, и в

Грипсхольм

начале XV в. королева Маргарета объявила эти земли коронными, превратив их в резиденцию фогтов. Очередной фогт, Хартвиг Флэг, прозванный тираном провинции Сёдерманланд, испугавшись народных волнений, бежал, спалив замок дотла в 1434 г.

В 1472 г. имение приобрёл регент Швеции Стен Стуре-старший (ок. 1440—1503), с большой помпой передавший его в 1498 г. картезианскому монастырю, им же и основанному.

Этот монастырь был последним появившимся в Швеции — и, как ни странно, первым закрытым в 1525 г., когда Густав Васа объявил его с прилежащей землёй своей собственностью. Стен Стуре к тому времени успел полностью восстановить замок и к тому же значительно укрепить его.

Густав Васа посещал Грипсхольм несколько раз и в 1537 г. начал возводить здесь новый замок. Завершение строительства праздновали в 1544 г., хотя на тот момент существовала лишь небольшая часть новостройки — окончательно он был готов только к концу XVI в.

В 1572 г. замок перешёл во владение герцога Карла (1550—1611), превратившего Грипсхольм в место содержания государственных преступников: считается, что с 1607—1610 гг. здесь побывало минимум 35 человек. Вообще за свою историю Грипсхольм повидал немало лиц голубых кровей, пребывавших в заточении в Тюремной башне: тут находились шведские монархи Юхан III, Эрик XIV (у обоих в этом замке родилось двое детей) и Густав IV Адольф. Последний, кстати, в 1809 г. подписал в Грипсхольме своё отречение от престола.

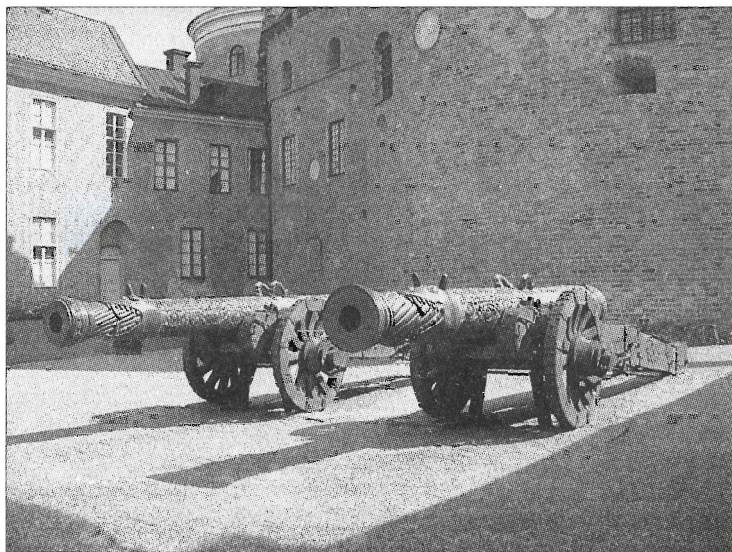
Помимо тюрьмы Грипсхольм неоднократно служил резиденцией вдовствующих королей, которых изгоняли из Стокгольма, дабы те не вмешивались в политику государства. Самой известной стала вдова Карла X Густава Хедвиг Элеонора (1636—1715), переехавшая сюда в 1660 г. и тут же распорядившаяся построить здесь трёхэтажный флигель (который позже был дополнен ещё тремя этажами), да и просто модернизировать своё новое жилище. Эти изменения не были по праву оценены в конце XIX в., когда было решено придать замку тот вид, что был у него до вмешательства Хедвиги, — только

так он мог быть назван «национальным достоянием Швеции». Комнаты отделали в стилях, отражающих различные эпохи; вокруг замка снова вырыли ров.

Реставрация Грипсхольма вызвала жаркие дебаты. Многие утверждали, что подобные новшества являются некой фальсификацией истории, — вместо того чтобы демонстрировать исторические изменения, архитекторы подменяли их лжепредставлениями о том, как выглядели замки в Средние века. Возможно, такая активная критика привела к тому, что лишь часть проекта была осуществлена: реставраторы отказались от ряда запланированных ранее изменений, хотя и не ото всех: окна были уменьшены, в замке появился эркер, во внутреннем дворе уничтожили покраску под кирпич, заменив её декором в стиле ренессанс.

И всё же основное наследие Средних веков было спасено: сегодня туриста встречают выделяющиеся на фоне зелени не слишком характерным для шведских замков красным кирпичным покрытием четыре башни: Грипа, Васы, Театральная и Тюремная. Башня Грипа, или Грипстурнет, изначально имела только оборо-

Грипсхольмские пушки

нительные функции, и на каждом из её пяти этажей с отвесными переходами для транспортировки пушечных ядер находились пушки.

Кстати, охранявшие когда-то замок орудия стоят здесь и по сей день. Два из них, во внутреннем дворе, являются трофеями шведов в неудачных для Петра I битвах при Нарве и Иваногороде. Отлитые в конце XVI в. Андреем Чоховым, автором знаменитой Царь-пушки, эти орудия изначально носили звучные имена — «Волки», — однако шведы быстро окрестили их Боровом и Свиноматкой. Как гласит легенда, шведы так устали волочить их по грязи домой в Швецию, что, разозлившись, дали им подходящие пороссячьи клички.

Другая башня — башня Васы (Васатурнет) — предназначалась прежде всего для проживания королевской семьи. Любовь монархов к просторным помещениям видна повсюду: на каждом этаже здесь расположена только одна комната! Покои самого герцога Карла дошли до наших дней в практически неизменном виде.

Наконец, — Театральная, или, как её ещё называли, Церковная башня, служила и для обороны, и для жилья, и даже как придворная церковь Карла IX (1550—1611). Эта башня — самая большая в Грипсхольме. Театральной её прозвали неспроста: замок любил посещать Густав III (1746—1792) — один из немногих королей, по-настоящему оценивший притягательность Грипсхольма и приезжавший сюда каждое Рождество со всем двором и даже театральной труппой.

Будучи не в силах прожить без любимого времяпрепровождения — театра, — Густав в 1792 г. создал в одной из ренессансных башен театр, который используется и по сей день, — правда, только раз в год. В интерьере ничего не изменено: кулисы, оборудование для смены декораций, да и сами декорации — всё это превращает грипсхольмский театр в наилучшим образом сохранившийся театр Европы XVIII столетия.

Но самое сильное впечатление, пожалуй, производит работа архитекторов, спроектировавших сцену таким образом, что попадающее на неё естественное освещение создаёт полную иллюзию сооружённых на ней греческих колонн, относящих зрителя к самым истокам театра.

ВЛАДЕНИЯ ДЕЛАГАРДИ

Знаменитый род французского происхождения Делагарди подарил Швеции такое множество военных и государственных деятелей, что было бы несправедливо не наградить их замками и не отвести им место в этой книге. Самыми выдающимися представителями рода были, пожалуй, герой войн Якоб (1583—1652) и его сын Магнус (1622—1686).

В перерывах между войнами и в свободное от государственной деятельности время отец и сын Делагарди занимались тем, что создавали свою маленькую империю из пышных дворцов и дорогостоящих замков. Какие-то из них они покупали, какие-то получали в знак благодарности от его/её величества, какие-то строили сами. Немногие замки сохранились до наших дней: самой большой потерей считается, пожалуй, основанный Якобом Делагарди дворец Макалёс.

Дворец Макалёс — «Бесподобный» — полностью оправдывал своё название: это было пятиэтажное здание из кирпича и камня напротив Королевского дворца в Стокгольме, с ведущей к воде лестницей и

Станция стокгольмского метро

медной крышей, увенчанной четырьмя башнями. Вход был богато украшен каменными пушиками; фасад изобиловал барельефами, скульптурами, маскаронами, картушами, причудливо оформленными рамами окон. Жилые помещения размещались на первом этаже, над ним находился зал для званных обедов, на третьем этаже проводили балы, на четвёртом и пятом располагались складские помещения и оружейная.

Внутреннее убранство дворца также захватывало дух: повсюду были дорогие гобелены и стенные и потолочные росписи; на стенах размещались портреты европейских монархов и князей того времени, а также полководцев, с которыми Якобу приходилось воевать за свою долгую карьеру. Как и многие другие дворцы и замки Швеции и Финляндии, Макалёс перешёл со временем к сыну Магнусу Габриэлю, который, не сумев удержаться при дворе, лишился практически всего нажитого состояния, превратившегося в коронные владения.

Монархи не слишком заботились о новом дворце: сначала он служил складом пшеницы, потом более ста лет военным арсеналом. Густав III увидел в здании подходящее место для театра, и в 1793 г. бывший дворец распахнул свои двери для первых зрителей, маня их популярнейшими постановками того времени и современнейшим оборудованием для смены декораций. 24 ноября 1826 г. во время одного из представлений в театре вспыхнул пожар; никто из зрителей не пострадал, но здание было полностью уничтожено. Большинство уцелевших скульптур были развезены по частным домам и музеям, несколько составили экспозицию станции стокгольмского метро Kungsträdgården.

Равного дворцу Макалёс не было во всей Швеции — подобное Бесподобному надо было искать среди лучших дворцов Италии. Семья, правда, скромно называла своё жилище Большим домом. Сюда после смерти Якоба Делагарди переехала его вдова Эбба Браге (1596—1674), хотя для неё было приготовлено другое место — построенный специально для неё замок, известный сегодня как Ульриксдалъ.

Якоб Делагарди

Якоб Делагарди, рождённый в Эстляндии, стал самым молодым фельдмаршалом Швеции, заняв этот пост в возрасте 26 лет, и прославился благодаря походам в Ингерманландию в 1609—1611 гг. Тогда он возглавлял вспомогательный отряд, отправленный шведским монархом Карлом IX на помощь Василию Шуйскому против польских интервентов. 12 марта 1610 г. шведы под командованием Якоба вошли в Москву, разбив поляков у Твери, однако в июле того же года фельдмаршал потерпел поражение в битве при Клушине и был вынужден отступить.

Шведское войско, включавшее также наёмников из Шотландии и Франции, начало выказывать недовольство по поводу невыплаченного жалования; некоторые даже перешли на сторону противника. Обещания Шуйского лишь ещё больше разозлили наёмников; им спешно стали раздавать деньги. Начать всё-таки решили со шведов; до англичан же и французов очередь так не дошла, и те, возмущённые сложившейся ситуацией, бросились грабить русские повозки.

Магнус Габриэль Делагарди

В конце концов Делагарди заключил соглашение с гетманом поляков Станиславом Жолкевским о праве свободного прохода через неприятельский стан, дабы шведские солдаты могли вернуться домой. Видя уход шведов, русские бежали, причём среди первых покинувших место сражения был сам Шуйский. В 1617 г. Якоб Делагарди прибыл в Столбово для проведения предварительных переговоров о заключении между

Россией и Швецией мира, увенчавшего Русско-шведскую войну 1613—1617 гг.

И вот на сцене появляется сын Якоба, Магнус Габриэль Делагарди — одарённый молодой человек, получивший образование в Голландии и Франции. За всю историю Швеции никто кроме него не смог достичь таких высот, не прикладывая для этого практически никаких усилий.

В 23 года он едет в качестве посла в Париж — это было самое дорогое посольство за всю историю Швеции, обошедшееся стране в 175 000 риксдалеров.

В 24 года он уже член Государственного совета (риксрода), затем — генерал, получивший после войны с Германией компенсацию в 45 000 риксдалеров.

В 1649 г. он становится фельдмаршалом и генерал-губернатором Лифляндии, затем — придворным маршалом и спустя государственным маршалом. Каждая новая должность приносит ему не только деньги, но и земли: к примеру, после поездки на переговоры в Любек он получает остров в Германии, 2 местечка в Мекленбурге, поместье в Веймаре и крепость в Эльзасе.

В общей сложности Магнусу принадлежало более тысячи имений — к 30 годам он был самым богатым и могущественным человеком Швеции. Где его можно было отыскать? В роскошном дворце Макалёс напротив королевского замка Тре Крунур. Или же в Дроттнингхольме, Карлберге, Якобсдале (известном сегодня как Ульриксдаль), Веннгарне, Экольсунде или Экхольмене. А если и там его нет, то можно поехать в Фрёви, Хинсеберг, Чегলেখольм (Kegleholm), Лэккё, Транеберг, Маридааль, Каттринеберг, Хёйенторп (Höjentorp), Синнербю, Слэдене, Магнусберг, Рода или Йонслунда. На худой конец можно попробовать один из 30 дворцов в Финляндии, Германии и Балтике.

Но так же легко, как Магнус сумел взобраться по карьерной лестнице, он в одночасье потерял благосклонность монарших особ: из зависти и ревности к своим потенциальным конкурентам Делагарди оговаривает новых любимцев королевы. Его обвиняют в клевете и отстраняют от двора, отобрав при этом все его замки, кроме Веннгарна, где Магнус остаётся вплоть до своей смерти.

Отец и сын Делагарди остались в истории Швеции не только как замкостроители. О Якобе, например, говорили, что его любимейшим развлечением было переодеваться в женские наряды — правда, достоверных свидетельств такому своеобразному увлечению не нашлось. А вот Делагарди-младший, представлявший всем незаслуженно вознесённым юнцом, в 1669 г. передал в дар Упсальскому университету свою коллекцию рукописей, включавшую «Младшую Эдду» и «Серебряный кодекс» — перевод первого епископа гот Вульфилы (IV в.) Евангелия на готский язык.

Веннгарн

Корни единственного не отобранного у Магнуса Делагарди владения — замка Веннгарн — довольно древние, ведь первые сведения о нём относятся к XII столетию. Замок сменил немало владельцев, прежде чем в 1555 г. очутился в руках хитроумного Густава Васы, объявившего незаконным прежний порядок наследования и указавшего на свою бабушку как истинную полноправную владелицу Веннгарна.

В руках Магнуса Габриэля Делагарди замок оказался в 1653 г., когда тот выкупил новое владение у Франца Берендта фон Турна, который, в свою очередь, получил его от самого Густава II Адольфа. Как и многим другим поместьям, Веннгарну предстояло пережить период наивысшего расцвета именно при Делагарди, который как раз в то время был риксканцлером и главой регентского правления Карла XI и, соответственно, самым могущественным человеком Швеции. Владея более чем тысячей угодий, он мог себе позволить службу в сотни человек — однако всему этому приходит конец, когда юный Карл достигает совершеннолетия и проводит редукцию земель.

Несколько столетий Веннгарн считался коронным владением и сдавался различным дворянским семьям, пока в 1916 г. здесь не утвердили государственную лечебницу для больных алкоголизмом, которую в 1983 г. сменил благотворительный фонд. С весны 2007 г. замок выставлен на продажу.

Но вернёмся к Магнусу Делагарди. Различного рода перестройки здания, совершённые до его появления, были, в общем-то, незначи-

тельны, и первое, что предстояло сделать Магнусу, — это провести обширную реставрацию. С этой целью он обратился к одному из самых выдающихся архитекторов своего времени — Жану де ла Валле, который в мгновение ока предоставил чертежи по превращению замка в современное помпезное строение. По каким-то причинам архитектору не терпелось поскорее закончить работу, и в помощь ему были призваны иностранные мастера, трудившиеся над внутренней отделкой. За семь лет замок превратился в роскошный дворец, изобилующий библейскими цитатами и духовными мотивами.

Особенно красива часовня — никем не тронутая с 1686 г. и потому являющаяся сегодня одной из прекрасно сохранившихся часовен времён шведского Великодержавия. Её отличительная черта, сразу бросающаяся в глаза, — это невероятное количество аллегорической росписи с очень тщательно продуманной символикой, присутствующей даже на церковной кафедре и алтаре. Глубоко верующий Магнус Делагарди, чуть ли не в каждом письме выразивший озабоченность тем презренным, полным зла и боли земным миром, в котором он был вынужден жить, пожелал отразить в росписи своей часовни утешение и надежду. Утешение риксканцлер находил в тихих и долгих беседах с богом и в молитвах. Видимо, именно поэтому кафедра расположена таким образом, что читавший проповеди священник неизбежно находился лицом к чете Делагарди, которая, к слову сказать, попадала в часовню прямиком с этажа, где располагались её покои.

Часовня рассчитана на 100 человек, а её интерьер считается сегодня красивейшим в стиле барокко в Швеции: например, кафедра украшена гербами рода Делагарди и Пфальцской династии. Орган изначально предполагали возить вместе с армией, поэтому его сделали переносным. Ложы священнослужителей и представителей дворянского сословия находятся в каких-то десяти сантиметрах друг от друга — и всё же их предпочли не соединять, дабышний раз подчеркнуть ранговые различия.

Ещё одно помещение, впечатляющее росписью не меньше, чем часовня, — это так называемый зал Диса с роскошным видом на

огромный дворцовый парк. Покои получили своё название благодаря находившимся здесь ранее, а теперь переехавшим в Национальный музей Швеции восьми картинам, служащим иллюстрациями к довольно известной в стране саге о Дисе. Сага была написана в честь шведской королевы Кристины, и цитаты из неё на латыни и шведском языке, выбитые на деревянных табличках, и по сей день украшают стены замка.

Прекрасную часовню и роскошный зал Дисы в Веннгарне можно без преувеличения назвать подготовкой к тому, что стало венцом творения династии Делагарди — их величественного замка Лэккё.

Лэккё: от резиденции епископа до графских угодий

Замок Лэккё, со своими 248 комнатами признанный в 2001 г. самым красивым замком Швеции, привлекает своей 700-летней историей, удивительными барокскими залами, выставками, оперой — в общем, всем, чего только может пожелать душа привередливого туриста. Строго говоря, Лэккё нельзя назвать истинным дворянским гнездом, поскольку в руки Делагарди он попал только в 1615 г., а уже в 1681 г. был конфискован в пользу короны.

Однако в долгой истории Лэккё именно фельдмаршал и риксканслер Магнус Габриэль Делагарди оставил самый заметный след и придал замку тот вид, что он имеет сегодня, — как снаружи, так и внутри. Именно благодаря тому, что после Магнуса Габриэля замок мало кого интересовал по-настоящему, здесь, как, пожалуй, ни в каком другом месте, сохранился истинный дух и характер шведского Средневековья. Отсюда когда-то можно было увидеть два мощных борга — сооружённые в XIII—XIV вв. Ярлехус (Jarlehus) и Далаборг (Dalaborg), от которых сегодня остался только каменный фундамент.

История Лэккё началась, скорее всего, в 1099 г., когда норвежский король Магнус III Голоногий (1073—1103) повелел заложить на гористом мысе Колландсё (Källandsö) озера Венерн крепость. В период Средневековья это озеро имело большое значение для всей Скандинавии, служа границей между Норвегией и Данией и являясь важным путём сообщения между ними. Обитавшие поблизости шведы — тогда ещё племена вестгётов — также начинали расширять свои границы, однако Магнус считал, что на все земли к

западу от озера вплоть до провинции Вермланд имел право только он, поскольку именно норвежцам эти края принадлежали с незапамятных времён.

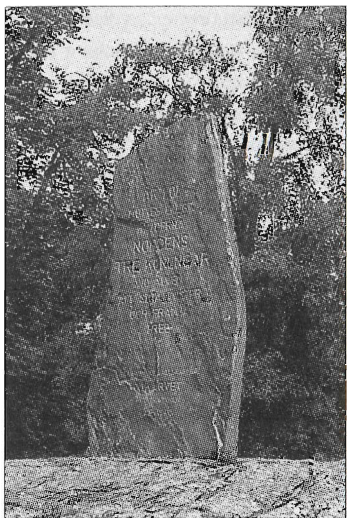
Новая крепость Магнуса Голоногого должна была стать настолько труднодоступной, насколько это было возможно. Дабы враг и вовсе оставил мысль о нападении, через мыс был вырыт ров. Такая изоляция в дальнейшем не раз приходилась ко двору — превратившись в резиденцию епископов, крепость неоднократно служила убежищем тем служителям Христа, чьей жизни что-то угрожало: до мыса легко было добраться на лодке, но не по суше.

Тщательно проследив за успешной постройкой крепости и оставив в ней 300 верных викингов, Магнус Голоногий удалился в свою резиденцию Викиен. Правитель вестгётов Инге Стенкильссон, к всеобщему удивлению, не торопился захватить новый борг — его войско появилось здесь, лишь когда весь мыс покрылся толстым слоем льда. Правда, Инге хорошо подготовился к штурму крепости, и отважным викингам не оставалось ничего другого, как капитулировать. Так Лэккё оказался в руках шведов.

Магнус III Голоногий (иногда называемый также Босоногий) был тем правителем, что всеми силами пытался возродить агрессивную экспансию викингов, призванную создать норвежскую империю в Ирландском море и северной части Британских островов.

Свои первые набеги Магнус начал совершать на соседние королевства — Данию и Швецию, однако на встрече трёх королей в 1099 г. было решено, что между странами будут сохранены ранее закреплённые границы. Залогом мира стала дочь шведского короля, отданная замуж за норвежского конунга. Теперь его целью стали шотландские и ирландские земли. После первого похода «Магнусу конунгу должны были принадлежать все острова, которые лежат к западу от Шотландии, если между ними и материком можно пройти на корабле с подвешенным рулём... Его люди прошли по всем шотландским фьордам и проливам между островами, населёнными и ненаселёнными, и сделали все острова владениями конунга Норвегии». Более того, Магнус III желал быть властителем и полуострова Кинтайр,

Камень, установленный
в память о встрече трех королей

для чего велел протащить себя на ладье через самый узкий его перешийек. Шотландскому королю не оставалось ничего другого, кроме как признать и эту потерю.

Второй кампанией Магнус Голоногий посягал на Ирландию. Захватив Дублин и большую часть Ольстера, король уже собирался вернуться на родину — ему лишь требовалось запастись продовольствием на долгий путь. Выйдя на встречу посланных за провизией людей, Магнус попал в засаду, где был убит вместе с самыми знатными воинами. Его войска, испугавшись, немедленно покинули Ирландию, что явилось началом разрушения созданной империи Британ-

ских островов: после смерти Магнуса от былой державы не осталось и следа. Конунга часто называют последним викингом среди норвежских королей, что отразилось и в данном ему при жизни прозвищем — Магнус-воин.

Следующие сведения о судьбе Лэkkё появляются уже в 1298 г., когда епископ Брюнольф Альготссон (ок. 1248—1317) принял решение возвести новый борг на берегу озера, состоявшийся, по всей вероятности, из двух или трёх простеньких домиков, окружённых стеной. «Крепость» располагалась в стратегически очень удобном месте: в относительной удалённости от границ соседних стран, но посредине крупной епархии Скара, да к тому же в центре древнего паломнического пути в норвежский Нидарос, так что у пилигримов появилась отличная возможность остановиться на ночь в приветливом и уютном местечке.

В 70-х гг. XV в. Лэkkё сильно пострадал от пожара, но был восстановлен епископом Брюнольфом Герлакссоном (? — 1505), чей герб и инициалы (B.G.) до сих пор красуются на двери и камне в

северо-восточном углу внутреннего двора замка. Сегодня никто не может с точностью сказать, как выглядел Лэккё в те времена, однако историки склонны полагать, что это была значительная постройка, в общих чертах напоминающая нынешний замок.

Считается также, что эра Брюнольфа Герлакссона была первым периодом настоящего расцвета Лэккё, длившимся, правда, совсем недолго: сменивший Брюнольфа епископ Винсент Хеннингссон был обезглавлен во время Стокгольмской кровавой бани в 1520 г. Практически сразу Лэккё перестал служить и резиденцией епископов: в 1527 г. в Швеции было утверждено лютеранство, и все католические священники были изгнаны из страны. Проведший реформу церкви Густав Васа, по письменным свидетельствам, дважды приезжал в Лэккё, однако большого интереса к нему не проявлял и вскоре передал его своим приближённым.

Теперь настала эра дворянства: весь XVI в. замок менял владельцев как перчатки, и даже однажды, в 1560-х гг., попал в руки датчанам, попытавшимся сжечь его дотла. План не удался — более того, повреждения оказались столь незначительны, что Лэккё был восстановлен буквально в считанные дни благодаря тому, что в 1571 г. замок оказывается у некоего Хогеншильда Бьелке, который, словно настоящий предприниматель, провёл тщательную опись имущества — а позднее и скрупулёзно записал все расходы и преобразования, коснувшиеся Лэккё. Говорят, в некоторых залах до сих пор сохранилась сделанная при нём роспись. Однако Бьелке видел в Лэккё всё ещё обычную средневековую крепость, а потому не стремился украшать и облагораживать её фасад.

Своеобразный расцвет Лэккё при Бьелке оказался недолгим — Хогеншильда обвинили в государственной измене и, продержав в заключении в замке Гринсхольм пять лет, казнили. К тому моменту дворянин сильно страдал от подагры, так что на место казни в 1605 г. в Стокгольме его вынесли на стуле. Помимо политических интересов главной страстью в его жизни были книги — у него находилась самая крупная в стране коллекция книг и рукописей, среди которых встречались и оригиналы древнейших шведских законов, в том числе и единственный известный на сегодняшний день экземпляр Старого Вестгётского права.

После громкого скандала с владельцем про Лэккё ненадолго забывают, пока на сцене не появляется Якоб Делагарди, заслуживший честь стать владельцем замка благодаря своим военным достижениям. Якоб посветил основное время внутреннему убранству Лэккё, хотя именно при нём у строения появляется третий этаж и помпезные ворота, равно как и известковые барельефы в нишах, на лестнице и в некоторых залах верхнего этажа. Для придания всему краю художественного единообразия подобные скульптуры решили разместить и в нескольких близлежащих церквях — традиция, продолженная затем сыном Якоба.

В 1652 г., после смерти Якоба Делагарди, Лэккё переходит к его 30-летнему сыну Магнусу Габриэлю, принёсшему замку до сих пор не забытое величие. Сначала Магнус Габриэль предложил полностью перестроить замок, сделав его более симметричным, однако позже, посоветовавшись с немецкими строителями Франсом Штимером и Матиасом Холлем, он всё же предпочёл расширять и перестраивать уже существовавшие помещения. Ренессансный замок должен был превратиться в прекраснейший дворец в стиле барокко — и к старой основе был добавлен новый этаж, часовня, допол-

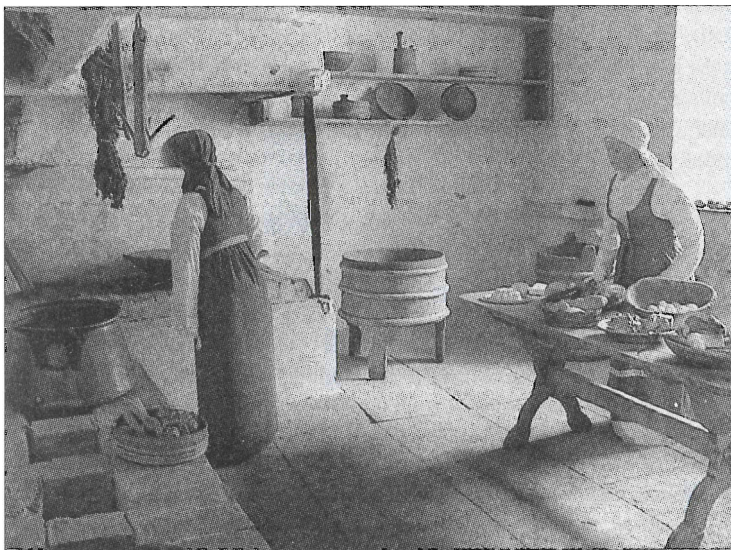
Лэккё

нительные жилые помещения для слуг и, конечно, парк, предусмотренный для медитации и бесед с богом, за которые он так ратовал. Внутри стены и потолки украшаются резьбой и росписью.

Это был второй период расцвета Лэkkё — и этот взлёт оказался также недолгим. В 1681 г. Магнус Габриэль лишился всех своих владений, которые теперь стали сдавать в аренду различным аристократам, не слишком интересовавшимся судьбой замка. Наверное, единственным, кто хоть как-то пытался сохранить Лэkkё, был Карл Густав Тессин (1695—1770), получивший замок в пожизненное пользование и проведший в нём несколько изменений, касающихся в основном интерьера — в частности, несколько красивейших и ценнейших печей XVII в. были заменены простейшими изразцовыми.

В 1810 г. Лэkkё был на 50 лет передан Карлу Иоанну Адлеркрейцу (1757—1815) в благодарность за его участие в русско-шведской войне и победу под финским городом Сиикайоки. Лэkkё долгое время планировали переименовать в Сиикайоки, но, пока шло обсуждение этого вопроса, Адлеркрейц скончался. Ему не было суждено провести 50 лет в шикарной резиденции — он умер

Кухня замка Лэkkё

через пять лет после получения столь щедрого подарка. Правда, во всех официальных документах замок и по сей день продолжают называть Сиикайоки.

Сегодня Лэккё переживает новый расцвет, который, как надеются шведы, не будет столь недолговечным, как прежние периоды взлётов. Для реставрации замка были привлечены лучшие специалисты — они хотели в точности воссоздать ту атмосферу, в которой жил главный владелец Лэккё — Магнус Габриэль Делаярди. Мифологические и батальные сцены вновь украсили потолки и стены; различные музеи пожертвовали заново расцветшему замку тканые обои, холсты, мебель. Здесь открылась сокровищница, в которой, среди прочего, разместили предметы обихода высшего сословия периода шведского Великодержавия, поскольку именно Магнус Габриэль Делаярди ввёл в Швеции моду на богатство и привёз сюда роскошь.

Прежний шик замка смогли подтвердить и местные работники, нашедшие во время реставрации немало топоров, пик, шпор, подков, ножниц и иголок, керамики, дорогих тканей, предметов из драгоценных металлов, дерева и слоновой кости — и всё это осталось со времени проживания здесь Магнуса Габриэля. Венецианское стекло, фаянсовый сервиз самой королевы Кристины, янтарные шкатулки — на сегодняшний день сокровищница замка Лэккё является одной из богатейших коллекций в своём роде, подчёркивая лишний раз, как много шведам удалось сохранить благодаря политике военного нейтралитета.

Однако полностью избежать напоминаний о войнах в замке Лэккё невозможно — всё-таки Делаярди был значимым родом в военной истории страны. К тому же в эпоху Средневековья мало кто обходился без оружия, и умение обращаться с ним было чуть ли не главным в жизни каждого дворянина. Поэтому в те времена основным занятием помимо государственных дел считалась охота, на которой высшие члены общества не столько развлекались, сколько тренировали военные навыки.

Уже в период раннего Средневековья во всех замках и поместьях обязательно отводились отдельные комнаты для демонстрации оружия, снаряжения и трофеев, кото-

рые затем с гордостью показывались посетителям. Поэтому отсутствие Оружейной палаты в Лэккё было бы непростительной ошибкой. Здесь представлено в основном стрелковое оружие, собранное промышленником и дипломатом Акселем Валленбергом (1874—1963). Лэккё стал первым местом, где эту коллекцию смогли увидеть простые люди.

Недавно Лэккё снова оказался в центре внимания — наследная принцесса Швеции Виктория получила в подарок на своё тридцатилетие небольшой кусочек земли замка, где к 2010 г. планируется построить павильон Виктории, в котором будет рассказываться о флоре и фауне региона озера Венерн. Пока же флорой — правда, не совсем шведской — можно насладиться в окружённом стеной замковом саду, где помимо привычных для нас овощей и трав растут миндальные и фиговые деревья.

Крапперуп

История большинства замков — в частности, Веннгарна и Лэккё, связана с мужской линией династии Делагарди, однако это вовсе не означает, что представительниц слабого пола можно исключить из списка людей, внёсших вклад в шведское замкостроительство периода Великодержавия. Ярким тому примером может служить расположенный в южной Швеции Крапперуп, сегодня несут на себе яркий отпечаток рода Гилленшерна.

Такое количество властных женщин, боровшихся за земельные владения, пожалуй, не знал ни один другой замок, кроме Крапперупа. Первые упоминания о нём относятся к XIII в., когда эти места принадлежали знатному датскому роду Кругнус, чьи члены были прозваны так из-за своего огромного орлиного носа.

В 1426 г. вдова Олафа Кругнуса, Маргрете, попыталась завладеть этой землёй, не желая мириться с тем, что та перешла к её приёмным детям (Маргрете была третьей женой Олафа). Чтобы доказать своё право на Крапперуп, она притворилась беременной и позже заявила, что родила ребёнка, прожившего лишь несколько часов, — и именно это дитя должно было стать истинным наследником, а вслед за ним и она сама. Вдова даже указала место захоронения

Крапперуп

младенца, однако в гробу нашли только мешок песка — женщину обвинили во лжи и собирались казнить, но помиловали. Эта история стала одной из самых скандальных в Дании тех времён и даже породила легенду о рыцаре Санде.

В руках Кругнусов Крапперуп находился вплоть до начала XVI в., затем ещё столетие он наследовался родом Подебусков, побывав у богатейшего человека провинции Сконе — ему принадлежало 1800 имений и несколько замков этого региона, да к тому же немало подворий в родной Дании.

Когда провинция Сконе перешла в 1658 г. к шведам, замок был продан дочери Якоба Делагарди, красавице Марии Софии (1627—1694), которая тем самым желала поддержать государственную политику страны по приобщению местного населения к шведской культуре. Многим членам её семьи приходилось принимать и покупать имения в полуразрушенном состоянии, и Мария София не была исключением.

Строительством заведовал знаток фортификации офицер Свен Расмуссон Вассандер — многие полагают, что именно ему принадлежат существующие сегодня два этажа замка. Крапперуп стал по-

ходить на новомодный дворец в стиле барокко — такая судьба постигла многие датские замки, попавшие в руки к шведам. Правда, на этом реставрация, по большому счёту, и кончилась — в 1574—1679 гг. вспыхнула новая датско-шведская война. Но построенного к тому времени было достаточно для того, чтобы именно Крапперуп стал на несколько месяцев местом жительства шведского монарха Карла XI.

Марию Софию нередко — и по праву — называют первой предпринимательницей Швеции. Она заведовала многими предприятиями Швеции, и именно она наладила добычу каменного угля в Хёгнэсе (Högnäs) и установила монополию на его поставку ко всем маякам юго-западных границ страны. Всё это очень не нравилось Карлу XI, проводившему крайне не популярную среди аристократии редуцию. Король собирался отобрать и Крапперуп, но Мария София возмутилась и сказала: «Тот, кто заберёт у меня это имение, может забрать и мою жизнь». Владение осталось у неё, но экономические трудности в годы войн превратили графиню Делагарди практически в нищую.

Её дочери, которым достался замок, довольно быстро продали его торговцу, судовладельцу и банкиру Хенрику Якову Хильдебранду. Тот, однако, был не слишком заинтересован в новом приобретении — во-первых, основные его владения и предприятия находились рядом со Стокгольмом, во-вторых, Крапперуп был в столь ужасном виде, что ни сил, ни желания его восстанавливать у Хильдебранда не было.

В 1734 г. Крапперуп выкупил лифляндец Петер Готтхард фон Кохен. В юные годы он был офицером в армии Карла XII и во время войны с Россией был взят в плен и отправлен в Сибирь, где получил звание капитана. Именно по возвращении из плена у него появилась возможность приобрести замок, владельцем которого он оставался 30 лет. Всё это время Петер Готтхард ежедневно вёл дневник, в котором фиксировал абсолютно всё — начиная от свадеб и похорон и заканчивая происшествиями в замке и погодой. Не остался

без внимания и приезд в округу Карла Линнея в 1749 г. Годом позже Готтхард фон Кохен затеял масштабную перестройку Крапперупа, избавившись от верхнего этажа и двух угловых башен. Именно его детище предстаёт сегодня перед глазами туристов.

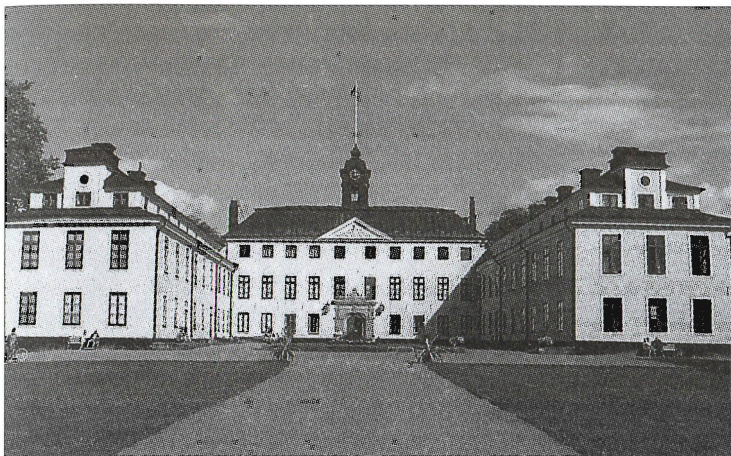
Будучи неженатым и бездетным к 50 годам, Петер решил наложить запрет на продажу нового имения и превратить его в родовое гнездо, завещав его при этом своему племяннику Кристоферу фон Кохену. Так, переходя от одного родственника к другому, Крапперуп оказался в итоге у знатного датско-шведского рода Гилленшер-на, в руках которого — или, точнее, теперь уже фонда Гилленшер-на, замок находится до сих пор.

В замке, считающемся старейшим и величественнейшим в южной провинции Швеции Сконе, сохранился прежний интерьер, а также богатая коллекция портретов, написанных выдающимися художниками того времени — Давидом Клёкером Эренштралем, Давидом фон Крафтом, Лоренсом Пашем-младшим. Вокруг замка разбит уходящий корнями в XVII столетие огромный парк с ручьями, извилистыми тропинками, экзотическими деревьями.

Ульриксдаль

В каком-то смысле «женским» можно считать и другой дворец семейства Делагарди — Ульриксдаль. Ульриксдалем он, правда, стал не сразу: первоначально его окрестили Якобсдалем. Предполагалось, что вдова Якоба Делагарди Эбба Браге будет проживать в роскошном дворце Якобсдаль, само название которого должно было напоминать ей об усопшем муже. Но Эбба не задержалась здесь надолго: через 4 месяца она переехала в пышный Макалёс. Сын Магнус, получивший Якобсдаль в подарок от матери, проводил здесь гораздо больше времени — в 1660-х гг. он провёл его реставрацию, соорудив, среди прочего, крепкий подъездной мост. Но и Магнусу замок скоро наскучил, и в 1669 г. он продал его в придачу с другим поместьем, Карлбергом, вдовствующей королеве Хедвиг Элеоноре (1636—1715 гг.) за 85 000 риксдалеров.

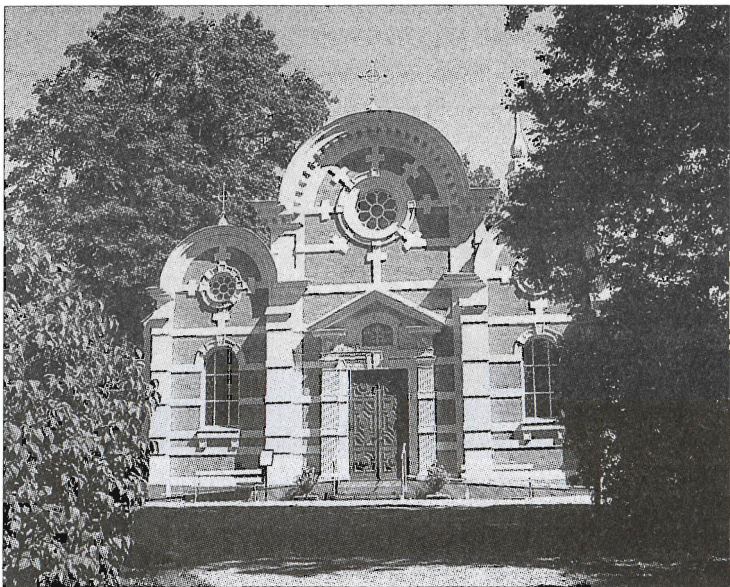
Королеве Якобсдаль показался чересчур маленьким, и она велела пристроить к нему два крыла и оранжерею, где выращивались редкие цитрусовые — апельсины, лимоны и померанцы, а в 1684 г. вообще подарила его своему внуку Ульрику на крестины — так за-

Ульриксдаль

мок получил новое имя. Правда, уже через год Ульрик скончался, и дворец снова оказался в руках королевы. С тех пор Ульриксдаль передавался по наследству, не покидая королевской семьи, и сегодня он причисляется к королевским дворцам Швеции. Придворная часовня является ныне одним из самых популярных мест венчания в стране.

Первоначальную часовню соорудил для собственных нужд глубоко верующий Магнус Габриэль Делагарди. В северном крыле Якобсдаля он велел построить довольно большую комнату впечатляющей высоты — 7,8 м. Это означало, что её пол находился ниже уровня земной поверхности, а потолок занял чердачное помещение. Убранством часовни занимался Жан де ла Валле, выбравший доминировавшими оттенками интерьера жёлтый и белый.

Для въехавшей в 1669 г. в Якобсдаль Хедвиг Элеоноры часовня оказалась слишком маленькой, и началась подготовка чертежей для её расширения. Но в конце XVII в. было решено построить абсолютно новую церквушку вне дворцовых стен: замок и без часовни едва вмещал весь королевский двор. Прежнюю часовню переделали в двухэтажную комнату для охраны, хотя некоторые элементы декора были сохранены и перенесены в новую призматическую

Часовня Ульриксдаля

церковь. Но и это здание не простояло слишком долго: Карл XV повелел построить на его месте другую часовню — ту, что существует сейчас, в стиле голландского ренессанса. Выбор стиля не был случайным: король хотел тем самым показать свой интерес к более древней архитектуре, а также, называя новое здание в честь своей супруги Лувисы, подчеркнуть её голландское происхождение.

Интересна история появления также одной из комнат Ульриксдаля — Рыцарского зала, называемого также Большой гостиной. Когда осенью 1923 г. было объявлено о помолвке наследного принца Густава (VI) Адольфа, к стокамольцам обратились с просьбой пожертвовать деньги на свадебный подарок. Около 8000 человек приняли участие в этой акции, и общий сбор составил 50 000 крон. По договорённости с принцем деньги решили использовать для меблировки комнаты в Ульриксдале. Позднее Густав Адольф отдал распоряжение о со-

хранении этого самого зала для будущих поколений. Если приглядеться, то на мебельной обшивке можно увидеть завуалированную в узорах литеру U — начальную букву названия дворца.

ВЛАДЕНИЯ КАРЛА ГУСТАВА ВРАНГЕЛЯ

Мгновенным обогащением полководцев и фельдмаршалов в Швеции XVII в. вряд ли можно было кого-то удивить. Страна находилась на пике своей боевой славы, и множество вояк прошли тот же путь, что и Якоб Делагарди. Граф Карл Густав Врангель (1613—1676) был, пожалуй, типичнейшим представителем своего времени, с одним лишь отличием от других дворян — он был богачейшим из них. Он является единственным в истории Швеции человеком, ставшим главнокомандующим как флота, так и армии, причём одновременно.

Карл Густав Врангель

Карл Густав считался воспитанным, любящим роскошь, щедрым и верным своему слову; из недостатков можно назвать лишь его раздражительность и любовь к женщинам. Бескрайняя уверенность в себе привела его свататься к сестре Карла X Густава Кристине Магдалене, которая, однако, отвергла 20-летнего юнца. Отказ, видимо, не слишком огорчил молодого человека, поскольку в 1640 г. он женился на Анне Маргарете фон Хаугвитц (1622—1673), родившей ему 11 детей, из которых только три дочери достигли зрелого возраста.

Супруга Врангеля Анна Маргарета в раннем возрасте лишилась родителей, принадлежавших к низшему дворянскому сословию Германии и потому не успевших нажить каких-либо поместий. Для многих остаётся загадкой: как один из наиболее обеспеченных людей Швеции согласился взять в жёны девушку, что называется, без приданого? Ответом, наверное, можно назвать большую любовь — их брак считался довольно счастливым.

Каждый замок отважного полководца становился невиданным доселе шедевром, но три из его творений — Грипенберг, Скуклостер и дворец Врангеля — вызывают, пожалуй, наибольшее восхищение.

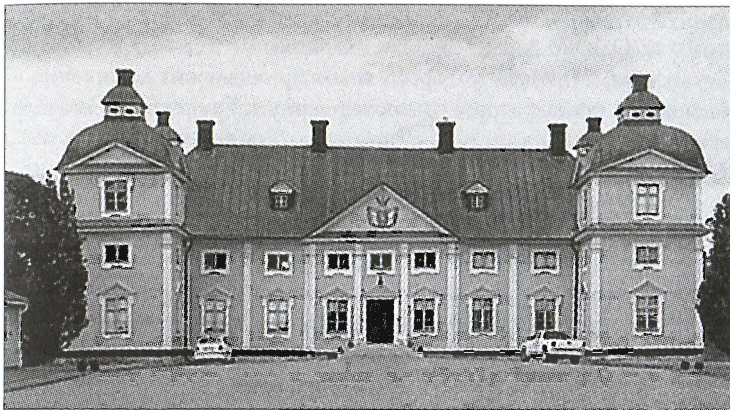
Грипенберг — деревянное наследие барокко

Замок Грипенберг считается одним из крупнейших и старейших деревянных дворцов Швеции.

Всё началось в 1648 г., когда королева Кристина, восхищённая храбростью и преданностью 35-летнего Карла Густава Врангеля, подарила ему 64 небольших имения недалеко от Йёнчёпинга (Jönköping). Эти поместья Врангель, недолго думая, объединил и зимой 1663 г. начал строить здесь свой знаменитый Грипенберг, названный так в честь его матери, Маргареты Грип.

Структура замка довольно стандартна: два флигеля и четыре угловых башни; построен он был, скорее всего, под руководством архитектора Тессина-старшего, который в то же самое время занимал-

Грипенберг

ся другими проектами Врангеля — названным в честь хозяина дворцом в Стокгольме и Скуклостером. Новый замок, сооружённый всего за три года, выкрасили в красный цвет с серыми пилястрами и гонтовой крышей. Свой яркий жёлтый фасад Грипенберг получил около 1780 г.

Врангель видел в деревянном Грипенберге охотничий домик, однако за свою жизнь он побывал здесь лишь единожды — в 1669 г. После его смерти замок перешёл к его двухлетней внучке, но после редукции 1680 г. он уже считался коронным владением.

В 1770 г. Грипенберг был продан коммерции советнику Самуэлю аф Сёдерлингу. Говорят, он установил здесь немало жёстких правил, чем-то напоминающих современную бюрократию. Одним из примеров было соблюдение так называемого приветственного этикета: каждый, кто желал попасть к Сёдерлингу, должен был снимать шляпу, проходя через первую калитку, и глубоко кланяться, проходя через оставшиеся две. Сёдерлинг всё это время стоял на лестнице у входа и наблюдал за происходящим.

Незадолго до смерти Самуэль передал замок своему внуку Августу Сёдерлингу Хермелину с условием, что Грипенберг станет наследственным владением. Хермелин не возражал — более того, в 20-е гг. XIX столетия он провёл серьёзную реставрацию самих комнат, сохранив только потолочную роспись Андерса Бьёрна, сде-

ланную в XVII в., некоторые предметы мебелировки, скульптуры и полотна. Однако сегодня не так уж много осталось от инноваций Хермелина, потомкам которого замок принадлежит до сих пор, — нынешние реставраторы пытаются вернуть Грипенбергу его первоначальный облик.

Неподалёку от Грипенберга находится насыпь из камней, прозванная в народе стулом коммерции советника. Человеком, «в честь» которого горка получила своё название, был Самуэль аф Сёдерлинг: он якобы очень любил здесь сидеть, наблюдая, как трудятся его крестьяне. Опоздавшим на рабочее место грозил неприятный штраф: поднять камень на отвесную скалу и положить его на самой вершине, моля господина барона о пощаде.

Полюбоваться Грипенбергом изнутри возможностей мало — он по-прежнему считается частным владением, хотя подходить к нему и фотографировать не возбраняется. Увидеть же, как когда-то жил обладатель множества завидных титулов Врангель, можно в другом дворце, чьё имя — Скуклостер.

Скуклостер — крупнейший дворец, принадлежавший частному лицу

В тех краях, где сегодня раскинулся величественный Скуклостер, в XIII в. существовал цистерцианский монастырь Ску, упоминавшийся уже при королях Эрике Кнутссоне (? — 1216) и Юхане Сверкерссоне (? — 1222). Неплохие дотации помогли монастырю неимоверно разбогатеть, однако после снижения влияния Вестероса в 1527 г. количество монастырских земель начало постепенно уменьшаться, и в 1588 г. уже нет никаких упоминаний о монашках в Ску — земля, как и положено, перешла к королю.

В 1578 г. Юхан III (1537—1592) подарил Скуклостер своей сестре Софии (1547—1611 гг.), но очень скоро отобрал его обратно, посчитав невозможным её проживание там после того, как её муж был выслан из Швеции.

В 1609 г. земля Скуклостера досталась фельдмаршалу Кристоферу Суме, но тот через два года сдался датчанам, тем самым по-

теряя возможность управлять какими-либо шведскими имениями. Нового претендента на лакомый кусок на берегу озера Меларен нашли сразу же — им оказался ротмистр Херман Врангель, отец Карла Густава. Правда, его встретило довольно унылое зрелище: необработанная земля и полуразрушенные монастырские постройки. Врангель велел возвести крепкий дом для своей семьи, где в 1613 г. и родился Карл Густав, которому предстояло стать одним из самых удачливых полководцев XVII в.

Карл Густав, унаследовав Скуклостер в тридцатилетнем возрасте, решил возвести новый помпезный замок рядом со старым отчим домом. Не раз бывая в составе шведской армии за пределами родной страны, Врангель видел идеал зодчества в северо-германских дворцах. Именно таким он и представлял свой будущий шедевр. Чертежи были поручены Каспару Фогелю и Жану де ла Валле, хотя позже в них были внесены небольшие изменения Никодемусом Тессином-старшим.

Надо сказать, что интерес к северной Германии возник у Врангеля неспроста. В 35 лет он стал генерал-губернатором принадлежавшей тогда шведам Померании, и ему досталось несколько местных ренессансных дворцов — прежде всего на острове Рюген, но резиденцией всё же стал замок Вольгаст. Именно здесь он сначала и задумывал разместить новое поместье, но позже планы изменились, и выбор пал на Скуклостер — из Вольгаста же Врангель наблюдал за строительством своего дворца, лишь время от времени возвращаясь в старый отчий дом.

К стройке века Карл Густав готовился несколько лет. Несмотря на нехватку рабочей силы и недостаточные финансовые возможности, строительство всё-таки было начато в 1654 г. Стройматериал брали в первую очередь в близлежащих краях и на кирпичном заводе самого Врангеля, однако масштабы заставляли импортировать известняк из Финляндии, кровельную черепицу из Голландии, гранит с Черноморского побережья, песчаник из Стокгольма и со шведских островов Готланд и Эланд.

Всего 4 года ушло на возведение нового жилья с четырьмя восьмиугольными башнями; однако это было лишь начало: крышу постелили только через 10 лет. Тогда же, в середине 60-х гг. XVII в., Врангель утвердил в замке библиотеку, которая к моменту его смерти насчитывала 2400 книг, расставленных в соответствии с тематикой и размером.

Библиотека расположилась на верхнем этаже в восточной части замка, откуда открывается чудесный вид на озеро Меларен. Архитекторы того времени считали, что библиотека, как и в античные времена, должна выходить окнами на восток, дабы была возможность использовать все преимущества утреннего света для чтения.

Книги для своей коллекции Карл Густав Врангель приобретал тремя путями: прежде всего, это были книги, доставшиеся ему по наследству от отца. Другим источником стали те книги, что он получал в подарок либо привозил домой как военный трофей. Наконец, немало книг Врангель просто-напросто покупал. За покупками Карл Густав предпочитал ездить в крупнейшие торговые города Европы — он то и дело выискивал газетные объявления о продаже новых книг, либо же получал дельные советы от торговых агентов.

Тематика книг была очень разнообразна, но, учитывая, что за свою жизнь Врангель построил несколько дворцов, большой интерес для него представляла литература, посвящённая архитектуре, и, соответственно, богато иллюстрированные книги о европейских дворцах. Разумеется, книги были не только на шведском, но и на латыни, немецком, французском, итальянском и испанском языках.

На внутреннюю отделку Скуклостера ушло гораздо больше времени, чем на его возведение — дворец был готов лишь к 1679 г., то есть через три года после смерти его владельца. Тогда же начали

Скуклостер

приводить в порядок и призамковую территорию — к западу от Скуклостера возвели 600-метровую стену вокруг сада, посредине которого разбили фонтан и выкопали пруды и декоративные рвы.

Справедливости ради надо сказать, что полностью завершённым замок нельзя назвать даже сейчас — к примеру, рабочие инструменты времён Карла Густава демонстрируются в недостроенном банкетном зале.

После смерти Врангеля его наследство было поделено на четыре части, и Скуклостер достался дочери — Маргарете Юлиане. Маргарета вышла замуж за Нильса Браге, и практически всё время семья жила в Рюдбухольме (Rydboholm), приезжая в Скуклостер лишь иногда летом, однако дочь Врангеля следила за тем, чтобы родной дом не оставался без присмотра.

Вместе с мужем Нильсом Браге Маргарета Юлиана в 1701 г. наложила запрет на продажу как самого замка, так и предметов коллекций и инвентаря, которые, по её мнению, необходимо было сохранить для потомков. Так Скуклостер стал наследственным имением, передававшимся вплоть до 1930 г., когда род Браге прекратил своё существование, поскольку граф Магнус Пер Браге (1849—1930) умер бездетным. Скуклостер перешёл тогда к сыну его сестры, Фредрику фон Эссену (1831—1921), который, в свою очередь, в 1967 г. продал дворец государству за 25 миллионов крон. Швеция получила один из прекраснейших замков Европы, единственный в своём роде, с богатейшими коллекциями живописи, книг, мебели, оружия, домашней утвари — в общей сложности народным достоянием стало около 50 000 предметов.

Сам Карл Густав Врангель, немало путешествовавший по свету, положил начало всем этим коллекциям — как и европейские дворяне, он считал, что понять мир можно лишь собрав самое примечательное из того, что когда-либо создавала природа и человек.

Что в Скуклостере представляет особый интерес, сказать сложно — здесь уникальна каждая деталь. Взять, например, коллекцию живописи, насчитывающую 1000 картин начиная с XV в. Сам Карл Густав оставил после себя 770 полотен.

Большую часть коллекции живописи составляют портреты — их в замке около шестисот, большинство из них выполнены маслом. Лишь небольшая их часть подписана. В замке не найти таких громких имён, как Рембрандт, Рубенс или ван Дейк — но он пора-

жают изобилием шведских мастеров: начавший карьеру у Врангеля Эренштраль, Лундберг, Хиллестрём, Нурдгрен, Окессон — о многих из них мало кто слышал даже в самой Швеции.

Помимо холстов ценность представляет и меблировка 37 комнат замка, относящаяся к XVII—XIX вв., выполненная мастерами Швеции, Голландии, Франции, Англии и Германии и представляющая барокко, рококо и шведский густавианский стиль. Повсюду расставлены фаянсовые сервизы XVII в., китайский фарфор XVIII—XIX вв. и предметы из слоновой кости XX в. Многие экспонаты имеют штампы известных фабрик — например, Meissen и Sèvres, — а также крупных шведских, английских и датских заводов. Сервизы XIX—XX вв. использовались вплоть до 1967 г., в то время как 4 бокала для белого вина, датируемые XVII столетием, всегда были музейной реликвией замка.

Одним из «музейных» помещений Скуклостера можно считать и состоящую из трёх комнат Оружейную палату, где хранится 750 охотничьих ружей и 150 пистолетов самого Врангеля — и ещё тысяча других предметов. Здесь же можно увидеть не только оружие, но и чучела экзотических животных, каяк из Гренландии, гамак из Южной Америки, вещицы индейцев, привезённые из Нового Света, театральные костюмы из Стокгольма.

Но многих гораздо больше привлекает другая комната — так называемая Токарная, которая со своей коллекцией рабочих инструментов считается уникальным памятником Европы. Зачастую после стачивания инструменты выбрасывались, однако здесь их было решено сохранить — сегодня можно увидеть, когда и для чего тот или иной инструмент был куплен. Более того, в большинстве случаев можно даже полюбоваться результатом работы — достаточно просто зайти в одну из комнат замка...

После беглого осмотра замка ни у одного туриста не останется сомнений в том, что Скуклостер по праву считается одним из самых выдающихся примеров барочной архитектуры Европы.

Дворец Врангеля — жемчужина Рыцарского острова

Свои дворцы богачи строили не только на опушке леса и окраине поля, где-нибудь на берегу тихого озера — это скорее были загородные резиденции — в XVII в. в Швеции вспыхнула мода на

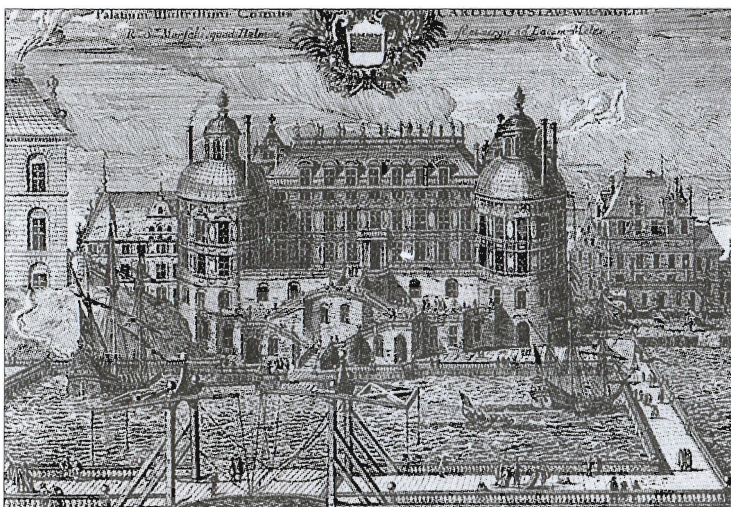
замки, как можно больше приближенные к королевскому дворцу. Быть может, их размах был не столь велик, но в пышности и роскоши они ничуть не уступали своим нестоличным соперникам.

Белоснежный дворец Врангеля стоит на том месте, что в 1629 г. было подарено риксроду Ларсу Спарре, незамедлительно возведшему здесь огромный замок — правда, с одним недостатком: он был целиком и полностью в средневековом стиле.

19 лет спустя родственники выставили замок на продажу, и самым заинтересованным лицом оказался не кто иной, как герой Тридцатилетней войны Карл Густав Врангель. Когда сделка уже практически состоялась, на сцене появилась королева Кристина и перекупила лакомый кусок — правда, с одной лишь целью: подарить его своему лучшему генералу и верному вояке — Врангелю!

Находясь на войне, многие богатые полководцы и генералы мечтали о спокойной жизни в будущих дворцах. Врангель же решил не откладывать строительство «на потом», несмотря на то что недалеко от Стокгольма в то время кипело строительство другого его дворца — Скуклостера.

Дворец Спарре Карл Густав изначально считал старомодным, о чём сообщил с немецкого фронта своему бухгалтеру: «Попроси-

Дворец Врангеля в XVII в.

те ла Валле сделать такую прекрасную модель, на какую он только способен!» Но Жан де ла Валле, чрезвычайно популярный в те времена архитектор, был уже поглощён иным проектом, а потому то же предложение было направлено другому модному архитектору — Тессину-старшему, который, однако, собирался в путешествие по Италии и Франции, а потому также отказал генералу.

Предприимчивый Врангель не желал ждать: он лично подготовил модель будущего дворца. В итоге на работу согласился-таки Тессин-старший, но подготовка к строительству затянулась на долгие годы, в течение которых Карл Густав, дабы подправить своё финансовое положение, даже сдавал ещё не тронутое архитектором помещение Ларса Спарре видным аристократам. По некоторым свидетельствам, этот дворец стал весьма популярным местом среди молодёжи.

Почему строительство дворца Врангеля заняло так много времени? Де ла Валле и Тессин неспроста отклоняли сулящий неплохой заработок заказ: дело в том, что Врангель, славясь человеком щепетильным, желал следить за каждым этапом строительства. Он не довольствовался предоставленными архитекторами чертежами и планами, а постоянно вносил в проект изменения, высказывал своё мнение, нередко ставящее под сомнение целесообразность уже проделанной работы.

Интересно, что дворец Врангеля на сегодняшний день является единственным частным домом Швеции XVII—XVIII вв., намерения в отношении которого так подробно и чётко излагались в еженедельных письмах.

Дворец Спарре так и не снесли, а просто перестроили в стиле барокко — закончены работы были в 1660 г. Правда, Врангель, постоянно занятый войнами и административными поручениями, нечасто бывал в новом дворце — тем более что неподалёку стояло другое его детище, Скуклостер. В те редкие дни, когда Карл Густав всё же посещал стокгольмский дом, жизнь в нём была ключом: генерал жил с королевским размахом. Видимо, поэтому дворец Врангеля был выбран временным пристанищем для королевской семьи, когда её собственный дом — замок Тре Крунур — сгорел в 1697 г.

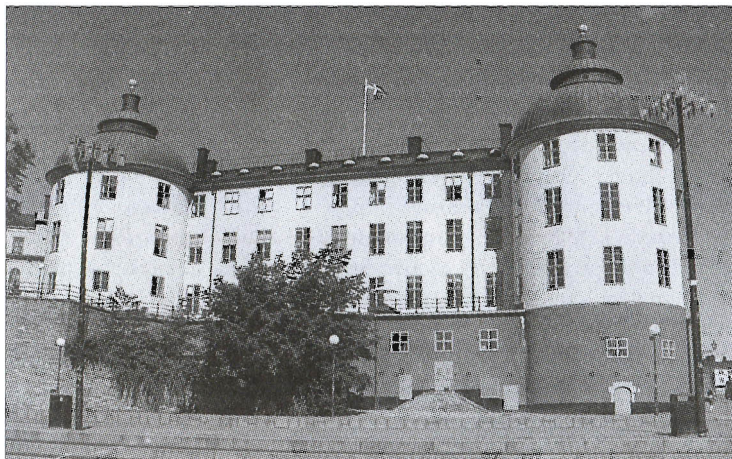

То, что выбор королевской семьи пал именно на дворец Врангеля, красноречиво свидетельствует о его размахе: в 1694 г., за три года до пожара в Королевском дворце, горел и дворец Врангеля, в результате чего фасад здания оказался сильно пострадавшим. Но разрушения эти были невелики: Никодемус Тессин-младший быстро придал замку должный вид, и с тех пор дворец Врангеля стали называть Королевским домом — Кунгсхюсет.

Тре Крунур сгорел в то самое время, когда в нём находилось забальзамированное тело Карла X Густава, а на престол готовили молодого Карла XII. На коронацию было приглашено множество гостей, однако Тессин, как ни старался, не успевал создать новый пышный салон во дворце Врангеля, и заменой ему стал импровизированный зал на открытом воздухе, на террасе.

К 13 декабря 1697 г., когда все сословия должны были принести новому монарху клятву верности, пол застелили дорогими коврами, внешние обгоревшие стены спрятали за ткаными обоями, а у стены даже водрузили серебряный трон королевы Кристины.

Несколько лет в окнах дворца не гас свет и не смолкала музыка — молодой Карл постоянно устраивал балы, маскарады и званые обеды, за которые всегда отвечал его друг Тессин. Но в марте 1700 г. веселью настал конец: Карл XII покинул «свой» дом ради

Дворец Врангеля в Стокгольме

войн с Данией и половиной Европы, и ему никогда уже не было суждено увидеть эти края. В первые годы радостные вести появлялись во дворце чуть ли не каждый день, но после шокирующего поражения под Полтавой в 1709 г. тут поселились отчаяние и боль.

Лишь однажды, в 1710 г., сюда вновь привезли хорошие новости с фронта: Карл XII одержал победу над датчанами под Хельсингборгом. Рассказывают, что «простому курьеру» Хенрику Хаммарбергу (1686—1768), нёсшему эту весть днём и ночью из южной Швеции до самого Стокгольма, королева Хедвиг Элеонора (1636—1715) лично подала бокал вина и предложила сесть, в то время как сама она стояла.

На самом деле, называя Хенрика «простым курьером», рассказчики слегка лукавят: он путешествовал в удобном экипаже и ночевал на приличных постоялых дворах — всё это Хаммарберг занёс в книгу расходов, лист из которой висит сегодня в рамочке в одном из залов дворца Врангеля — том самом, где проходила аудиенция королевы и курьера.

На строительство нового королевского дворца ушло 57 лет — он был готов лишь в 1754 г., а потому целое монаршее поколение вынуждено было «ютиться» в гостеприимных стенах дворца Врангеля. Королева Ульрика Элеонора (1688—1741) и её супруг Фредрик I (1676—1751) всю жизнь довольствовались этой своеобразной резиденцией; их сменили Адольф Фредрик (1710—1771) и Лувиса Ульрика (1720—1782), сын которых, впоследствии вступивший на престол как Густав III, также был рождён во дворце Врангеля. Интересно, что позже, в 1792 г., именно здесь будут судить убийцу Густава, Якоба Юхана Анкарстрёма (1762—1797), чья камера осталась нетронутой с тех самых пор.

Через два года после помпезного переселения королевской четы обратно в Тре Крунур во дворец Врангеля переехало несколько ведомств, в том числе и Верховный суд Швеции, сегодня занимающий всё здание целиком.

В Большом зале, сегодня являющемся залом пленарных заседаний, висят портреты всех председателей Верховного суда с 1614 г. Начало этой коллекции положила в 1717 г. Анна Мария Эренштраль, передав Верховному суду несколько портретов, написанных ей самой.

ПРИЮТЫ ДЛЯ ЗНАТИ

Если на минуту отвлечься от потомственных имений, начатых и продолженных представителями одной династии, то настоящим дворянским гнездом, воспитавшим не одно поколение аристократов, можно назвать следующий дворец — Экенэс.

Экенэс — один из самых пышных дворцов Швеции XVII в.

На скале у озера Теден (Teden) возвышаются высокие белоснежные стены с уходящими в небо шпилями не менее сказочного, чем Лэккё, замка — Экенэса. Здесь с XIII в. находилась небольшая деревушка, жителям которой в XV в., однако, пришлось уехать, ибо именно это место было выбрано для возведения новой резиденции и фортификационного сооружения. Земля тогда принадлежала роду Натт-о-Даг, потомки которого стали впоследствии другой знатной фамилией Швеции — Стуре.

Большинство владельцев Экенэса так или иначе были связаны с королевским двором: первый хозяин замка, Сванте Стуре, женив-

Экенэс

шись на Мэрте Лейонхувуд, породнился с самим Густавом Васой. У Стуре было несколько сотен имений в разных частях страны, и их защита требовала немалых усилий — потому и начали возводить новые крепости.

Собственно Экенэс представлял собой лишь мрачную каменную башню для защиты, откуда местный фогт управлял прилежащими территориями и собирал налоги. Место это было легко защитить благодаря близости воды, которая одновременно позволяла без труда добраться до будущего замка, особенно в зимнее время.

К 1612 г. окрестности Экенэса оказались в руках рода Банер, представители которого и взялись за превращение одиноко стоявшей башни в прекрасный замок. Новые башни построили так, что обстрел из них можно было вести во все стороны; стены борта достигали почти двухметровой толщины. За всю историю Экенэс ни разу не подвергался нападению, однако меры предосторожности нельзя назвать излишними: они могли помочь замку в 1719 г., когда русские атаковали восточное побережье Швеции и сожгли всё, что встретилось им на пути.

В 1879 г. владельцем Экенэса стал граф Филипп Отто Леонард Клингспор (1845—1924), чья дочь Матильде стала последней жительницей замка — здесь она проживала в одиночестве вплоть до 1934 г.

После Второй мировой войны замок был выкуплен Андерсом Бергенгреном, потомки которого являются его владельцами по сей день. Нынешние хозяева делают всё возможное для того, чтобы Экенэс сохранил своё прежнее очарование. Здесь в одной из башен и сейчас можно увидеть потолочную и настенную роспись XVII в., изображающий Юстицию рельеф из известняка и декорированные дубовые двери той же эпохи.

Всё это удалось сберечь, несмотря на крупные изменения, постигшие замок в середине XIX в., когда, например, занимавший половину верхнего этажа Рыцарский зал был превращён в длинный коридор, ведущий к спальням и гостевым. С конца XVIII в. осталась гостиная, где можно увидеть портреты всех шведских монархов с Густава Васы до Карла XIV Юхана; большинство полотен написаны местным художником.

Прогулка по замку — это знакомство с развитием искусства и стиля: здесь представлен и поздний ампи́р, и неорококо, и неоре-

нессанс. В 1974 г. замок был объявлен памятником архитектуры; последнее время в замковом парке ежегодно проходят рыцарские турниры, собирающие до 10 000 зрителей.

В Экенэсе можно встретить и привидение, обитающее в так называемой Дыре Ниссе. Говорят, маленького мальчика Ниссе когда-то заперли в подвале и забыли выпустить. Он умер от голода, но покоя не обрёл.

Тюресё: романтическое возрождение

Другой украшенный резными шпилями замок Тюресё близ Стокгольма был возведён в начале 1630-х гг. представителем рода Оксеншерна, который чуть позже построил в сотне метров от своего владения ещё и церковь, где был похоронен в год её завершения. Как и было положено, замок перешёл к его сыну, Густаву, правда, скоропостижно скончавшемуся в возрасте 35 лет, после чего Тюресё оказался у его молодой вдовы, Марии Софии Делагарди (1627—1694).

Церковь Тюресё

Несмотря на свой юный возраст — когда умер её муж, ей шёл только 22-й год, — Мария София Делагарди так и не вышла больше замуж, что, по мнению многих, благотворно сказалось на судьбе замка и стало одним из поворотных моментов в истории Швеции: Мария София осталась свободной и независимой женщиной, ставшей первой в стране крупной предпринимательницей. Из Тюресё она управляла своими огромными владениями как на территории Швеции, так и Финляндии. Её очень интересовали постоянно появлявшиеся новинки на рынке сельского хозяйства, скотоводства и садоводчества, и ради новых знаний Мария София отправилась в Голландию.

Получив необходимое образование, она наладила добычу, продажу и экспорт каменного угля в южной провинции Швеции Сконе. Ей также не были чужды судостроение, торговля древесиной и зерновыми; она открыла бумагоделательную фабрику и занялась производством льняного масла. Выкупив несколько поместий в Сконе, она организовала там фабрики по пошиву одежды, которую затем продавала армии.

Мария София умерла в возрасте 67 лет, оставив своё жилище Тюресё внучке Марии Густаве Гилленшерна, где та оставалась вплоть до собственной смерти в 1737 г. Говорят, во время Северной войны, когда русские в 1719 г. разоряли и грабили восточное побережье Швеции, женщина повелела уничтожить шпили замка, дабы те не привлекали внимание врага. Однако окончательно шпили были сняты во время перестройки замка в 1760-х гг. Карлом Фредриком Шеффером, мужем внучки Марии Густавы и личным учителем Густава III. Теперь замок должен был приобрести модные в то время черты: никаких шпилей и башен; внутренний двор стал шире, открывая вид на церковь. Тогда же был заложен первый в Швеции английский парк. На открытие в 1770 г. «нового» дворца — ведь теперь его уже никак нельзя было назвать замком — была даже приглашена королевская чета — Адольф Фредрик и Лувиса Ульрика.

Вскоре после смерти Шеффера, в конце XVIII в., Тюресё стал переходить от одного рода к другому, пока его в 1892 г. не купил маркиз Клас Лагергрэн (1853—1930).

Тюресё

Родившийся недалеко от Эребру Клас с детства мечтал стать актёром, однако его семья воспротивилась такому увлечению сына и предпочла дать ему более достойное образование. Вскоре мальчик был отправлен в Париж, где мир вдруг предстал перед ним совсем в ином свете. Именно здесь юноша начал знакомиться с истинной жизнью и выдающимися умами человечества. Там же он принял католическую веру, что в те времена на его родине, в Швеции, приравнивалось к преступлению. Клас был вынужден какое-то время путешествовать, и скитания довели его до Рима, где судьба уготовила ему встречу с главой католической церкви — самим папой. Постепенно молодой человек стал своего рода послом Швеции в Риме и даже получил подобающий посту титул маркиза, что было огромным карьерным взлётом: титул передавался по наследству старшему сыну, остальные же дети автоматически становились графами.

Вернувшись в конце концов в Швецию, Лагергрэн тут же купил Тюресё. В моду только-только вошёл новый стиль: все стремились воссоздать первоначальный облик зданий, и у замка вновь появи-

лись знаменитые сегодня шпили. Внешне дворец теперь как две капли воды походил на замок XVII в., однако внутреннее убранство оставляло желать лучшего, что ужасно удручало Класа. Всю свою жизнь он посвятил тому, чтобы по мере сил и возможностей воссоздать здесь старую обстановку, чему немало способствовали часто бывавшие здесь высокопоставленные гости, как, например, принц Евгений (1865—1947). Портреты, гобелены, брюссельские тканые

Вход в Тюрсё

обои и обои из рисовой бумаги — вот неперенные спутники средне-статистического замка XVII столетия.

Однако в целом о том, как выглядел «оригинал» замка, в то время могли лишь догадываться; руководством служили сохранившиеся рукописи, чертежи и картины. Кроме того, в случае Тюресё архитектору просто несказанно повезло: в подвале была найдена древняя дверь, по образцу которой и стали создавать все остальные двери. Оригинал сегодня находится в кабинете замка.

После смерти Лагергрена его вдова подарила Тюресё Музею северных стран, в попечении которого он и находится по сей день. Основной задачей нового владельца всегда оставалось представление экспозиции «в естественной среде», создание впечатления того, что хозяин по-прежнему проживает здесь — только вот отлучился буквально на минутку из той или иной комнаты.

Скажем, в зале для завтрака до сих пор накрыт стол на 2 персоны — Лагергрена и его супругу, хотя у четы были дети. Почему же «забыли» про отпрысков? Дело в том, что в те времена дети не могли сидеть за одним столом с родителями, пока не обучатся этикету и не усвоят манеры поведения, одобряемые обществом.

Зал для завтрака, как и некоторые другие комнаты, украшен павлиньими перьями — такой декор Лагергрэн впервые увидел на востоке и тотчас пленился им. Там же он пристрастился и к павлиньему мясу, так что павлины в его меню были столь же обычным явлением, как курица на столе современного человека.

В другой комнате, своего рода чайной (кстати, одной из двух, где сохранились следы прежних владельцев замка), обстановка едва ли соответствует реальной: здесь посредине стоит стол и вокруг него стулья XVII в., однако за столом никто не сидит. Такая ситуация вряд ли была возможна в те годы, поскольку идеалом виделись большие пространства, и после каждого чаепития стулья отодвигались обратно к стене; столы же были складными и также убирались из центра. Именно поэтому ножки и подлокотники подобной мебели зачастую сильно потёрты.

Особый интерес представляет небольшая часовня на втором этаже замка: поскольку семья Класа была католической, она не могла — да и не желала — посещать близлежащую церковь Тюресё. Однако

общаться с Богом было необходимо, и с этой целью одну из комнаток переделали в светлую часовню. Это, пожалуй, было единственным отступлением Лагергрена от некогда задуманного восстановления первоначального интерьера.

Всего в замке существует 50 комнат, но большая их часть пустует. Связано это с тем, что сам Клас не успел завершить их реставрацию при жизни: имея постоянное жильё в центре Стокгольма, он рассматривал Тюресё исключительно как летнюю резиденцию, а потому ремонтно-восстановительные работы там шли достаточно медленно. Когда же замок оказался во владении Музея северных стран, всё было моментально законсервировано — ведь именно так всё было при жизни последнего хозяина, так и должно было всё остаться.

Хэринге: от замка викингов до пятизвёздочного отеля

Пожалуй, подытожить историю среднестатистического шведского замка наилучшим образом может расположенный в ослепительном великолепии природного заповедника, в 30 км к югу от Стокгольма дворец Хэринге, известный ещё с XI в., когда здесь обитал могущественный викинг Суте. О его времени в замке осталось не так много свидетельств — только висящий у входа меч, которым Суте в 1006 г. сражался с норвежским викингом Олафом Харальдссоном, более известным под именем Святого Олафа.

Вообще, Хэринге впервые упоминается в письменных источниках только в 1278 г., когда эти земли благодаря королю Магнусу Ладулосу оказываются в руках Стрэнгнэского епископата — такая датировка верна, если не считать упомянутой в одной из исландских саг любовной истории, якобы разыгравшейся в Хэринге в V в. Первые более-менее подробные сведения о Хэринге относятся к XVI в., в начале которого замок принадлежал Стену Стуре-старшему (ок. 1440—1503), чьи враги сожгли старый борг в 1501 г.

Новая крепость не заставила себя долго ждать, но её судьба мало отличалась от судьбы других имений Стуре-старшего: со временем всё это попало в руки Густава Васы, организовавшего здесь судостроительную верфь. Так началась королевская эра в истории

Хэринге, продолжавшаяся до 1628 г., когда Густав II Адольф подарил замок графу Густаву Горну (1592—1657), при котором и появился известный нам белоснежный дворец.

Когда Горн получил Хэринге, на борг было жалко смотреть: в полуразрушенном состоянии, да ещё после пожара, он представлял собой лишь жалкую кучу руин, едва ли подлежащую восстановлению. Потому Густав отдал распоряжение о строительстве нового дворца, и в 1657 г. — в год смерти полководца — новый Хэринге был готов.

В 1634 г. Швеция проиграла битву под Нёрдлингеном, и Густав Горн попал в плен. Только через 8 лет тяжелейшего заключения его освободили, обменяв на трёх захваченных шведами императорских генералов.

Для того чтобы Горн мог наблюдать за строительством замка, в 1654 г. был построен небольшой флигель, однако сам Густав едва ли появлялся в этих краях: дела государственные требовали его присутствия в других местах — прежде всего в Лифляндии. По иронии судьбы, напоминанием о Горне служит висящая у входа труба, привезённая фельдмаршалом в качестве сувенира после битвы под Лютценом в 1632 г.

Одной из интересных комнат той эпохи является Каменный зал, названный так из-за 20-тонного пола из эландского известняка, лежащего здесь уже 350 лет. Этот материал использовался только потому, что пол из него был ровным и гладким — хотя сегодня, конечно, сложно представить себе его прежнюю красоту, глядя на образовавшиеся со временем трещины и впадинки.

В тот же период был построен и мощный шкаф в столовой. Строили его прямо на месте; он весит тонну, и вывести его из замка не представляется возможным.

Уже к моменту завершения замок казался несовременным, и в конце XVII в. его облик начали постепенно менять, хоть и не слишком кардинально. Почти столетие после этого Хэринге простоял нетронутым, и небольшая перестройка, в основном коснувшаяся крыши, была предпринята только во второй половине XVIII в. после того, как замок был куплен генерал-майором Фабианом Лёвеном (1699—1773).

Лёвен сделал своё имение наследственным, но в 1929 г. его всё-таки перекупил финансист и газетный король Торстен Крейгер,

Флигель Хэринге

брат спичечного магната Ивара Крейгера. Торстен был тем, кто придал Хэринге его неповторимый блеск, сделав его популярнейшим местом встреч представителей элиты. Комнаты были увеличены в размерах — ведь известнейшие люди его времени были достойны только «королевских покоев».

Но увеличение комнат повлекло за собой также и проблему: количество гостей уже не могло быть прежним. Чтобы исправить положение, Крейгер строит дополнительный флигель, Кавалерский, где, по его задумке, должна была размещаться мужская половина гостей после шумных пиршеств, которые, не прекращаясь, проходили в Хэринге.

О дамах финансист также позаботился: от старого Морского флигеля (Sjöflygeln) к главному зданию замка был вырыт подземный проход, дабы представительницы прекрасного пола лишний раз не мочили свои роскошные причёски под дождём.

Среди гостей Крейгера, а позднее и четы Веннер-Грен были и те, кто приезжал в Хэринге столь часто, что для них были зарезервированы личные комнаты, сегодня носящие их имена: Цара Леандер,

Элизабет Тейлор, Жозефина Бейкер, Карл Герхард (кстати, единственный мужчина, проживавший в дамском флигеле) и Грета Гарбо. Для последней была выделена овальная комната с интерьером, полностью соответствовавшим её вкусу.

Со времён Густава Васы Хэринге был местом шокирующих празднеств и скабрёзных ужинов. Например, при Торстене было заведено получать напитки от обнажённых по пояс женщин. Напитки, разумеется, требовались постоянно, и следы от пробок старых бутылок всё ещё видны на стенах и потолке одного из первых в Швеции кегельбанов, который, к слову, до сих пор используется. Ежегодно сюда приезжают сотни любителей боулинга, чтобы воочию увидеть хитроумную конструкцию для возвращения шара. Расстановкой кегель по местам занимались стоявшие в конце дорожки слуги.

В Швеции кегельбаны появились в начале XX в. как спорт и развлечение для очень состоятельных господ. Продвижение боулинга в массы заняло целых полвека: только в 50-х гг. эту игру можно было по праву считать всенародным спортом.

Крейгер знал толк в развлечениях и отдыхе. Помимо кегельбана он построил первый в Швеции бассейн под открытым небом — просто потому, что газоны перед замком казались ему слишком скучными. Размеры бассейна в точности соответствовали олимпийским требованиям того времени, что также придавало ему особый шик. Сам Торстен, желая побыстрее очутиться в воде, велел провести горку из окна собственной ванной на втором этаже замка прямо в бассейн. К сожалению, последующие хозяева Хэринге нашли такой спуск чересчур вульгарным и удалили его.

В 1934 г., после того как Торстен Крейгер был приговорён к году штрафных работ за бухгалтерские преступления в своей компании, он за копейки продал Хэринге своему другу — предпринимателю и основателю «Электролюкса» Акселю Веннер-Грену (1881—1961). Крейгер задумывал эту сделку как временную, лелея надежду вскоре выкупить свою резиденцию обратно. Однако такое развитие

событий не входило в планы Веннер-Грена, который сразу же после покупки воскликнул: «Хэринге твой, дорогая!» — и отдал замок жене Маргарите (1891—1973 гг.).

Маргарита была юной оперной певицей из Техаса с многообещающим будущим, когда познакомилась с Акселем Веннер-Греном в 1909 г. Их свадьба состоялась вскоре после знакомства. Девушка бросила карьеру ради большой любви и полностью посвятила себя новому амплу — светской львицы.

В Хэринге у Маргариты, естественно, были собственные покои. Будучи очень суеверной, она никогда не ложилась спать, не расставив вокруг кровати 40 пар тапочек. Логика была проста: если на утро они не тронуты, значит, ночью её не посещали призраки. Почему певица так боялась потусторонних сил, до сих пор неизвестно: во дворце обитают лишь дружелюбные привидения.

Прежде всего, это четырёхсотлетний монах, переехавший в Готическую комнату вместе с деревянной панелью, находившейся раньше в шотландском монастыре и замке (том самом, где родилась Мария Стюарт) и потихоньку захваченной Акселем Веннер-Греном. Монах мил и беззлобен — лишь изредка он огорчается, если кто-то из гостей наступит ему на ногу или случайно сядет на него в кресло.

В Золотой Гостиной когда-то обитало два привидения, развлекавшиеся толканием и пиханием сидевших за столом гостей. Но после того как медиумы посоветовали хозяевам повесить напротив окна зеркало, а у окна разместить светлые занавески и хрустальную люстру, призраки утихомирились и больше не беспокоили посетителей.

Наконец, сама Маргарита стала привидением любимого замка. Обычно она просто поливает цветы и поправляет скатерти и занавески. Если хозяйка довольна тем, как персонал следит за её бывшими владениями, она появляется в красивом красном бархатном халате с золотой вышивкой. В противном случае — если гости оказываются слишком шумными или неаккуратными — она холодящим сквозняком пролетает через весь замок.

У Акселя Веннер-Грена тоже были свои забавные привычки. К примеру, у него была бумага для писем двух видов,

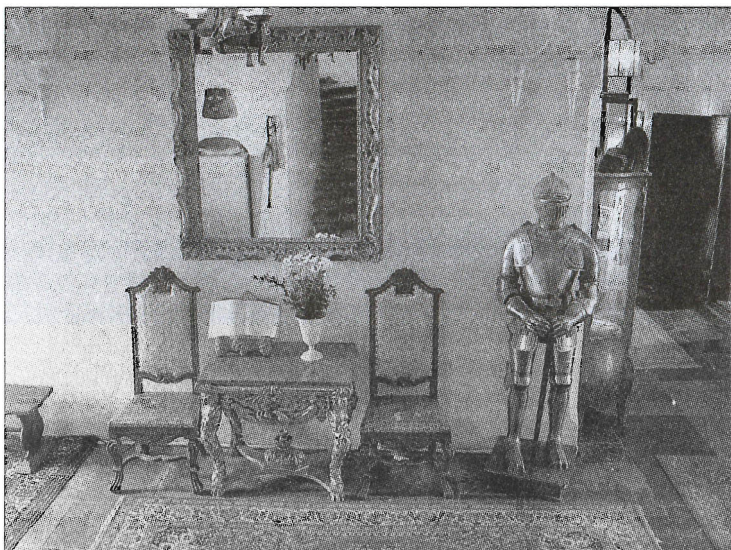

оба украшенные слонами. Если у слона хобот был поднят, в письме содержались хорошие новости, если опущен — плохие.

Супруги Веннер-Грен знали толк в том, каким должен быть настоящий праздник. Маргарита сразу развела три оранжереи, где лично выращивала экзотические цветы — из них потом составлялись огромные букеты, украшавшие подготовленный к торжеству дворец. Росли здесь и персики — довольно редкий фрукт в Швеции тех времён.

Однажды летом (а самые шумные вечеринки обычно проходили именно в это время года) Маргарита решила устроить вечер, окрещённый Балом роз. В Хэринге было тут же доставлено столько цветов, что они накрыли буквально весь дворец — не только сад, но и каждая комната была усыпана ими! Когда гости прибыли, запах роз был столь силен, что праздник пришлось переносить в другое место, а на проветривание помещений ушло почти две недели.

Многие ценности в замке сохранились ещё с Северной войны, когда русские безжалостно разоряли и сжигали всё, что встречалось

Холл Хэринге

на пути на восточном побережье Швеции. Чтобы уберечь предметы старины, их начали свозить в замки, в том числе и в Хэринге. Так, например, здесь появилось изображение на потолке библиотеки, взятое из церкви Орста и пролежавшее в подвалах дворца почти 200 лет.

После смерти Веннер-Гренов большинство предметов домашней утвари были проданы, и, когда замок приобрёл Улле Хартвиг, его встретили пустые стены. По счастью, сохранилось множество картин и фотографий, сделанных при жизни основателя «Электролюкса», и новый владелец, тщательно изучив их, сумел вернуть на прежнее место некоторые произведения искусства, мебель и gobelens.

Хартвиг превратил Хэринге в фешенебельный отель, открытый сегодня как для туристов, так и для желающих провести здесь конференцию или организовать свадебный банкет. В конференц-отеле организуется и активный отдых: прогулки-экскурсии по территории замкового комплекса, катание на исландских лошадках, посещение островов Стокгольмского архипелага, курсы по игре в гольф. Здесь есть теннисные корты, футбольные поля, площадки для игры в шары.

На приамковой территории находится два интересных объекта: Ротонда и Кладбище. У Ротонды, расположенной за бассейном, Веннер-Грен установил бронзовую табличку, на которой выбиты имена всех, кто принимал участие в распространении первой партии товаров «Электролюкс» в США.

Что же касается «кладбища», то его основателем была Маргарита. Детей у супругов не было, и свою материнскую любовь женщина перенесла на милых питомцев — собачек, которых в её жизни было целых 38. Все они захоронены под огромной елью, и место захоронения было хорошо видно из окна спальни Маргариты. Здесь же нашли вечный покой её две ручные косули, одну из которых звали Бемби. Сами супруги Веннер-Грен покоятся на холме недалеко от замка — там же похоронена и сестра Маргариты.

Дворец Хэринге является ярким примером того, как люди незнатного происхождения, получив в своё распоряжение некогда королевский замок, способны устроить в нём поистине царскую жизнь и, не будучи аристократами по рождению, превратить его в настоящее дворянское гнездо...

ДВОРЦЫ СТОКГОЛЬМА

Ещё Юхан III (1537—1592) в одном из своих писем говорил, что рано или поздно Стокгольм будет походить на лучшие немецкие города — и это будет лишь началом, ведь потом шведская столица преобразится в небольшую Италию... Самому королю так и не довелось застать те счастливые времена: при его жизни город напоминал большую деревню, а увидеть в нём что-то королевское могли лишь избранные — те высокопоставленные лица, коим было позволено проживать в одном из ренессансных дворцов XVI в.

Даже в начале XVII столетия, несмотря на то что в Стокгольме начали появляться каменные дома зажиточных горожан, город витал в провинциальной дымке, где нищета была первым, что бросалось в глаза...

В 1634 г. француз Шарль Огье с удивлением отмечал: могущественные дворяне строят себе дома, подобные «простеньким избушкам, что не слишком успешные торговцы да ремесленники возводят в пригородах Парижа». «Синее небо над столом — дабы пауки не падали в тарелки» было единственной роскошью, которую он обнаружил, побывав в гостях у королевских советников.

Всего через несколько десятилетий городу было суждено преобразиться, не сохранив и следа своего тёмного средневекового прошлого. С 1620 по 1660 г. население Стокгольма увеличилось в 4 раза; Королевский дворец Тре Крунур, всё ещё занимавший центральное место в городском пейзаже, окружили величественные каменные дворцы — и о Стокгольме стали говорить как об одном из красивейших городов Европы. Местные дома теперь не шли ни в какое сравнение с немецкими — даже французские здания казались скромными на фоне обновлённой шведской столицы. Если и была страна, архитектура и пышность которой хоть чем-то напоминали Стокгольм, то это была Италия.

В 1634 г. за Стокгольмом было окончательно закреплено право административного центра. Теперь величественный средневековый борг Тре Крунур уже не представлял стратегической ценности: в нём всё чаще собирались видные представители шведского дворянства для обсуждения государственной политики. С появлением Рыцарского дома (Riddarhuset) знать раз и навсегда оказалась связанной со столицей Швеции.

Рыцарский дом

Громкие победы на европейской военной сцене подарили стране невиданные доселе богатства, позволившие горожанам, словно из рога изобилия, одаривать свои дома изощрёнными барельефами и скульптурами и сотворять вызывавшее восхищение внутреннее убранство своих жилищ.

По словам многих, Стокгольм по своей пышности превзошёл сам Рим, некогда бывший столицей мира.

Для подобного процветания требовалась, безусловно, поддержка знати — одного лишь распоряжения короля об улучшении внешнего облика города было, конечно, недостаточно. Потому аристократам стали предоставлять всевозможные привилегии, и в скором времени шведское дворянство «оказалось в цветущем розовом саду».

Результат не заставил себя долго ждать, и Стокгольм моментально превратился в центр торговли с лучшими гаванями в стране. Дворяне начали возводить истинные дворцы — девиз «Для красоты города» быстро стал синонимом блага, и немалое внимание уделялось именно эстетической стороне строительства. Всё, что шло на

пользу аристократам — а ведь возводя новое жилище, они думали о собственной выгоде и удобстве — одновременно становилось украшением города.

Королева Кристина (1626—1689), осознавая взаимовыгоду, нередко даровала земли отличившимся в боях генералам с одним условием: дабы те возвели на них достойный восхищения дворец. Между дворянами началось своего рода соревнование, затянувшееся на весьма долгое время: чей дворец станет красивее и пышнее?

За дворянами по мере сил и возможностей тянулись и горожане, теперь строившие или перестраивавшие свои прежние жилища. По большому счёту, каждое здание нового Стокгольма стало соответствовать бывшему в моде стилю: немецко-голландскому ренессансу. Богато украшенные входы, покрытые каменными орнаментами углы домов — всё это сохранилось в столице Швеции именно с тех времён; достаточно лишь, бродя по улицам Старого города, приподнять голову и на минуту оторваться от ярких витрин модных бутиков.

Одновременно богачи предприняли неслыханную доселе попытку шагнуть за пределы Старого города. Всё поддавалось единому плану: расширить город с помощью ровных улиц, пересекающихся под прямым углом. В одном только Норрмальме все дома более чем 2000 хозяйств были уничтожены, дабы дать пространство новой столице. К слову, отобранных у предместий территорий хватило городу на 250 лет.

Сегодня туриста, пожелавшего увидеть стокгольмские дворцы, отсылают в Старый город и на Рыцарский остров Риддархольмен (Riddarholmen) — на котором каждое здание, за исключением церкви, служило когда-то местом жительства дворян. Сейчас, правда, все эти помпезные дома занимают ведомственные учреждения. К сожалению, фасады почти всех дворцов с той поры претерпели значительные изменения, но во многих всё ещё угадывается прежний блеск.

Одним из первых дворцов, возведённых в Стокгольме в немецко-голландском стиле, стал дворец фон дер Линде (Västerlånggatan, 68) — он был единственным зданием, восхитившим француза Огье в 1634 г.

Дворец фон дер Линде

Естественно, сами стокгольмцы также не могли остаться равнодушными к подобному чуду, и очень скоро о хозяине дворца стали слагать легенды. По мнению горожан, существовало всего три вещи, о которых фон дер Линде категорически отказывался говорить: насколько велики были его морские потери, сколько денег он потратил на собственного сына Ларса и во сколько ему обошёлся дом в центре города.

Богатейший декор украшает, как и было принято, прежде всего вход, окружённый гермами Меркурия и Нептуна — так фон дер Линде напоминал о своих увлечениях морем. Дворец знаменит в первую очередь своим эркером — единственным во всём Стокгольме, сохранившимся с эпохи шведского Великодержавия.

В 1692 г. Никодемус Тессин-младший (1654—1728) купил большой кусок земли напротив Королевского дворца: здесь он задумал возвести свою резиденцию. Дворцы знати того времени зачастую представляли собой самостоятельно функционирующие, независимые единицы, да и стиль, в котором они возводились, едва ли мог похвастать целостностью: нередко строительство начинал один, а завершал другой архитектор.

Тессин же желал создать гармонию дворцовой площади: все дома, находящиеся на территории резиденции Никодемуса, в архитектурном плане должны были подчиняться Королевскому двору. Даже подсобные помещения повторяли монарший двор: здесь были постройки для официальных встреч, конюшня, арсенал — исключением было лишь само жилище архитектора.

При его создании Тессин ушёл настолько далеко от немецко-голландских идеалов, насколько это было возможно, и здесь нас встречает истинный римский дух. В фасаде нет ни одной черты барокко — внешне Никодемусу удалось полностью отразить свою покорность перед королём. Однако внутри, где архитектор уже был наедине с собой, он представил всю подобающую придворному архитектору пышность.

Династия Тессинов подарила Швеции немало прекрасных церквей и замков, среди которых Дроттнингхольм, Королевский дворец, Шё (Sjö), Тидё (Tidö), Мельсокер, Стурефорс, Экольсунд, Стрёмхольм... Тессинам обязаны своим появлением и многие стокгольмские дворцы: Спарре, Стенбок, Боот — все они должны благодарить именно Тессинов за свои благоустроенные жилища.

Очевидно, что возведение дворцов всегда зависело от архитекторов, их создававших, — именно их стили и почерпнутое в других странах вдохновение придало Стокгольму — да и всей Швеции — те разнообразные черты, в которых угадывается влияние Франции, Италии и Германии.

Наряду с Тессинами внешним обликом шведской столицы занималась династия де ла Валле, подарившая городу Рыцарский дом (Riddarhuset), Карлберг и церковь св. Катарины, а родам Рюнинг, Бунде, Оксеншерна, Ноот и другим — дворцы. Загородные резиденции — скажем, Скуклостер, Фихольм, Нэсбю — нередко появлялись благодаря «совместному творчеству» двух архитектурских династий.

Наконец, определяющим внешний облик Швеции начала XVIII в. и основоположником шведского рококо стал архитектор Карл Хорлеман (1700—1753), творивший по всей

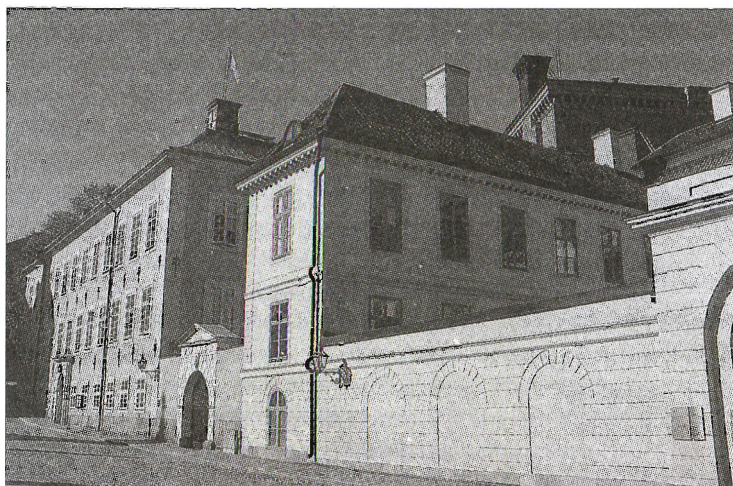
стране и построивший замки Свартсjö (Svartsjö), Фредриксхов, Свиндерсвик, Хёрнингсхольм (Hörningsholm) и многие, многие другие.

Когда жилища богачей перестали помещаться в нынешнем Старом городе, земли стали искать на прилежащем Рыцарском острове, чьей жемчужиной, бесспорно, является построенный на месте дворца Ларса Спарре дворец Врангеля, о котором речь шла выше.

Дворец Ларса Спарре является одним из первых частных дворцов Стокгольма. На подаренной Ларсу самим Густавом II Адольфом земле выросло двухэтажное здание, частью которого была также средневековая оборонительная башня, построенная Густавом Васой и имеющая «двойника» в лице находящейся в 150 м от дворца башни Биргера Ярла.

Вообще многие дворцы Старого города и Рыцарского острова выросли на месте городской стены, прежде окружавшей шведскую столицу.

Один из дворцов рыцарского острова

Стенинге

Один из интерьеров Стенинге

Оранжерея Ульриксдаля

Зал во дворце фон Хальвилов

Типичный вход в один из дворцов
Старого города Стокгольма

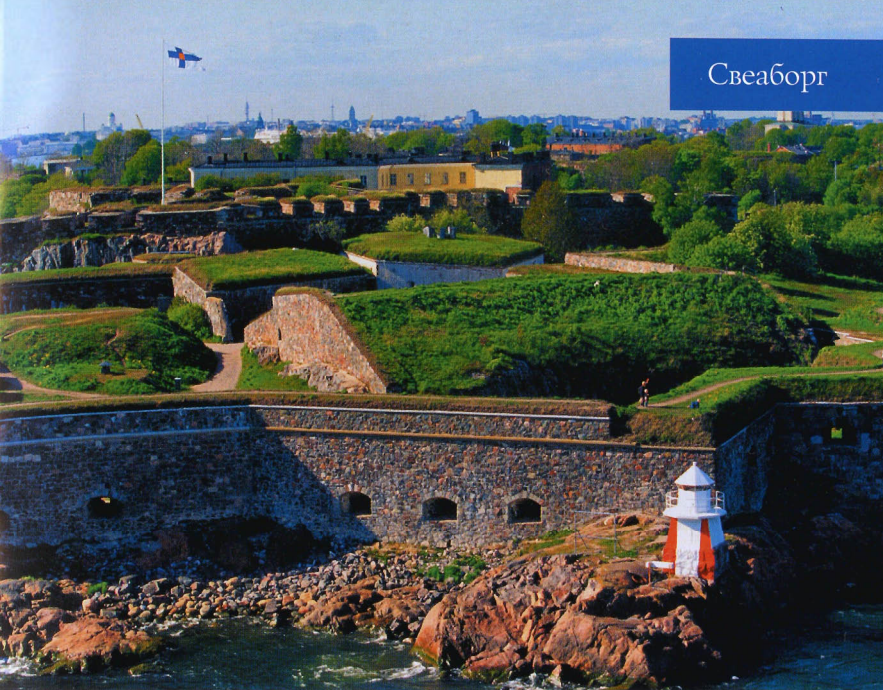
Кастельхолм

Олавинлинна

Сцена одного из оперных спектаклей фестиваля Олавинлинны

Свеаборг

Абоский замок

Винный подвал Хяме

Одна из комнат Лоухисаари

Карл Густав Врангель стал владельцем крупнейшего частного стокгольмского дворца XVII в., щеголявшего террасным двором, захватывавшим даже часть озера Меларен. Но именно эта излишняя пышность доставляла затем немало хлопот потомкам, которым содержание замка обходилось не слишком дёшево. Выход, правда, был найден довольно быстро: предприимчивые наследники не стеснялись сдавать свой дворец в аренду для проведения изысканных торжеств и пиров.

В 1802 г. на Риддархольмене вспыхнул крупный пожар, нанёсший значительные разрушения находившимся там дворцам — в том числе и дворцу Врангеля. Несмотря на то что со временем его частично восстановили, он никогда уже не мог похвастать прежним блеском, а выходящий к воде фасад и вовсе утратил задуманные Карлом Густавом черты.

К югу от Старого города, в Сёдермальме (Södermalm), дворцы начали строить довольно поздно. Эта часть вообще долго не рассматривалась как подходящая для пышных зданий: находившаяся относительно далеко от дворца, она едва ли представлялась привлекательной даже для не слишком удачливых торговцев. Первое здание, имевшее более-менее приемлемый вид, даже не было частным владением — здесь хотели возвести «ратушу южного пригорода». Вскоре не заставил себя ждать и первый частный дворец, известный сегодня как дом Эббы Браге, или дворец Луи Де Геера.

В отличие от хозяев дворцов Старого города или Норрмальма, Луи де Геер (1587—1652) не был ни королевским советником, ни воякой — он был промышленным магнатом и предпринимателем. Владельцу нескольких поместий, ему необходимо было жильё и в столице Швеции, и в начале 40-х гг. XVII в. его первый дом в стиле немецко-голландского ренессанса был готов.

Вообще большинство дворцов Сёдермальма строили предприниматели, а не государственные деятели или вояки. Почти все хозяева первых сёдермальмских дворцов были к тому же родом из Голландии, а потому и в выросших шедеврах преобладал модный в тогдашних Нидерландах стиль — голландское палладианство, а не ренессанс. Удалённость Сёдермальма от центра, вначале являвшаяся не самым положительным мо-

Луи де Геер

ментом в замкостроительстве, со временем оказалась только на руку этой части города: дворцы не превратились в скучные канцелярии — напротив, они прекрасно подходили для дипломатов и послов XVII—XVIII вв., и их внутреннее убранство в целом мало изменялось.

Не успев завершить первый дворец, де Геер принялся за возведение на том же месте второго, но в абсолютно ином стиле. Это был яркий пример того, насколько быстро в те времена менялась

мода: теперь в Европе главенствовал голландский палладианизм, и новый дворец де Геера стал первым в Стокгольме в этом стиле. Правда, насладиться жизнью в шведской столице магнат не успел: в 1652 г. он скончался в Амстердаме, всего через полтора года после того, как его сёдермальмское детище было завершено.

В 1655 г. из Макалёса во дворец де Геера переехала Эбба Браге (1596—1674) — юношеская любовь Густава II Адольфа и вдова Делагарди, с которым у неё было 14 детей. Её пребывание здесь навеивает лишь мрачные воспоминания: не снимая траурного платья после кончины мужа до конца своей жизни, она превратила собственное жилище в обитель скорби: стены всех комнат по её распоряжению покрыли чёрным бархатом. Перед смертью Эбба пожелала, чтобы новый дом впредь наследовался её потомками по мужской линии, но завещание исполнялось только до 1708 г. — тогда здание перестало считаться личной дворянской собственностью.

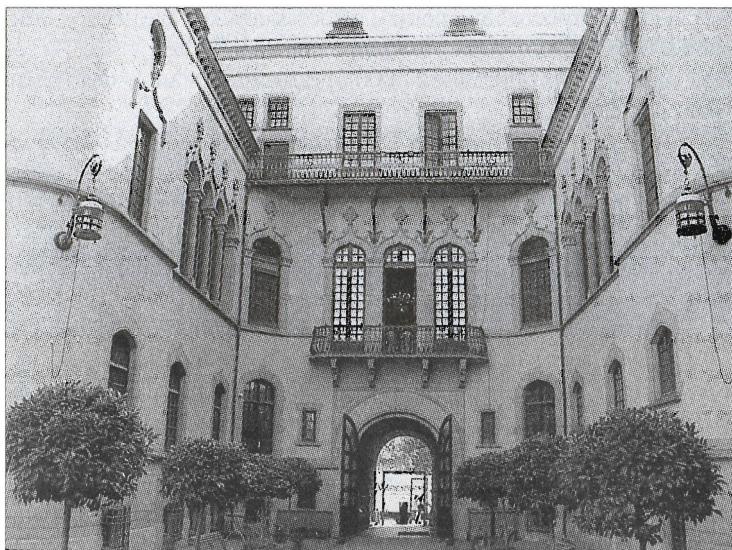
С завершением эпохи Великодержавия настал конец и бурному строительству дворцов. У аристократов уже не было средств на возведение столь же броских домов, как прежде, и на их место

пришли менее притязательные по своему внешнему виду усадьбы на окраинах Стокгольма, примером которых может служить Кристинеберг со своим фасадом в стиле рококо.

Безусловно, резиденции типа Кристинеберга могли себе позволить лишь очень зажиточные люди, но финансовые возможности этого поколения не шли ни в какое сравнение с могуществом и богатством его предшественников. Отдельные здания, напоминающие дворцы, строились всё реже. Ярким примером дворцовой архитектуры Стокгольма конца XIX в. считается дворец четы фон Хальвилл напротив парка Берцелиуса.

Дворец, построенный в 1893—1898 гг. как жилище для графа Вальтера фон Хальвила и его супруги Вильгельмины, был одним из самых дорогостоящих проектов частных лиц Швеции на рубеже веков. К архитектору предъявлялось всего три требования: дворец должен был служить домом для супружеской пары, в нём должен был находиться кабинет, дабы граф мог продолжать работать, и в нём должно было быть достаточно пространства для богатой коллекции графини. Вильгельмина была большим знатоком искусства

Дворец фон Хальвиллов

и покупала множество ценных вещей в своих поездках по Европе, Африке и Востоку — картины и скульптуры, антиквариат, оружие, столовое серебро — всё, что только можно было приобрести (в основном на аукционах Bukowski).

Что же касается материала и стиля, то тут архитектору предоставлялась полная свобода выбора. Результат его творения получился впечатляющий: 40 комнат и кухня, да к тому же все возможные достижения техники, какие только можно было себе представить. Центральное отопление, электрическое освещение, телефон, холодильник, горячая вода, ванная и даже лифт — вот лишь несколько примеров того, что превращало резиденцию фон Хальвилов в сверхсовременный дворец. Во дворце имелся также кегельбан и «машина для мороженого». На кухне было три крана: с горячей, холодной и дождевой водой — последняя собиралась в огромный резервуар и поступала затем в кран, когда слуги должны были мыть посуду.

С самого начала фон Хальвилы решили превратить свой дом в музей, и о том, как за ним необходимо следить, подробно указано в завещании графини. Чтобы облегчить труд музейных работников, Вильгельмина с первых дней решила записывать каждый предмет — да не просто нумеровать, а составлять его подробное описание. Результатом каталогизации, занявшей 57 лет, стало 78 томов, содержащих описание 57 000 предметов. Вот лишь некоторая часть коллекции:

— 412 картин, из которых 160 принадлежат кисти голландских и фламандских мастеров XVI—XVII вв. В картинной галерее представлены также полотна художников, не выставленных более нигде в мире, что делает всю коллекцию живописи уникальной;

— около 800 предметов столового серебра из Швеции, Германии, Голландии, Швейцарии и Норвегии;

— 66 тканых покрывал.

Сколько же всего дворцов насчитывается в сегодняшнем Стокгольме? Их как минимум 32, и большинство сосредоточились, разумеется, в самом сердце шведской столицы — в Старом городе и на Рыцарском острове. К сожалению, многие дворцы уже лишлись прежнего блеска, и угадать их можно только по статным фасадам: например, дворец Петерсена (Munkbron, 11/Lilla Nygatan), где расположен ресторан «Аврора», дворцы Акселя Оксеншерны (Storkyrkobrinken, 2) и Бунде (Riddarhustorget, 8).

Коллекция графини Хальвил

От Королевского дворца открывается чудесный вид и на другие хоромы XVII в., окантовывающие площадь Густава Адольфа. В двух шагах от Старого города в бывших дворцах расположились масоны (дворец Боота, Blasieholmsgatan, 6) и гостиница КАК (дворец Болиндера, Södra Blasieholmshamnen) — перечислять стокгольмские дворцы можно долго... Мы же обратимся к замкам другого рода — тем, что размещались в предместьях города и составили золотое кольцо Швеции — это замки озера Меларен.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО ШВЕЦИИ: ЗАМКИ ОЗЕРА МЕЛАРЕН

Своеобразным Золотым кольцом Швеции принято считать расположившиеся на озере Меларен 17 замков: Свартшё (Svartsjö), Йёрвэльн, Русерсберг, Скуклостер, Упсальский замок, Вик, Грёнсё (Grönsö), Энгсё, Вестерос, Стрёмскольм, Сундбюхольм, Фихольм, Мелсокер (Mälsåker), Грипскольм, Таксинге-Нэсбю, Стурехов, Экебю (Ekeby). Все эти замки открыты для посещения групп, а порой

и для отдельных туристов; добраться до них можно и по суше, и по воде — ведь в большинстве случаев несколько веков назад водный путь был самым быстрым и надёжным способом приехать в замок.

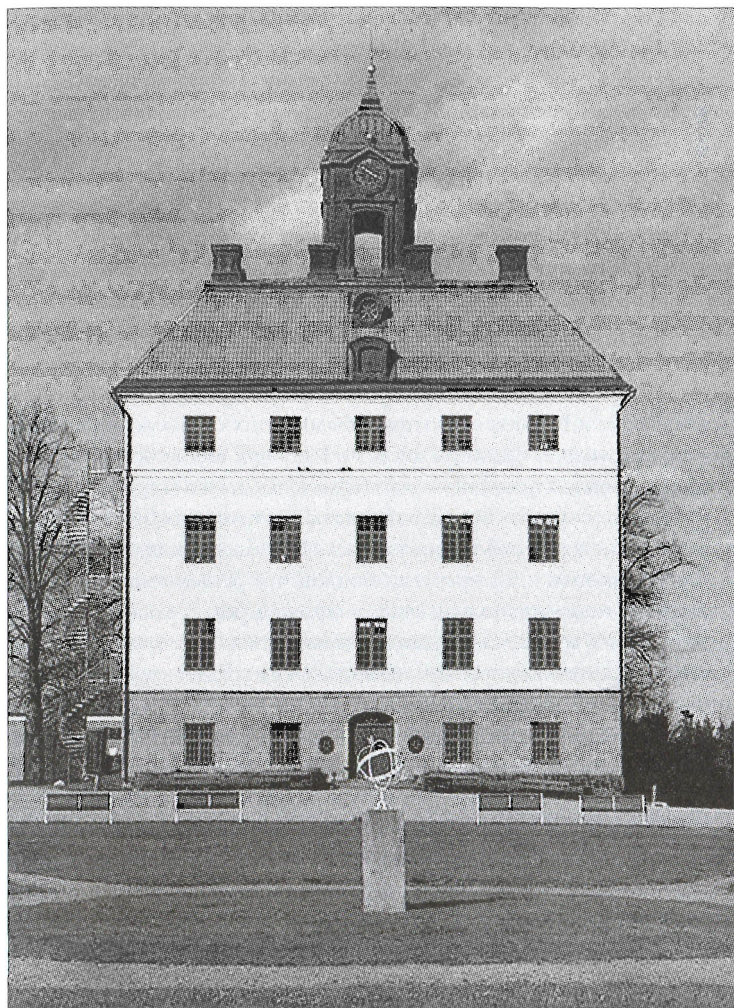
Все замки озера Меларен — это настоящие культурные сокровищницы, как королевские, так и частные, уместённые в музейные помещения и гостиничные комплексы. Расстояние между самым восточным замком — Королевским дворцом — и самым западным в регионе Меларен, Стрёмсхольмом, — всего около 150 км.

Энгсё — место обитания привидений

На фоне других шведских дворцов Энгсё кажется очень невзрачным кубическим четырёхэтажным зданием. Никаких мощных башен, никаких изящных шпилей, ни роскошных входных лестниц, ни призамкового дворика — ничего, что бы могло напомнить о сказочном замке. Несколько аляповато вписанный в пустынную местность куб, Энгсё всё же кое-чем выделяется: своей пестротой, простотой и недостроенностью, как это кажется на первый взгляд. И привидениями. Огромный парк, раскинувшийся перед венчающим его замком, привлекает к себе внимание за несколько километров до него. Внутри же поражает внушительная коллекция портретов, среди которых можно отыскать короля-воеводу Карла XII и графа Густава Морица Армфельта.

Первые упоминания об Энгсё относятся к 1185 г., но упоминания эти в основном лишь мимолётны и незначительны: король Кнут Эрикссон пишет в 1185 г. о том, что он жалует территорию Энгсё братьям Юлитского монастыря (Julita) и что до этого земля принадлежала его отцу, Эрику Святому. От юлитских братьев Энгсё перешёл монашкам Рисебергского монастыря (Riseberga), которые вскоре передали владение рыцарю Греггеру, будущему Спарре. Род Спарре будет владеть замком вплоть до 1710 г., и самые первые значительные изменения как во внешнем, так и во внутреннем убранстве замка будут произведены именно при Спарре, в 1630-х г. Но при Спарре случится и первый период упадка Энгсё.

Энгсё

Как выглядели первоначальные строения, никто не знает, но в 1480-х гг. Бенгт Фадерссон Спарре возвёл здесь укреплённое каменное здание, части которого входят в современную постройку. Оно было оккупировано шведскими войсками во время освободительного

движения Густава Васы, и после победы последнего над Кристианом II (1481—1559) Энгсё делился, по большому счёту, между тремя родами: Тролле, Поссе и Спарре. Однако сегодня, принимая во внимание общую временную протяжённость владения замком, принято говорить о двух эпохах Энгсё: периоде Спарре и периоде Пипер — именно эти две династии внесли наибольший вклад в развитие замка.

С незапамятных времён до 1691 г. владельцы Энгсё обладали собственным судом, называемым «судом шеи и рук», — возможностью приговаривать к тюремному заключению, обвинять и наказывать своих подчинённых. Такое местное самоуправство существовало во многих шведских поместьях, но где и когда возникло это явление в Швеции, пока не установлено. Известно лишь, что подобная юрисдикция родом из Средневековья, из тех времён, когда королевская власть была довольна слаба. В Швеции это право было распространено не так сильно, как в соседней Дании, и шведский монарх всегда оставался высшей судебной инстанцией — хотя были и исключения.

«Суд шеи и рук» Энгсё охватывал значительно большую территорию, нежели собственно замок. На заседаниях присутствовал чтец законов и 12 крестьян-бондов, чьё решение подчинялось желаниям владельца замка, выступавшего в роли судьи. В Энгсё не принималось во внимание даже мнение епископства или его величества, что, естественно, было изменено, как только «суд шеи и рук» прекратил своё существование.

Как странно это ни покажется, но хозяин Энгсё принимал решения о помиловании или казни человека вплоть до 31 ноября 1691 г.! Карл XI находил данные привилегии недопустимыми, «абсолютно не согласующимися с общепринятыми законами, действующими во всей стране», а потому приказал провести расследование и выяснить, почему хозяин Энгсё наделялся такими исключительными полномочиями. Выводы комиссии оказались малоприятными для владельцев замка: подобное самоуправство не имеет под собой никакой правовой основы, а появилось оно здесь лишь благодаря благосклонности монархов.

В 1710 г. замок Энгсё купила Кристина Тёрнфлюхт — жена Карла Пипера, в тот момент находившегося в плену у Петра I в России. Кристина, правда, не прожила и дня в новом имении, но всё же спустя 20 лет сделала его родовым наследственным имуществом. Уже её сын, Карл Фредрик Пипер (1785—1859 гг.), провёл

здесь обширную реставрацию и придал замку тот вид, что он имеет сегодня. Новый этаж, два садовых флигеля и новое двухэтажное жилое помещение — всё это появилось благодаря Карлу Фредрику. Он организовал также и большую библиотеку, основная доля книг в которой была посвящена истории.

Счастливая и беззаботная жизнь в замке кончилась в 1756 г., когда зять Карла Фредрика Эрик Браге был обезглавлен. Карл Фредрик был настолько возмущён, что в тот же год отказался от всех своих должностей и переехал в Крагехольм, где вместе с матерью провёл остаток жизни.

Энгсё оставался пустым, пока в него не переехал младший сын Карла Фредрика с женой Эвой Софией фон Ферзен, следуя завещанию своей бабушки, пожелавшей превратить замок в родовое гнездо.

Как и при Спарре, Энгсё недолго простоял красивым и обновлённым: в конце XVIII в. София фон Ферзен-Пипер наложила контрибуцию на эти земли, чтобы выплатить свои игорные долги, — и в то же самое время род Пиперов потерял интерес к этому имению.

В самом начале XIX в. Энгсё снова находился в плачевном состоянии, и местные жители стали называть его руинами, однако постепенно замок всё же привели в порядок и даже какое-то время проживали в нём. Замок по-прежнему принадлежит Пиперам, но в 1959 г. семья переехала в построенный поблизости каменный флигель, а шестью годами позже Энгсё был объявлен архитектурным памятником. Сейчас здесь расположен музей, в котором среди экспонатов нашли место и несколько привидений.

Ещё в Энгсё есть два предмета, вызывающие интерес всех, кто верит в потусторонние силы, — это золотая цепочка и заколдованный камень.

Вообще простой люд издревле связывал холодные и необитаемые замки с потусторонними силами, что вполне естественно, поскольку жизнь дворян всегда оставалась загадкой, а в их обители нередко случались страшные убийства. Сама же знать начала усиленно населять свои имения разного рода призраками и духами с развитием романтизма и тесно связанного с ним мистицизма.

Рассказывают, что однажды последний владелец замка из рода Спарре, Юхан Сигизмунд (1661—1731), никак не мог заснуть и бродил по пустому замку в поисках кого-нибудь, кто мог бы составить ему компанию в игре в кости. Не выдержав, он закричал: «Неужели здесь и правда нет никого, кто хотел бы сыграть со мной? Кто бы ты ни был, друг или враг, — да хоть сам дьявол — только приходи!» Едва он успел произнести эти слова, как в дверях появилась фигура в чёрном. Без единого звука незнакомец сел за стол и достал кости.

Юхану Сигизмунду неизменно везло, но в мёртвой тишине, нарушаемой лишь ударом костей о стол, он не чувствовал радости. Наконец, незнакомец поднялся, бросил золотую цепочку на стол и произнёс: «Она твоя. Ты выиграл её. Но запомни: никто не должен носить эту цепочку, кроме хозяина замка Энгсё. Если же её вынесут отсюда, огонь поглотит эти стены».

С тех пор золотая цепочка так и хранится в замке. Каждый раз, когда она покидала Энгсё, в нём возникал пожар, причину которого не удавалось установить. Техника исполнения цепочки необычна, если не сказать уникальна, — истинное чудо кузнеческого мастерства. На замочке выгравированы буквы ASVP, однако никто точно не знает, что они означают. Проводившиеся экспертизы не смогли также установить, где и когда она была сделана — её происхождение остаётся загадкой...

Другой загадочный предмет — это колдовской камень, хранящийся в церкви Энгсё. Согласно преданию, он прежде лежал в подворье Рюссбу (что, к слову сказать, переводится как «Русское поселение»), жители которого постоянно страдали от всякого рода неприятностей. То на скотину нападал мор, то люди начинали беспричинно умирать, то был неурожай, в то время как окрестности буквально изобиловали зерном и овощами.

Причину всех неурядиц видели в крутом сером камне, до которого долгое время никто не осмеливался дотронуться. Но вот как-то раз измождённые жители Рюссбу докатили камень до ближайшего залива, перевезли его подальше от берега и выбросили в воду. Однако, как и следовало ожидать, на следующий день камень находился на своём прежнем месте.

Единственным выходом для местного населения оставалось лишь отнести камень в церковь, где его колдовские способности

будет подавлять «священная божья сила». До сих пор камень лежит там, где его оставили, но, по словам многих, он по-прежнему наделён страшным даром: того, кто прикоснётся к нему или его передвинет, в скором времени встретят тяжёлая болезнь или насильственная смерть.

Мельсокер — пышность в стиле барокко

Отсчёт истории Мельсокера принято вести с 1670-х гг., когда его владелец, риксрод и придворный маршал Юхана III Густав Сооп (1624—1679), чей прадед приобрёл усадьбу в 1608 г., поручил архитектору Никодемусу Тессину-старшему модернизировать «старый каменный дом» — то есть перестроить его в стиле барокко. Другими словами, замок вырос не на пустом месте, однако никаких сведений о его предшественнике, по большому счёту, не сохранилось. Известно лишь, что в XV—XVI вв. он находился во владении знатных господ, таких как «благородный вельможа Кагг».

Для Густава Соопы, ставшего впоследствии одним из влиятельнейших людей Швеции, обладавшим почти 1 % шведских земель, Мельсокер имел особое значение: здесь он родился и вырос, а потому превращение дома детства в шикарный замок было для Густава делом чести.

С внешними преобразованиями архитектор Тессин-старший управился довольно быстро: уже через два года были начаты интерьерные работы, на которые, кстати, привлекли далеко не самых худших мастеров — в частности, итальянца Карло Карове (? —1697), занимавшегося также отделкой Ульриксдаля и Дроттнингхольма. Выбор таких специалистов был, в общем-то, очевиден: Густав являлся приближённым лицом вдовствующей королевы Хедвиги Элеоноры (1636—1715), которая как раз в то время активно занималась постройкой двух дворцов — Дроттнингхольма и Стрёмсхольма, полностью доверившись вкусу Тессина-старшего и Карове.

Под руководством мастеров такого уровня замок Мельсокер был готов уже в 1679 г. — в тот самый год, когда на пике своей

карьеру Густав Сооп скончался. Замок перешёл сначала к дочери Густава, а затем к его внучке, вышедшей замуж за графа Ханса фон Ферзена и родившей от него сына Акселя, который затем владел Мельсокером целых 58 лет.

За это время замку были преданы черты рококо, однако Аксель не слишком много времени проводил в своей резиденции, а потому изменения были очень незначительные. Верхний этаж, к примеру, оставался вообще нетронутым вплоть до XIX в., когда род фон Ферзенов обанкротился и был вынужден продать замок. К сожалению, последующих владельцев не особенно интересовала судьба Мельсокера, со временем пришедшего в полное запустение.

Единственным, кто за все эти века сделал для дворца хоть что-то, был Оке Шёгрэн, купивший Мельсокер в 1898 г. Известный ловелас, посредством удачного брака оказавшийся родственником Нобелей, он провёл в своё владение электричество, воду и центральное отопление, в то время как в крупнейшем соседнем городе — Стрэнгнэсе (Strängnäs) — всех этих благ ещё не было. Но и здесь дворцу не повезло: уже в 1916 г. Шёгрэн был вынужден продать своё многократно перезаложенное жилище.

Было в несчастливой судьбе Мельсокера и другое событие, которое никак нельзя обойти вниманием. В 1943 г. замок с прилегающей территорией был выкуплен норвежским правительством, находившимся в эмиграции в Лондоне, якобы для основания здесь полицейской академии. Однако на самом деле тут шла активная подготовка тысяч норвежских пехотинцев — и это при том, что во время Второй мировой войны Швеция сохраняла нейтралитет!

Надо сказать, что нейтралитет Швеции был несколько своеобразен, о чём впоследствии не раз говорили в Европе — в частности, страна поставляла Германии ценнейшую железную руду, пропустила целую немецкую дивизию (около 18 000 человек), следовавшую из Норвегии в Финляндию, и согласилась на то, что немцы будут перевозить солдат-отпускников по шведским железным дорогам — в целом Швецию пересекало более двух миллионов немецких солдат.

Мельсокер

Но то, что на территории страны находилось около 15 000 солдат норвежской армии, долгое время держали в строжайшем секрете. Мельсокер был лишь одним (но самым роскошным) из более чем 20 мест центральной Швеции, где шведские военные и полицейские размещали и обучали норвежских беженцев, готовя тех оказать сопротивление или стать солдатами.

Эта «забытая армия», как называли норвежских военнослужащих в Мельсокере, не слишком стремилась без надобности почувствовать все тяготы солдатской жизни. Одно из благ цивилизации, в которых те никак не хотели себе отказывать, было тепло.

Согласно последним исследованиям, 24 января 1945 г. замёрзшие беженцы слишком усердно пытались растопить находившиеся в замке печи — труба не выдержала, и чердачное помещение Мельсокера загорелось. Старые несущие обвалились, и кирпичный пол чердака обрушился, уничтожив при этом уникальную роспись Карло Карове парадного зала верхнего этажа. Других повреждений причинено не было, однако после этого события замок несколько лет простоял фактически без крыши, что нанесло ему гораздо больший ущерб, нежели пожар.

Сильно разрушенный, но всё же в довольно хорошем состоянии по сравнению с другими страдавшими от пожаров замками, Мельсокер был передан государству, которое отныне вынуждено заботиться о культурном наследии Швеции.

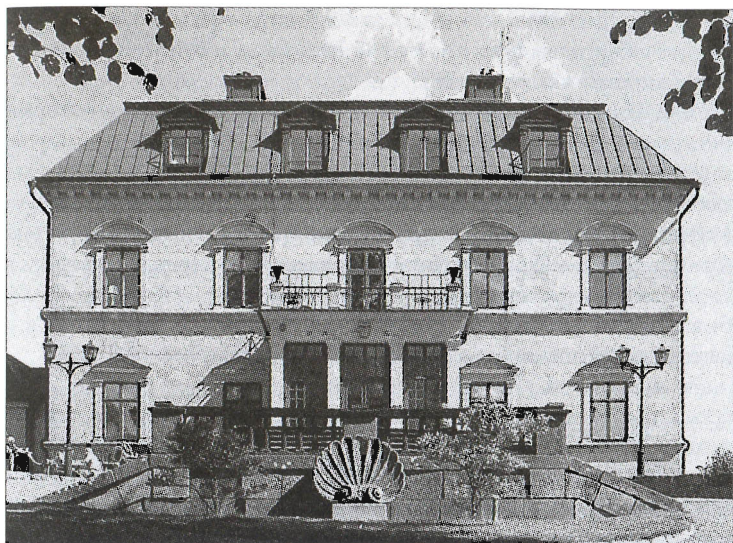
В 1993—1997 гг. в замке началась обширная реставрация, направленная в том числе и на восстановление бесподобных росписей Карло Карове. Вообще же дворцом занимались безработные строители, которых предварительно долго обучали традиционной манере работы — тем самым хотели достичь правдоподобности в приближении облика Мельсокера к его первоначальному виду.

В 2006—2007 гг. Мельсокер попал в программу Евросоюза по восстановлению уникальных архитектурных памятников, и на его реставрацию было выделено 65 миллионов крон (около 260 млн рублей). Реконструкция ведётся до сих пор, превратившись из кропотливой монотонной работы в захватывающую туристскую «заманку». Сейчас замок, как и 400 лет назад, снова выглядит как один из прекраснейших дворцов Швеции эпохи барокко, и ничто не напоминает о неудачных сменах владельцев и периодах взлётов и падений.

Йорвэльн

Расположенный на берегу озера Меларен, Йорвэльн объём хранящие в себе историю четырёх веков строения, главным из которых стал, безусловно, сам замок — единственное в Швеции здание XVII в. с фасадом из готландского песчаника.

История Йорвэльна начинается в 1478 г., когда рыцарь Нильс Фадерссон даёт согласие на земельный обмен с архиепископом Йонсом Бенгтссоном Оксеншерной (ок. 1417—1467) — последний стал новым хозяином этого края и тотчас же включил его в епископские владения Стэкет (Stäket). Конец этому положил Густав Васа, провозгласивший церковные земли коронными, — и уже его сын Юхан III дарит Йорвэльн итальянскому вельможе Антониусу де Пальма в знак благодарности за то, что тот девятью годами ранее сопровождал супругу Юхана Катарину Ягеллонику в её долгом пути из Польши в Швецию.

Йорвэльн

Сын де Пальмы был не столь восхищён королевским подарком, как Антониус, и продал имение Сванте Бьелке, который в год покупки — в 1605 г. — построил здесь усадьбу, прозванную в народе «большим красным домом». После смерти четы Бьелке Йорвэльн перешёл к внучке Сванте, 11-летней Эльзе Элисабет Браге (1629—1653), в 16-летнем возрасте ставшей женой графа Эрика Оксеншерны, хозяина замка Тидё (Tidö). Именно этой девушке предстояло стать строителем того дворца, что мы видим сегодня. Собственно, инициатором изменения внешнего облика Йорвэльна выступил Эрик, нанявший даже архитектора Жана де ла Валле, но внезапно скончавшийся ещё до того, как были затеяны строительные работы.

Строительство, начавшееся в 1659 г., продолжалось всего 2 года: вдова с пятью детьми Эльза испытывала серьёзные экономические трудности. Спасением в какой-то мере оказалось новое замужество Эльзы — очередным избранником стал пфальцуский граф и герцог Стегеборгский Адольф Юхан, брат только что скончавшегося короля Карла X Густава. На практике именно Адольф Юхан взял ответственность за Йорвальн, и замок был завершён к 1675 г.

Правда, здание оказалось не столь элегантным и пышным, как планировалось изначально, но главная цель была достигнута — он получил «крышу над головой»!

С XVIII в. Йорвэльн неоднократно менял владельцев, которые построили здесь дополнительные флигели. Хорошим примером служит флигель Сульбака, возведённый в 1928—1929 гг. Он был построен для многочисленных гостей дочери видного чиновника Мауритца Салина и её супруга — генерала и адъютанта Торстена Фрииса (1882—1967). Летними вечерами чета любила собирать в своём замке множество друзей — и сам король Густав VI Адольф бывал тут частым гостем. Именно для того, чтобы разместить всё высшее общество, и была создана новая пристройка.

В 1967 г. Йорвэльн был выкуплен одной из шведских коммун, и здесь был открыт ресторан, кафе, конференц-отель и банкетный зал. Провести незабываемый романтический уик-энд в одной из 24 комнат гостиницы или же заказать гольф-пакет на выходные, насладиться SPA-процедурами или изысканной кухней лучших поваров Швеции — среди предложений Йорвэльна каждый может найти себе что-то по вкусу! И всё это при том, что отель расположен всего в 25 км от центра шведской столицы!

Стенинге — лучшее творение Тессина-младшего

Недалеко от маленького шведского городка Сигтуна расположился, пожалуй, самый элегантный дворец конца XVI в. — Стенинге, по каким-то причинам пока ещё не отнесённый к лучшим замкам озера Меларен. Земля, где сегодня стоит замок, принадлежала когда-то некой Беате фон Икскуль, чей младший сын, Карл Гилленшерн (1649—1723), унаследовал эти края после её смерти.

Когда мальчику было 19 лет, его отдали камергером вдовствующей королеве Хедвиге Элеоноре (1636—1715). Это был невероятно важный пост, в немалой степени способствовавший быстрому карьерному росту молодого человека, к 30 годам уже следившего за состоянием всех придворных владений, а семью годами позже ставшего графом и членом королевского риксрода.

Молодой преуспевающий (да к тому же ещё и очаровательный!) граф без труда вошёл в круг приближённых особ королевы, и, когда Карл задумал строительство замка Стенинге, Хедвига Элеонора проявила огромный интерес к его планам и пожелала лично следить за каждым шагом строительства. Злые языки долго поговаривали об их романе, однако каких-либо явных доказательств этому нет. Правда, дополнительным поводом для сплетен явился построенный тайный ход, ведущий от замка Гилленшерны прямоком к флигелю королевы.

Итак, Хедвига Элеонора решила принять самое непосредственное участие в строительстве нового Стенинге. Сначала она обратилась к своему придворному архитектору Никодемусу Тессину-старшему, однако нашла его идеи слегка устаревшими, и за дело взялся его сын, только-только закончивший обучение в Италии и Франции, а потому точно знавший о самых последних новинках стиля рококо. Хедвига Элеонора не жалела средств на помощь своему любимчику, и на возведение пышного дворца были призваны чернорабочие и солдаты из разных провинций Швеции.

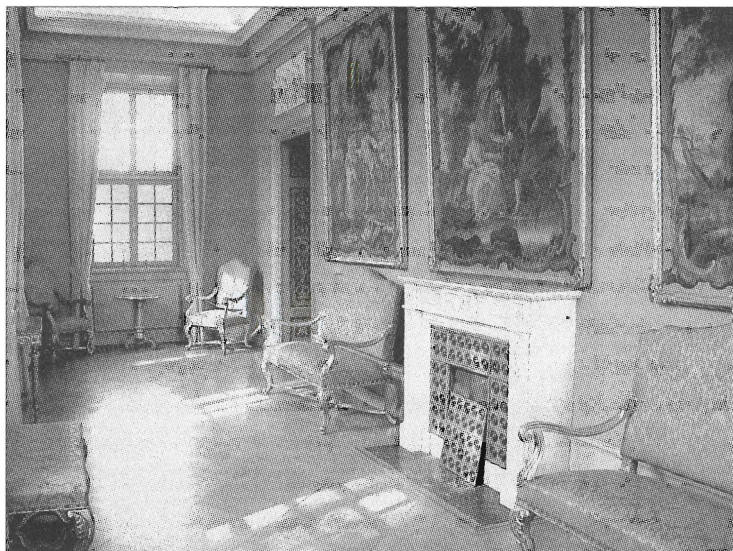
Стенинге

Вдохновлённый своим первым большим проектом, Тессин-младший сумел создать один из прекраснейших и элегантнейших дворцов барокко, какие когда-либо строились в Швеции. За образец был взят возведённый в 1661 г. около Парижа усадьба-дворец Во-ле-Виконт с симметричной планировкой и огромным салоном посредине.

Конечно, Стенинге значительно уступал своему прообразу, однако превосходство французского идеала выражалось только в его размере: в притязаниях на пышность шведский замок составил достойную конкуренцию французам. Что касается внешнего облика, то Тессину-младшему удалось органично совместить итальянскую виллу с французской усадьбой.

Подготовка к своеобразной инаугурации дворца в 1706 г. началась за 3 месяца до его завершения (хотя некоторые комнаты были полностью закончены лишь 200 лет спустя). Было привезено 56 апельсинов — невиданная по тем

Одна из комнат дворца Стенинге

временам роскошь, ведь один такой фрукт соответствовал двухмесячной зарплате слуги.

Но Карл Гилленшерна, как и все представители этой фамилии, был равнодушен к пышности и блеску: скажем, в Овальном салоне Карл велел сделать огромные окна —

в те времена стекло было чрезвычайно дорогим, и окна такого размера было прямым свидетельством богатства (в этом же зале находится несколько скульптур, завершённых лишь в начале XX в., когда те, по некоторым свидетельствам, стали невероятно походить на знатных стокгольмских дам).

Карл не побоялся даже знаменитой редукции нового монарха Карла XI, во время которой многие дворяне стремились особо не демонстрировать своё состояние, дабы не быть лишёнными его. Но Гилленшерна, пользуясь любовью двора, бесстрашно заказал в 1700 г. две огромные серебряные люстры для своего салона, одну из которых он, правда, позже пожертвовал церкви Уденсала (Odensala). Там люстра находится до сих пор, сопровождаемая маленькой серебряной табличкой с проклятием, которое якобы настигнет каждого, кто задумает убрать отсюда столь ценный дар.

К открытию резиденции у Кунгсхольмского стекольного завода был заказан также специальный сервис с богатой гравировкой — это первый сделанный в Швеции цельный сервис, содержащий различные виды стаканов. В XVII и XVIII вв. зачастую использовали один и тот же кубок для разных вин, подававшихся за ужином. Посуду просто ополаскивали в стоящем тут же чане с водой, и лишь к концу XIX в. разнообразные типы бокалов стали повсеместным явлением в Швеции. Другим дорогим подарком на инаугурацию стали стоящие сегодня при входе две урны, подаренные самой Хедвигой Элеонорой.

Считается, что к тому моменту, как замок был завершён, вдовствующая королева немного устала от романа с Карлом Гилленшерной, а потому начала подыскивать ему подходящую супругу. Сам Карл уже имел печальный опыт сватовства: в молодости он просил руки дочери графа Магнуса Габриэля Делагарди Хедвиг Эббы (1659—1700), однако получил вежливый отказ. Теперь, в 1706 г.,

57-летний Карл заинтересовался другой кандидатурой: вдовой Анной Марией Сооп (1660—1735), чьей наиболее привлекательной чертой был её экономический статус.

Уже немолодые люди заключили союз, и свадебным подарком избраннице стал замок Стенинге. Сегодня многие бы позавидовали такому щедрому подношению, однако в те времена вместе с замком суженой доставались и долги от его строительства. Правда, для вновь созданной семьи подобные расходы оказались не слишком велики. Стенинге превратился в летнюю резиденцию; основным же местом жительства был выбран другой замок — Мельсокер, доставшийся Анне Марии от отца.

После смерти четы Стенинге перешёл к зятю Анны Марии, графу Хансу фон Ферзену (1683—1736), чья жена позже превратила замок в наследственное имущество. У Ферзенов имение оставалось вплоть до 1867 г.

Пожалуй, самым знаменитым владельцем замка стал Аксель фон Ферзен (1755—1810), известный своим романом с французской королевой Марией Антуанеттой (1755—1793). После того как королевская чета была казнена в 1793 г., Аксель вернулся в родную Швецию и поселился в Стенинге, где, вдали от стокгольмских сплетен и рассказней, он обрёл тишину и покой, полностью предавшись размышлениям и воспоминаниям о единственной женщине, которую, по его собственным словам, он любил всю свою жизнь.

В своём дневнике (а это 20 000 или, в сокращённой версии, 600 страниц) он писал, что Стенинге, храня память о днях Гилленшерны и Хедвиг Элеоноры, как нельзя лучше напоминает ему о дружбе с французской королевой.

Когда Ферзен был жестоко убит в Стокгольме, его сестра София Пипер перевезла его тело в Стенинге, где оно пролежало в ожидании похорон почти 4 месяца. В романтически-английском парке, заложенном в конце XVIII в., сегодня стоит возведённый в 1813 г. монумент в готическом стиле в память о несчастном Акселе.

После смерти последнего представителя рода Ферзенов замок сменил несколько владельцев, прежде чем в 1997 г. оказался в руках норвежской пары Линн и Атле Брюнестада, проявившей интерес к захватывающей истории дворца и пожелавшей сохранить его в наилучшем виде. Тогда же Стенинге превратили в музей и открыли для посетителей.

Глава III.

ЗАМКИ И КРЕПОСТИ ФИНЛЯНДИИ

Археологические находки свидетельствуют о том, что первые стычки за финские края, особенно за территории саамов, между двумя государствами-княжествами — Швецией и Новгородом — начались ещё в период раннего Средневековья: чем иначе может быть объяснено скопление форнборгов, обнаруженных в областях Тавастии (Хяме) и Варсинайс-Суоми, — Хакостаро, Линнамьяки, Капатуоси и Линнавюри?

С чем были связаны эти самые первые споры — неизвестно: картина проясняется лишь к XII в., когда появляются первые достоверные сведения о финляндских землях: именно в это время сюда начали совершаться Крестовые походы из Швеции.

В принципе небольшие колонии шведов здесь уже существовали (первые набеги под знаменем Христа осуществлялись в XI в.), и Крестовые походы были вызваны скорее желанием приобщиться к европейской культуре, где крестоносцы были явлением вполне обычным и популярным, нежели стремлением привнести в финские земли христианство.

Тем не менее, укрепив мелкие поселения и покорив провинцию Тавастию (Хяме), охватывавшую значительную часть южной Финляндии, шведы незамедлительно основали здесь Тавастгусский замок. Это стало первым громким заявлением шведов о своих притязаниях на территории финнов.

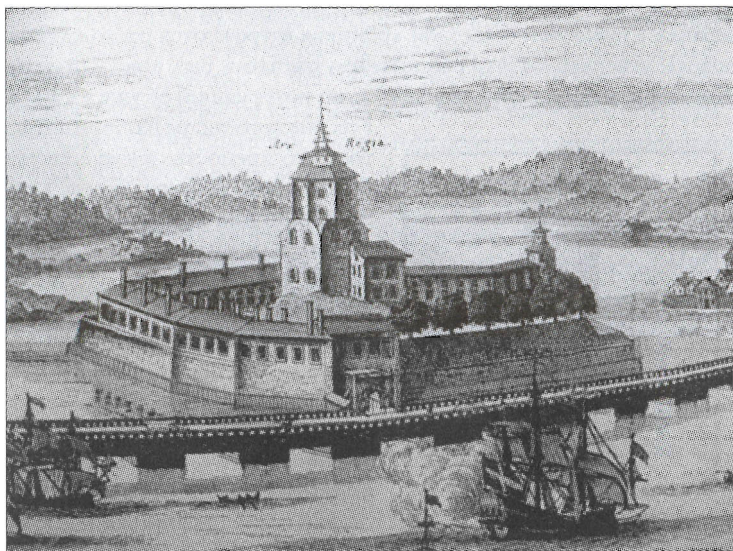
Новгородское княжество также имело виды на Тавастию: вплоть до середины XII в. в этих финских краях православный мир усматривал некоторый дополнительный противовес Римско-католической церкви, а потому всеми силами пытался утвердить здесь своё, «правильное» христианство. Однако шведы проявили на редкость большое упорство и активность, и уже в 1284 г. шведский король Магнус назначил брата Бенгта (1254—1291) герцогом Финляндским, что красноречиво говорит о том, насколько интегрированной оказалась эта земля в Шведское королевство.

Походы шведов носили не только религиозный характер: их страстным желанием было окончательно вытеснить новгородцев с восточного побережья Финского залива и завладеть, тем самым, важным торговым путём. В течение столетия шведы захватывали всё большие территории, и к концу XIII в. под властью шведов оказалась юго-западная Карелия.

Первым делом скандинавы основали здесь новые административные центры — замки Турку (Або), Тавастехус (Хяме) и Кустё (Куусисто). С появлением в 1293 г. Выборгской крепости между Швецией и Русью (первоначально Новгородом, а затем и Московским княжеством) развернулась настоящая борьба за власть над Балтийским морем. Уже самые первые борцы начали многолетнюю гонку, сводившуюся лишь к одному: кто построит больше укреплений.

Будучи в составе Швеции, Финляндия не могла защищать собственные границы, и это бремя легло на плечи шведов. Именно поэтому здесь начали строить замки, являвшиеся, с одной стороны, административными центрами, а с другой форпостами восточных

Выборгская крепость в 1709 г.

границ Швеции. Границу разбили между первыми тремя замками: Турку, отвечавшим за западное побережье Финляндии, Хяме, призванным защищать королевство от нападений новгородцев с востока, и Выборгом, задумывавшимся как важнейшая восточная цитадель. Первые «настоящие» крепости Финляндии вырастали на местах форнборгов — шведы охотно укрепляли бывшие оборонительные сооружения, — но очень скоро предпочтение стало отдаваться, что называется, «новостройкам».

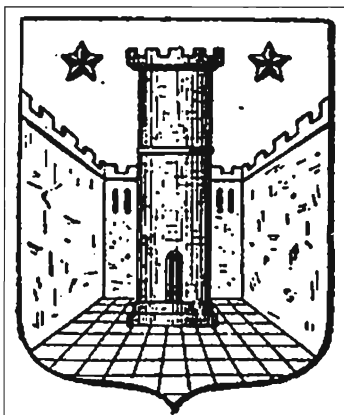
Продвигаясь всё более в глубь Руси, шведы основывали крепости, которые должны были стать новыми опорными пунктами, но ввиду удалённости от шведской столицы они не могли достойно содержаться и постоянно отвоёвывались русскими.

В 1294 г. шведам удалось захватить карельскую крепость Корелу, которой тут же было присвоено более благозвучное для шведского уха имя — Кексгольм. Корела была построена в середине XIII в. и подчинялась новгородцам, очень скоро сумевшим отбить её обратно у шведов и заменившим её в 1310 г. более современной.

Похожая история произошла и с другой древнерусской крепостью — Нётеборгом (Шлиссельбургом, или Орешком). Здесь, правда, в русской и шведской хрониках встречаются расхождения: шведы утверждают, что основателем цитадели был швед Торгильс Кнутссон, заложивший её в 1299 г., но потерявший её уже в 1301 г.

Русские летописцы настаивают на том, что крепость обязана своим появлением новгородскому князю Юрию Даниловичу.

Так или иначе, но ответ шведов на вылазки новгородцев не заставил себя долго ждать: в 1300 г. в устье Невы шведами была заложена крепость Ландскрона (вообще-то, правильнее говорить Ландскруне — от шведского Landskrone — однако в нашей исторической литературе уже сложилось написание «Ландскрона») — год спустя также уничтоженная новгородцами.

Крепость Корела на гербе города

Распри могли продолжаться до бесконечности, если бы не заключённый в 1323 г. мир, по которому к Новгороду отошла лишь небольшая восточная часть Финляндии — Карелия. Шведы, заполучив западную часть финской территории, тут же бросились ассимилировать местное население, дабы в будущем избежать возможных народных волнений: здесь были установлены шведские законы, а центром этих земель стал город Турку, основанный в середине XIII в. В 1362 г. финнам предоставили право посылать своих представителей на выборы короля, а в XVI в. — и в шведский риксдаг.

Своим малонаселённым и бедным восточным землям, которыми к тому же было сложно управлять из-за их удалённости, шведы едва ли уделяли внимание.

Однако, осознавая возможную угрозу со стороны крепнущей Руси, монархи всё же посылали сюда крупных вельмож, управлявших новыми областями практически независимо. Королевская власть слабла, в то время как сила дворянства росла, и потихоньку Финляндия, официально являясь частью Швеции, превратилась в своего рода государство в государстве.

Это произошло в тот момент, когда шведское дворянство во главе с канцлером Бу Юнссоном Грипом (ок. 1335—1386) достигло наивысшего могущества. Новоизбранный шведский король Альбрехт Мекленбургский (1363—1389) полностью зависел от экономической поддержки канцлера, сумевшего выкупить большую часть королевских поместий и сделаться фактическим правителем Швеции и в особенности Финляндии.

Именно Бу Юнссон был инициатором строительства и укрепления роскошных дворцов и дорогостоящих крепостей в своих владениях — в частности, ему принадлежали Тавастгусский, Выборгский и Абоский замки в Финляндии.

Бу Юнссон Грип владел дюжиной хорошо укреплённых замков — как построенных до него, так и основанных им самим. Под его контролем находилась вся Финляндия и северная Швеция, крупные части провинций Вестер- и Эстергётланд и региона Бергслagen, а также важнейшие форпосты страны: замки в Стокгольме, Нючёпинге, Стегеборге, Стегехольме, Кальмаре. Большая часть населения в той или иной степени зависела от Грипа.

Стратегия Бу Юнссона была довольно проста: вокруг очередного мощного замка он равномерно возводил крупные имения — в

общей сложности к концу его жизни их насчитывалось более полутора тысяч!

По распоряжению Бу Юнссона на шведский язык была переведена книга об Александре Великом — правителе огромной империи, включавшей Грецию, Египет и Италию. Вероятно, тем самым Грип пытался подчеркнуть своё сходство с великим императором.

Тем временем восточный сосед Швеции продолжал крепнуть. В середине XV в. Московское княжество уже обладало довольно большой властью, подчинив себе земли, ранее принадлежавшие Новгороду. Москва отвечала и за усовершенствование всех крепостей Руси, что в большинстве случаев предполагало полное уничтожение старого ради создания нового. Под новым подразумевались каменные укрепления, в основном орудийные башни, приспособленные под появившееся огнестрельное оружие.

К XVI в. началось также укрепление русской Карелии, которую разбили на различные административные области — погосты.

Шведы не отставали. Финляндию поделили на провинции, куда направлялись королевские фогты. Выборгская крепость была расширена, перестроена и окружена крепостной стеной с башнями — всё это послужило образцом для другого замка — Олафсборга (Олавинлинны). Кроме того, шведы заняли почти 200 км северо-западной территории России — после Реформации Густава Васы русское православие рассматривалось как языческая вера, с которой необходимо было бороться всеми возможными способами.

Незаметно для русских часть финского населения оказалась «по ту сторону границы», что никак не устраивало правителей двух государств, — этот факт и повлёк за собой многочисленные войны следующего столетия, в результате которых крепости стали кочевать от одной страны к другой. Шведы были уверены, что русские стремятся захватить весь север, дабы открыть морские пути к Северному Ледовитому океану и заполучить выход к Балтийскому морю. Чтобы хоть как-то остановить экспансию Руси, шведы в 1603 г. заложили новый замок, Каяни.

Опасения шведов не были безосновательны: в 1492 г. на берегу Нарвы была построена Ивангородская крепость — так царь Иван III Васильевич (1440—1505) намеревал-

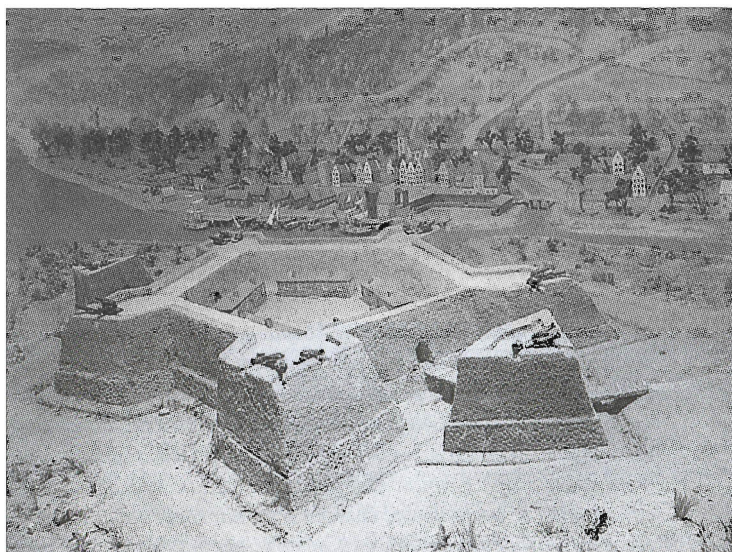

ся укрепиться вблизи Балтийского моря. В 1649 г. появился новый форпост в борьбе со шведами — Олонецкая крепость с 19 башнями и полуторакилометровой крепостной стеной. Не стоит забывать, что в руках русских к тому времени находилась и крепость Корела.

Отчаянная борьба продолжалась: на сцене появились 16-летний Карл XII, унаследовавший полководческие таланты отца, и Пётр I, изучавший военное искусство в лучших школах Европы. Отвоевав некоторые северные регионы, Пётр поспешил основать Санкт-Петербург, обеспечив его защиту Петропавловской крепостью. Город вырос в том месте, где прежде находились две шведские крепости — Ландскрона и Ниеншанц.

Ниеншанц был основан в 1611 г. рядом с нынешней Красногвардейской площадью Санкт-Петербурга — это было ближайшее к морю место, не затопляемое даже во время неимоверно крупных наво-

Модель Ниеншанца

дней, случавшихся раз в столетие. Ниеншанц являлся со-временнейшим фортификационным сооружением своего времени, и очень скоро неподалёку вырос торговый пункт Ниен, уже в 1632 г. получивший статус города.

Неудачный штурм русских войск в 1656 г. привёл к появлению дополнительных укреплений и повышению обороноспособности крепости, и к концу XVII в. её гарнизон насчитывал более 600 человек, в распоряжении которых находилось около 80 пушек. Тем не менее новый штурм оказался более успешным, и в 1703 г. Ниеншанц сдался после недельной осады. Город был переименован в Шлотбург; относительно же судьбы крепости мнения расходятся.

Некоторые считают, что цитадель была сразу уничтожена, однако согласно сохранившимся документам части крепости просуществовали как минимум до 1744 г. Город Шлотбург был упразднён, и в 1828 г. его территория вошла в состав Санкт-Петербурга. Центральное укрепление бывшего Ниеншанца, по всей видимости, существовало даже тогда, однако вскоре было уничтожено. В 2000 г. на месте одного из бастионов крепости был открыт гранитный памятный знак «Крепость Ниеншанц».

Судьба города Ниена была не менее печальна, чем судьба крепости. Вначале это был довольно успешный и процветающий населённый пункт — здесь было даже две лютеранские церкви: одна для шведских прихожан, другая — для финских.

К началу XVIII в. близ города выросли шведские и финские усадьбы, часть которых располагалась даже на отдалённых от Ниена островах. Имений было так много, что они образовали пять новых пригородных кварталов. Одна из таких усадеб с садиком и хозяйственными постройками принадлежала шведскому майору Эрику Берндту фон Коноу и сегодня известна нам как Летний сад.

В 1702 г. в ходе Северной войны шведы сожгли собственный город, опасаясь, что в нём могли разместиться русские войска при взятии Ниеншанца. Однако усадьбы были сохранены, и сюда позже селили всех переведённых в новую столицу русских. Этот район получил название Большая Охта.

После Северной войны (1700—1721) России впервые отошли некоторые части Финляндии — Ингерманландия (Ижорская земля), Кексгольм и Выборг. У новых юго-восточных границ шведы основали крепости Фредриксхамн (ныне Хамина) и Вильманстранд (ныне Лаппеэнранта) по образцу городов-крепостей средиземноморских стран. Хамина стала одной из немногих круговых ренессансных крепостей в мире с территорией около гектара, идеалом для которой послужил город Палманова в Северной Италии.

Что же касается Вильманстранда, то его возвели в 1720-х гг. по проекту немецкого фортификатора Иоганна Фабера; на территории крепости, стены которой сегодня полностью восстановлены, находится старейший православный храм Финляндии — церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построенная в 1785 г.

Швеция ни на минуту не забывала об утраченной славе великой державы и лелеяла мечту вернуть свои старые владения, однако первые попытки не увенчались успехом: Фредриксхамн, Вильманстранд и Олафсборг оказались на территории России, а в 1743 г. Россия получает территорию восточнее реки Кюммене и Сайменское озеро.

Густав III (1746—1792) страстно желал вернуть потерянные финские земли — это и послужило поводом для войны с Россией 1778—1790 гг. Территории возвращены не были, а постоянные атаки шведов вынудили Екатерину II начать предпринять меры для защиты российской столицы — Санкт-Петербурга. Основные строительные работы пришлось на время генералиссимуса Александра Суворова (1730—1800): были расширены укрепления в Хамине (Фредриксхамне) и Лаппеэнранте; особое внимание было уделено Выборгской и Приозёрской крепостям; в Олафсборге были построены бастионы и пушечные башни. В финской Карелии выросли ещё 5 крепостей, от которых сегодня не осталось и следа.

Строительство новых укреплений быстро изменило социальную структуру всей провинции Кюмелааксо в южной Финляндии. В некоторых местах — например, в Хамине и Кюмене, русские представляли большинство населения с 1790 по 1809 г. Поскольку именно они были

инициаторами строительства, верх быстро взяла и православная вера.

Финнам возведение крепостей приносило очень неплохой доход, ведь русские нередко нанимали представителей местного населения для выполнения тех или иных работ.

После заключения мира в 1809 г. шведы утратили Аландские острова и всю южную и среднюю Финляндию, которая отныне стала автономным княжеством в составе Российской империи, — так о некогда шведских территориях (а с ними и замках с крепостями) пришлось забыть навсегда. Бывшие приграничные крепости потеряли своё военное значение, и из важных цитаделей их превратили в тюрьмы, склады и арсеналы русской армии.

Поскольку надобность в мощных наземных укреплениях исчезла, ставку стали делать в основном на морские крепости — именно поэтому появились Свеаборг и Бомарсунд. Были улучшены форт Слава близ Котки и Свартхольм около Ловийсы. Городские укрепления виделись устаревшими с военной точки зрения, и вместо них стали закладывать городские гарнизоны и казармы — примером тому служат Хельсинки и Тавастехус (Хямеэнлинна).

Интересно, что шведы настолько пленились военной мощью восточного соседа, что буквально во всём стали брать с него пример: вот и первые морские крепости — Свеаборг и Свартхольм — возникли как зеркальное отражение петровского Кронштадта.

Появление морских крепостей не было простой случайностью: дело в том, что за время своего нахождения в составе Шведского королевства Финляндия дважды была полностью занята русскими — и оба раза в XVIII в. Это стало возможным только потому, что русские умело использовали доступ к Балтийскому морю в целях содержания армии. Чтобы хоть как-то повлиять на ситуацию и избежать вызванных подобным положением дел поражений, шведы и начали основывать морские крепости — лучшим примером является Свеаборг недалеко от Хельсинки, сразу же сделанный базой шведской флотилии.

В 1706 г. крепость подверглась осаде 20-тысячной русской армии, но по каким-то причинам, когда крепость уже была готова сдаться, русские отступили.

В 1710 г. Карл XII отдал распоряжение своим войскам в Финляндии о переходе на партизанскую войну. По мнению Карла, за-

воевать всю Финляндию русским было бы затруднительно: большие необитаемые просторы, малая населённость, неразвитая сеть дорог — всё это препятствовало быстрому продвижению врага, а потому в крупных сражениях просто не было необходимости. Оказывать же Финляндии необходимую поддержку мог шведский флот. Однако всё пошло не так.

Захватив Выборг, русские начали атаку на Хельсинки и заняли город.

Постепенно русские войска отрезали часть страны от Швеции. Из 300 000 человек, проживавших в Финляндии, в те годы около 30 000 переехали в Швецию. Среди них были прежде всего горожане, священники и другие образованные люди, которые могли себе позволить сменить родину. Для шведов, и без того испытывавших финансовые и экономические трудности, приезд такого количества людей стал очередной катастрофой.

Русские не остановились на достигнутом. Теперь их корабли могли практически беспрепятственно подплывать к шведскому восточному побережью. 130 галер и 26 000 находившихся на них человек стёрли с лица земли 7 городов, 10 имений, более 50 поместий и неслетное количество хуторов и деревень. Уничтожался скот, забирались запасы зерна и сена — русские сделали всё, чтобы в Швеции надолго закрепился так называемый «страх перед русскими», в какой-то мере продолжающий существовать и в наши дни.

Карл XII

Многовековые войны на территории Финляндии привели к тому, что сегодня немало её крепостей лежат в развалинах. Уже к XIX в. многие фортификационные сооружения пришли в упадок, поскольку использовались не по назначению. В наши дни большинство цитаделей являются историческими памятниками, на

территории которых открыты музейные экспозиции или же просто парки, где лишь изредка встречающиеся пушки или остатки земляных насыпей напоминают о сражениях и битвах прошлых лет...

Финляндия была частью Швеции более 600 лет, вплоть до 1809 г., и это не могло не сказаться на архитектурном оформлении финских замков и крепостей.

Кроме того, постоянное насаждение шведской культуры нашло своё отражение и в языке: сегодня страна официально является двуязычной, её государственные языки — финский и шведский, хотя первый является родным для более чем 91,5 % населения. Исключительно по-шведски говорят лишь в 19 из 416 коммун Финляндии, только в 43 коммунах оба языка распространены в равной степени. Тем не менее все государственные ведомства обязаны предоставлять информацию как на финском, так и на шведском языках. Во многих городах, расположенных недалеко от России, всё чаще можно встретить и русскоговорящих. Шведскоговорящие проживают в основном на юге и юго-западе Финляндии — в провинциях Уусимаа (Нюланд), Похьянмаа (Остроботния) и Варсинайс-Суоми (Собственно Финляндии); на Аландских островах говорят только по-шведски.

Большинство городов, озёр и рек изначально вошли в историю под шведскими названиями; исконно финские имена им стали возвращать относительно недавно. В связи с этим мы посчитали целесообразным приводить в книге два названия крепостей и замков — финское и шведское.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗАМКИ ФИНЛЯНДИИ

Рассказ о финских крепостях, пожалуй, целесообразно начать с древнейших замков страны — Тавастехуса (Хяме), Турку (Абоский замок), Кустё (Куусисто).

Тавастехус (Хяме)

Замок Хяме (Hämeen linna, в Швеции называемый также Тавастехус, Тавастборг и Кроноборг), некогда располагавшийся на отдельном островке, сегодня находится в центре города Хямеэнлинна на бере-

гу реки Ваньявеси. О возрасте замка споры ведутся до сих пор; традиционно принято считать, что он появился во времена Второго шведского крестового похода, а значит, в середине XIV в.

Каких-либо археологических находок, датируемых более ранним, нежели 1320-е гг., временем, не обнаружено. Кроме того, всего в 20 км от нынешнего Хяме находилось другое укрепление, датируемое XIV в., и целесообразность двух крепостей в такой близости друг от друга подвергается сомнению.

Биргер Ярл

Существование второй крепости — Хакоинен, от которой сегодня остались лишь руины, подтверждено документально: в частности, о ней говорится в Новгородской хронике при описании набега русских на финскую область Тавастия (где и находится Хяме) в 1311 г. Ссылаясь на эту летопись, некоторые историки утверждают, что строительство Хяме началось лишь после новгородского вторжения, — и всё же, несмотря на многочисленные споры, сегодня принято считать, что основателем крепости был шведский правитель Биргер Ярл (ок.1210—1266 гг.), а потому замок начали строить самое позднее в 1266 г. — именно в этот год Биргер умер.

Первоначально замок представлял собой квадратное сооружение из соединённых друг с другом гранитных (позднее кирпичных) флигелей длиной 33 м и высотой 7 м, образующих тесный замковый двор; затем вокруг появилась стена с тремя башнями. Считается, что в форте были и деревянные сооружения для гарнизона, однако подтверждений тому пока не найдено. Удалось обнаружить лишь осушенный ныне колодезь глубиной 12 м — одну из наиболее притягательных достопримечательностей Хяме.

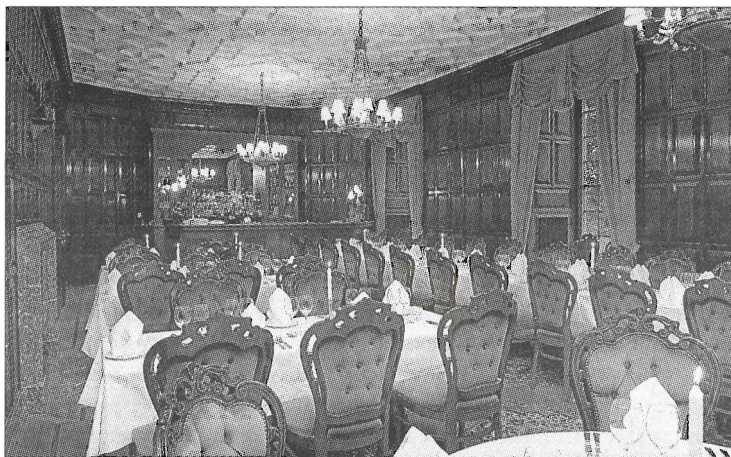

В конце XIII в. жизнь в форте значительно улучшилась: в его стенах появились кирпичные комнаты, в частности — главный Королевский зал, в котором сегодня можно устроить банкет. Это самый старый из сохранившихся банкетных залов Финляндии, хотя, безусловно, весь первый этаж замка является ярчайшим образцом средневековой жизни страны.

Вообще, XIV и XV вв. зачастую называют «кирпичным периодом» замка, и связано это с тем, что в то время кирпич был единственным материалом, используемым для создания внешнего облика крепостей. Кирпич позволял привносить элементы декора не только во внешнее, но и во внутреннее убранство здания — именно потому Королевский зал оказался столь уникальным помещением, ведь здесь можно увидеть всё мастерство архитекторов Средневековья. В Финляндии, однако, кирпич использовали крайне редко, что ещё больше выделяет замок Хяме на фоне его «соседей».

Начиная с XIV в. вплоть до начала XVI в. крепость побывала в руках наиболее влиятельных семей в истории Финляндии, хотя предметы, им принадлежавшие, до нас не дошли. Сначала, в 1308 г., шведский король Биргер Магнуссон заключил соглашение со своими

Банкетный зал Хяме

братьями о передаче последним всех финских крепостей (на тот момент их было три: Абоская, Выборгская и Тавастгусская). Правда, властвовать им пришлось недолго: десятью годами позже Биргер заточил братьев в Нючёпингской крепости, где те спустя несколько месяцев скончались от голода. Другим знаменитым владельцем стал Эрик Аксельссон Тотт (ок. 1415—1481), окруживший стеной Выборгскую крепость и начавший строительство Олафсборга.

В 1497 г. регент Швеции во времена Кальмарской унии Стен Стуре-старший получил замок Хяме в качестве феодального поместья, после его смерти в 1503 г. перешедшего к его супруге Ингеборге Тотт, пользовавшейся большой любовью народа. Когда в 1507 г. умерла и Ингеборга, крепость досталась её племяннику Оке Йоранссону Тотту — пожалуй, самому влиятельному наместнику Финляндии, где он в 1517—1519 гг. занимал высший военный пост.

В мае 1520 г. огромная флотилия датского короля Кристиана II подошла к Стокгольму. В течение четырёх месяцев продолжалась осада города, и всё это время одной из защитниц шведской столицы была Кристина Гилленшерна (1494—1559), которой в конце концов был предложен замок Хяме с прилегающей провинцией в качестве новой резиденции в обмен на ключи от города. После дополнительных заверений в том, что о неприятии датчан будет забыто, Кристина открыла городские ворота, и столицу постигла трагедия, вошедшая в историю как Стокгольмская кровавая баня.

Кристина Гилленшерна была супругой регента Швеции Стена Стуре-младшего (1493—1520), боровшегося с датским монархом Кристианом II и павшего в битве при Богесунде в 1520 г.

В наследство от мужа Кристине «достался» стокгольмский замок и забота о государстве. Её пламенные речи убедили дворянство присягнуть ей в верности и «защищать город до последнего человека»; сама она улучшила городские укрепления, снабдила город довольно большими запасами пороха и стрелкового оружия. Старшего сына Кри-

стина послала к польскому королю просить помощи; на помощь к ней прибыли даже войска из Любека.

Четыре месяца осады Стокгольма не принесли каких-либо результатов, и Кристиан II вступил в переговоры с Кристиной. Ей и её соратникам была обещана амнистия; женщине к тому же предоставлялись два финских имения. Договор о капитуляции города был подписан 5 сентября 1520 г., и уже 2 дня спустя Кристина, как и обещала, открыла городские ворота и впустила датского короля.

Говорят, что во время Стокгольмской кровавой бани Кристине предложили лично избрать способ казни: быть сожжённой, утопленной или похороненной заживо. Услышав это, она потеряла сознание, и лишь её огромное богатство да молитвы вступившихся за неё вельмож смогли переубедить датского монарха и смягчить приговор: её отправили в Данию, где она, находясь в заточении, в скором времени обрела поклонника в лице датского адмирала Сёрена Норбю. Он сделал ей предложение, надеясь тем самым заполучить неплохой пост в Швеции, однако получил отказ.

После изгнания Кристиана II из Швеции Кристину освободили и позволили вернуться в родной Стокгольм. В 1526 г. состоялась её помолвка с риксродом Юханом Турессоном, благодаря которому наладились отношения Кристины и Густава Васы, вначале с некоторым подозрением относившимся к предательнице своей страны.

Поскольку Кристина так и не прибыла в Хяме, замок по-прежнему принадлежал Оке Йоранссону Тотту, но, как только сюда прибыли люди Кристиана II, бывшего главнокомандующего немедленно казнили. Очень скоро новый король передал замок одному из своих адмиралов, Сёрену Норбю (тому самому, что сватался к Кристине), однако с воцарением на шведском престоле Густава Васы датскому владычеству пришёл конец.

Стремление Густава реформировать административную и экономическую системы затронуло и Хяме, отныне полностью попавшего в подчинение шведской короны. Здесь были построены дополнительные бастионные укрепления, появились мощные трёхэтажные пушечные башни — однако уже сыновья Густава едва ли

были заинтересованы в продолжении строительства, и замок начал постепенно приходить в запустение. Ко всему прочему в 1599 г. в результате взрыва пороха была уничтожена южная башня.

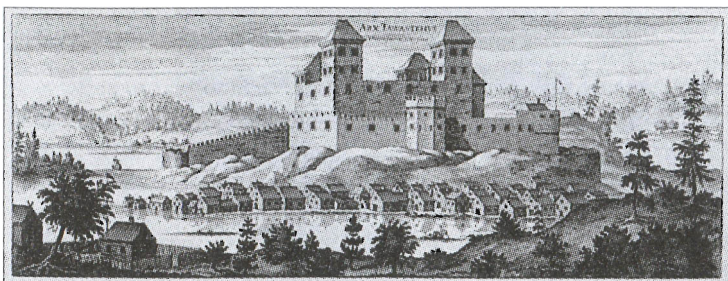
Несмотря на восстановительные работы, увенчавшиеся появлением существующей ныне Лютеранской часовни на третьем этаже Надвратной башни, и на посещение крепости такими персонами, как Густав II Адольф с супругой (в честь которых две комнаты получили названия «Зал короля» и «Комната королевы»), почти полвека о Хяме не вспоминали. После очередной реставрации замок сильно пострадал от пожара в 1659 г.

Разразившаяся в 1700 г. Северная война вновь напомнила о необходимости повысить обороноспособность финских крепостей. Тавастгусский замок, находившийся довольно далеко от границы с Россией, был лишь незначительно усилен, а потому русские практически без боя взяли его в 1713 г.

Однако ситуация резко изменилась, когда в 1721 г. был заключён Ништадский мир: шведы потеряли Выборг, и выбор новой военной базы пал на Хяме, где под нужды солдат создали склад зерна и хлебопекарню.

В 70-х гг. XVIII в. в Тавастхусе начались очередные работы по приведению крепости в должный вид: строятся полевые укрепления и крепостные рвы, здания западной окружной стены. Однако подобные улучшения едва ли помогают: 6 марта 1808 г. крепость была без боя сдана русским. На этом история Хяме как шведской крепости заканчивается.

Почти все борги рано или поздно становились тюрьмами, и Хяме в этом плане не является исключением, ведь пленники про-

Хяме

живали здесь в разные периоды со Средних веков. В начале XIX в. в главном помещении содержалось почти 300 заключённых, в то время как другие части крепости по-прежнему служили складами зерна, но постепенно русские решили, что тюрьмой может стать весь замок, что и случилось в 1837 г. Четырьмя годами позже при тюрьме начала работать только что основанная Кроноборгская трудовая исправительная колония.

Только в 1953 г. заключённые покинули стены Хямеэнлиннской тюрьмы — таким образом, главное здание служило местом заточения в течение 116 лет. Тогда же начались работы по реставрации замка и предания ему (разумеется, по возможности) прежнего облика. В 1988 г. Тавастгусский замок приветливо открыл свои двери как музей.

Абоский замок (замок Турку)

Как и большинство местечек в двуязычной Финляндии, Абоский замок имеет два названия: шведам он знаком как Обу (Åbo), но финны называют город, где находится крепость, Турку, а саму крепость, соответственно, Турун линна (Turun linna).

Что же касается русских, то здесь мнения разделяются: исторически имея контакты именно со шведами, мы переняли (и слегка переиначили) их слово, а потому крепость остаётся для нас Абоской. За городом же благодаря работе многочисленных туристских агентств прочно закрепилось финское имя — Турку.

Возводить замок начали в 1280 г. по приказу шведского правителя Магнуса Ладулоса (1240—1290): здесь, по его задумке, должны были расквартироваться шведские войска во время Третьего крестового похода 1293 г., который окончательно помог бы шведам захватить Финляндию.

Первоначально Абоский замок скорее напоминал укреплённый лагерь, служащий для обороны солдат и королевского наместника. Расположение лагеря в устье реки Аура-Йоки представляло определённые трудности для его штурма, в то же время отсюда было удобно следить за движением кораблей, поддерживать сообщение со Швецией и охранять выросший вокруг кафедрального собора город Турку.

Совмещать функции административного и оборонного центров стало задачей и других появившихся позднее финских кре-

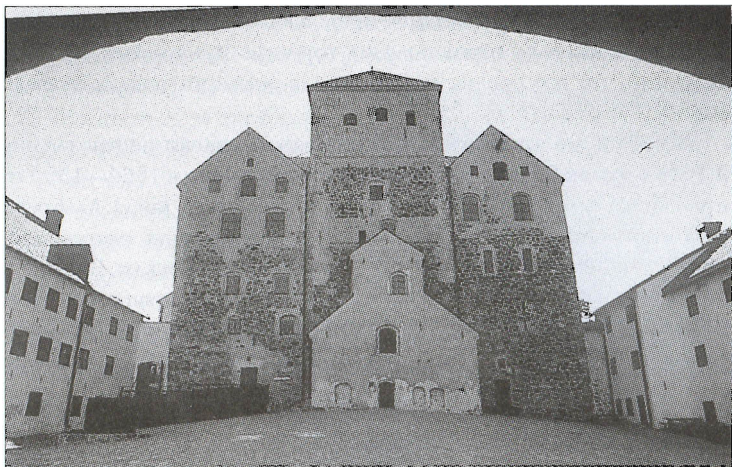
постей: Выборгской, Расеборгской, Хямеэнлинны и Олавинлинны. Как и многие борги того времени, Абоский замок сначала построили из гранита, позднее заменённого кирпичом, хотя некоторые детали были созданы из привезённого сюда готландского известняка.

Одной из отличительных черт Абоского замка являются его окна: расположенные ассиметрично, они имеют разную форму и размер. Некоторые из них окаймлены чёрными рамами.

Кладка камня, вид входов и лестниц очень напоминают аландские и готландские церкви. Также параллели можно найти и в местах более отдалённых: скажем, крепостная стена вокруг немецкого города Кёльна, как и в Турку, делалась по римским образцам фортификационных сооружений, явившихся примером для большинства стен и укрепленных лагерей XIII в.

В XIV в. мастера стали искать вдохновение в южных краях: в Абоском замке угадываются черты четырёхсторонних боргов Пруссии, хотя финский замок из практических соображений изначально был задуман относительно небольшим. Даже в сводчатых

Абоский замок

Вальдемар Магнуссон

помещениях, как, скажем, в Часовне монашек и королевских покоях, прослеживается немецкая архитектура.

Часовня монашек — одна из главных достопримечательностей замка — обязана своим появлением Бу Юнссону Грипу, оборудовавшему Абоский замок ещё и системой отопления, состоявшей из нескольких крупных печей, тёплый воздух из которых подавался по встроенным в стены «трубам».

После всех расширений и перестроек, проведённых Бу Юнссоном в конце XIV в., в замке стало больше 40 комнат, и он быстро стал любимым местом особ голубых кровей — большинство монархов, посещавших Финляндию, останавливались именно здесь, в Турку.

В 1303 г. герцогом Финляндии стал один из сыновей Магнуса Ладулоса, Вальдемар (ок. 1285—1318). Как никто другой Вальдемар был заинтересован в своём поместье, и Абоский замок быстро превратился из лагеря в крепкий борг, что повлияло и на близлежащий торговый городок Турку, автоматически превратившийся в финскую столицу. Процветание продолжалось на протяжении XIV и XV вв., поскольку город получил торговые привилегии, предполагавшие, что все предназначенные для экспорта товары вначале свозились именно сюда.

В жизни же крепости всё складывалось далеко не так гладко. В 1318 г. замок был частично сожжён русскими, а в 1364—1365 гг. произошла самая длительная в его истории осада, когда Альбрехт Мекленбургский (1338/1340—1412) сумел подавить сопротивление шведских войск лишь после восьмимесячной осады. Вообще в период Кальмарской унии замок Турку не раз становился местом политических разбирательств датчан и шведов, и пиком этих неурядиц явилось вторжение в город датских войск в 1509 г., во время которого большинство знатных горожан были убиты, а остальные взяты в плен.

Несколько дней датчане грабили Турку, пока, наконец, не сожгли его. Целых 14 лет город находился в руках Кристиана II (1481—

1559) — только в 1523 г. замок был осаждён войсками Густава Васы и после длительной осады взят штурмом.

Густав незамедлительно принялся за перестройку старой крепости: теперь она должна была превратиться в статный ренессансный васаборг. Монарх нередко приезжал сюда; в 1555—1556 гг. он жил здесь целых 11 месяцев и отсюда управлял всем своим королевством. В это же время он назначил своего сына Юхана герцогом Финляндским, и бремя строительства полностью легло на плечи молодого наместника.

Это ничуть не смутило Юхана: он прославился как монарх-строитель, поскольку всей душой ратовал за превращение Швеции в достойную европейскую страну, что предполагало наличие многочисленных резиденций, оформленных по последней моде. К тому времени Абоский замок уже утратил своё прежнее военное значение, и Юхан, вдохновлённый дворцами Германии, Испании и Польши, начал создавать нечто подобное.

При нём был полностью завершён верхний этаж, дополненный предназначенными для пышных пиришеств залами короля и королевы, обогреваемыми каминами и печами, — замок Турку стал единственным примером придворной жизни в Финляндии. Здесь проживало в общей сложности 600 человек (большинство из которых были женщины), и бывшая крепость теперь представляла собой не зависимое ни от кого сообщество, в котором были представлены все социальные группы того времени.

Первоначально Юхан жил в замке со своей любовницей, Карин Хансдоттер, за 4 года родившей ему четверых детей, но уже в 1562 г. герцог вернулся из путешествия по Польше с новой су-

Катарина Ягеллоника

пругой, Катариной Ягеллоникой (1526—1583), вдохнувшей в замок новую жизнь.

С родины супруга привезла немало произведений искусства, украсивших стены дворца, а замок заполнила огромная свита обязательных для каждого королевского двора людей: шуты и карлики, профессиональные повара и музыканты.

Вместе с Катариной в Финляндию пришла испанская мода, а также обычай использовать ковры, гардины и... вилки. В замке постоянно проводились праздники, поблизости стали организовывать турниры.

Время Катарины в Турку оказалось недолгим: уже через полгода после её прибытия замок был осаждён братом Юхана Эриком XIV (1533—1577), ставшим королём Швеции после смерти Густава Васы.

Юхан, не желавший отказываться от своих вновь приобретённых лифляндских владений, был обвинён в измене родине, вместе с супругой взят под стражу и изгнан из города — так закончилась ренессансная сказка Абоского замка.

7 лет спустя судьба сыграла с династией Васа злую шутку: теперь на шведском престоле сидел Юхан, а его брат Эрик с женой Карин Монсдоттер (1550—1612) и тремя детьми находились в заточении в Абоском замке. Здесь они, ограничиваясь всего несколькими из 40 с лишним комнат, были вынуждены оставаться около года, после чего всю семью перевезли сначала в Кастельхольмский, а затем в Грипсхольмский и Вестероский замок.

В последнем чету разлучили: Эрик остался в Вестеросе (на подоконнике его тюремной камеры, по словам служителей, до сих пор виден след локтя бывшего короля), Карин вернули обратно в замок Турку, где она оставалась вплоть до смерти своего супруга, после чего была помилована и получила в подарок финское поместье Лиуксиала.

В 1575 г. семилетнего сына Эрика XIV и Карин Монсдоттер, Густава, отлучили от матери, отправив к родственникам в Польшу, где, по замыслу Юхана, ребёнок должен был воспитываться монахами-иезуитами. Тем самым новый шведский монарх хотел устранить вероятного претендента на шведский престол.

Густав рос в тишине и спокойствии, ведя жизнь странника. Вскоре его пригласили в Россию — не кто иной, как Борис Годунов, только-только взойшедший на трон, устроил помолвку Густава со своей

дочерью Ксенией. Целью этого альянса было получить помощь обиженного на Швецию Густава и объявить западному соседу войну. Однако молодой человек наотрез отказался воевать против бывшей родины, за что был сослан в город Кашин, где и умер в 1607 г.

Весной 1580 г. наместником в Абоский замок был отправлен Юлиус Гиллениельм (1559—1580/81) — возведённый в дворянский чин тремя годами ранее внебрачный сын Юхана III и Карин Хансдоттер. К Юлиусу присоединились также сёстры Лукреция и София, в 24 года ставшая женой 60-летнего Понтуса Делагарди.

Другими словами, Карин со своими детьми вновь оказалась в бывшей резиденции своего любовника, однако семейная идиллия длилась не слишком долго: в 80-х гг. XVI в. все дети пары скончались.

В 1637 г. генерал-губернатором Финляндии был назначен 35-летний Пер Браге (1602—1680), незамедлительно переехавший в Абоский замок вместе с супругой Кристиной Катариной Стенбок. Здесь они стали предаваться всем радостям жизни аристократов. Браге открыл первый в Финляндии университет — Абоскую академию (1640 г.), основал несколько городов, улучшил местные дороги.

Время губернаторства Браге было счастливым для Финляндии, и в стране до сих пор с теплотой вспоминают о «графских временах». Жена Пера также была любимицей местного населения, и, когда она скончалась, во всей Финляндии был объявлен траур.

Губернаторской резиденцией замок оставался до 1698 г. После двух пожаров в начале XVIII в. реставрации не проводились, а помещения бывшего борга начали использовать как склады и тюрьму. Во время Второй мировой войны Турку сильно пострадал от бомбардировок, и началась реставрация борга.

В настоящее время Абоский замок является одним из важнейших исторических памятников Финляндии. Здесь открыт музей города Турку, величественные же средневековые залы можно арендовать для проведения торжеств — в частности, нередко устраиваются свадебные банкеты для неиссякающего потока желающих обвенчаться в замковой часовне.

Кустё (Куусисто) — бывшая резиденция епископа

Руины расположенного всего в 13 км от Турку замка Кустё сильно отличаются от других финских боргов. Дело в том, что это был один из немногих замков, построенных как резиденция епископа. Наряду со шведским Лэккё, принадлежавшим епископату Скара, Кустё был крупнейшим в средневековой Швеции по охвату и силе боргом церковнослужителя.

У абоского епископа были враги повсюду: это не только жаждущие власти приближённые лица и шведский король, но и сосед-новгородцы, сжёгшие огромную резиденцию в 1318 г. Вероятно, тот самый сожжённый борг был построен из дерева, но после пожара его пришлось заменить солидным каменным строением, хотя все этапы строительства и происходившие с резиденцией изменения проследить довольно сложно: письменных свидетельств о различных преобразованиях не сохранилось; археологические же раскопки здесь не проводились вплоть до конца XX в.

*Первый епископ, с которым связывают Ку-
стё, — это Магнус I из Руско, датировавший
одно из своих писем, посланных из новой резиденции, 7 но-*

Лэккё в XVII в.

ября 1295 г. Считается, что уже на тот момент жилище епископа включало несколько построек — в основном, разумеется, из дерева. После набега новгородцев здесь поселился епископ Хемминг, о котором известно, что проживал он «с 40 хорошо вооружёнными людьми».

В своё время епископская резиденция Кустё была уникальной постройкой в Финляндии — прежде всего потому, что, как показывают исследования, строительство отклонялось от общепринятых норм. На первом этапе это было одноэтажное здание с тремя комнатами в нынешнем западном крыле, а также нечто похожее на погреб в северной части борга. Когда эти постройки были готовы, принялись за сооружение крепостной стены. На третьем этапе строительства вход был перенесён со стороны моря на нынешнее место. Из-за плохой почвы и сильного изменения уровня воды вся созданная конструкция со временем накренилась, и в ней образовались трещины.

Фортификационные укрепления, призванные защитить резиденцию от незваных гостей, представляли собой стены, возведённые как на суше, так и под водой. Подводный палисад, появившийся в начале XV в., удалось обнаружить только в 1992 г. благодаря тому, что уровень воды долгое время оставался довольно низким, и наружу показался прежде спрятанный в тине и тростнике частокол. В общей сложности насчитано около 3000 брёвен оборонительной ограды.

У замка выращивали все виды зерновых: рожь, пшеницу, овёс, ячмень. Здесь плелись сети и вились верёвки, а также делалась грубая ткань. Популярен был и хмель, который добавляли в напитки, дабы придать им более крепкий вкус. Пастернак, белена, чистотел, мирт — этими травками едва ли можно было удивить садовников тех времён, но в Кустё хватало место и для земляники, черники, голубики, брусники, малины, клюквы и т.д.

Всё это доказывает, что резиденция была обжитой и не обделённой людской заботой.

Расцвет замка пришёлся на XV в., особенно на его начало, когда здесь проживал епископ Магнус Тавастский — именно он, если верить хронике, построил основную часть резиденции, превратив её

в отлично защищённую крепость и одновременно в оборонный и торговый центр.

Магнус II Тавастский (1357—1452) был одним из важнейших в истории средневековой Финляндии католических священников. Будучи представителем одного из самых видных родов своей родины, он начал блестящую карьеру канцлера при дворе Эрика Померанского (1382—1459), однако очень скоро вернулся в Финляндию, где стал сначала архидьяконом, а затем епископом.

Занимая завидный пост епископа, Магнус значительно расширил городской собор Турку, добавив в него новые часовни, алтари и хоры. Священнослужитель не жалел средств на дорогостоящие украшения, книги, одеяния для своего детища.

Сторонник духовного просвещения, Магнус Тавастский добился от папы предоставления пособия молодым людям, желавшим учиться в школе его прихода. Главным достижением его жизни стало основание монастыря в Наантали.

Своими благими делами, направленными прежде всего на улучшение жизни соотечественников, Магнус прославился далеко за пределами родины.

В 1450 г. он вынужден был оставить свой пост из-за преклонного возраста и переехать в одну из резиденций близ монастыря Наантали, где и скончался в возрасте 95 лет.

В 1485 г. замок серьёзно пострадал от пожара, однако был быстро восстановлен. В начале XVI в. работы по строительству и дальнейшему укреплению резиденции были приостановлены. Последним католическим священником Кустё был Арвид Курк (1464—1522), в 1522 г. попытавшийся бежать от датчан в Швецию, но утонувший во время своего нелёгкого путешествия.

Борг попал к датчанам, но ненадолго: войска Густава Васы освободили резиденцию уже через год. Однако новый король был абсолютно не заинтересован в этом замке, а потому в 1528 г. Густав приказал здешнему наместнику уничтожить его как оплот католицизма в Финляндии. Камни бывшей резиденции пошли на строительство новой церкви в Пикис, а также, возможно, на расширение Абоского замка.

Немым свидетелем безжалостного грабежа стало судно, гружённое камнями для церкви и затонувшее в нескольких метрах от замка. Даже в конце XIX в. камни Кустё вывозились тысячами на Аландские острова, где как раз начались ремонтные работы Кастельхольмского замка, — несколько лет спустя руины Кустё были исследованы, приведены в порядок и объявлены музеем.

Как уже говорилось, резиденция епископа с самого начала была своего рода отдельным городом с многочисленными постройками. Для того чтобы следить за земледелием и разведением скота, у замка был построен специальный скотный двор, позднее названный королевским.

Даже после разрушения Кустё дворик продолжал существовать, и в 1738 г. здесь появилось деревянное имение, предназначенное для командора пехотных войск Турку. Новая резиденция мгновенно стала одной из важнейших в стране: с точки зрения архитектуры это было большое (разумеется, по тем временам) и величественное строение, соответствующее всем требованиям, предъявляемым к жилищам высокопоставленных лиц. Чертежи подготавливались в Стокгольме и были одобрены самим шведским монархом.

Подобные дома строились и для всех других полковников, однако большинство из них не удалось сохранить. В зарплату военных входили также доходы, полученные от их имений, а также налоги, собранные с хуторов округи. Имение строили согласно указу, что вовсе не подразумевало обязательное проживание в нём военачальника.

Во второй половине XX в. полковничий дом в Кустё был отреставрирован и объявлен музеем. Здесь проходят три выставки, рассказывающие об истории и реставрации замка, об имении и о местной природе. Этот дом является одним из старейших деревянных построек Финляндии.

Олафсборг (Олавинлинна)

Расположенная на скалистом острове между двумя озёрами в городе Савонлинна крепость Олафсборг (ныне часто используют её финское название — Олавинлинна) была первой, построенной шведами с расчётом на противостояние артиллерии.

Считается, что решение о строительстве крепости было принято одним из самых выдающихся шведских главнокомандующих, датчанином по происхождению Эриком Аксельссоном Тоттом — с его точки зрения необходимо было укреплять новые, но стратегически важные границы Швеции. Угроза, как это нередко бывало, исходила от русских: в 1323 г. между Новгородской землёй и Шведским королевством был подписан первый мирный договор об установлении границ, проходивших как раз по региону Саволакс (Савонлинна).

Условия договора нередко нарушались, что приводило к многочисленным конфликтам двух стран, а когда в XV в. Московское княжество присоединило к себе Новгород, исходившая от соседа опасность возросла многократно. Возведение новой крепости, которая бы могла служить первой преградой на пути врага, вблизи границы с Русью стало острой необходимостью.

Олафсборг

В 1475 г. Эрик Тотт, до этого ответственный за строительство единственной существовавшей на границе двух стран крепости — Выборгской, — начал строительство деревянной цитадели — своего рода «временки» для строителей, которые стали подвергаться нападениям русских чуть ли не с первых дней работы.

Уже два года спустя фортификационное сооружение было заменено каменной крепостью. Окрестили её Олафсборгом в честь Олафа — весьма почитаемого в Скандинавии святого. Для поддержки и обслуживания Олафсборга вскоре было основано поселение Нюслотт (ныне Савонлинна), получившее привилегии города только в 1639—1683 гг. В его «лице» шведы надеялись раз и навсегда доказать, что право на владение всем регионом принадлежало и принадлежит исключительно шведской короне.

Олафсборг с самого начала рассматривался как масштабный проект. На строительство были привлечены лучшие иностранные специалисты, и денег на них не жалела даже католическая церковь, преследовавшая, однако, свои цели: искоренение язычества. Первым появился так называемый главный корпус, воздвигнутый на самом высоком месте островка, на его западной стороне. Корпус состоял из соединённых мощной стеной трёх башен: Церковной, Колокольной (они сохранились до наших дней) и Башни святого Эрика.

Работы выполнялись в сильной спешке, однако прошло 10 лет, прежде чем крепость смогла самостоятельно функционировать, — и это несмотря на то, что благодаря выгодному местоположению защищать её было довольно легко круглый год.

Первой проверке обороноспособность Олафсборга подверглась уже в 1495 г., когда русские предприняли несколько попыток захватить крепость. Атаки русских были вызваны обеспокоенностью находившегося тогда у власти Ивана III Васильевича тем, что столь мощная крепость возводится в непосредственной близости от границы двух государств (или, как утверждали русские, собственно на территории Руси).

С тех самых пор Олавинлинна стала непременным участником войн между Россией и Швецией. Ни на минуту не забывая об этом, шведы следили за тем, чтобы гарнизон замка составлял не менее двухсот человек, и Олафсборг наряду с Выборгским замком стал наиболее грозным форпостом шведского владычества на востоке.

Во время правления Густава Васы и его сыновей Олафсборг продолжали укреплять, и в 1560—1562 гг. была возведена Толстая башня. Тем временем Швеция старалась расширить свои восточные границы, а потому очень скоро Олафсборг утратил своё прежнее значение приграничной крепости, и работы по его оснащению были практически приостановлены. Размер гарнизона начал резко

уменьшаться, и к концу XVII в. артиллерийский расчёт замка, некогда самый крупный в Скандинавии, состоял всего из пяти человек: оружейника, старшины, коменданта и двух помощников. В казарме было задействовано всего 24 человека.

В 1622 г. крепость посетил шведский король Густав II Адольф. За всё то время, что Финляндия находилась в составе Швеции, он был единственным монархом, побывавшим в Олафсборге. Произошло это, когда он следовал в Стокгольм из Польши, по пути заехав также с визитом в Выборг и Торнео.

Такое событие не осталось незамеченным, и в 1632 г. по случаю смерти выдающегося короля-вояки в замке была устроена трёхмесячная траурная церемония, во время которой было съедено 45 коров, 94 овцы и 20 фунтов лосося.

За 9 лет до Густава в крепости останавливался его брат Карл Филипп, возвращавшийся домой из Выборга, где в 1612—1613 гг. проходили переговоры с Новгородом. Карл Филипп был новгородским кандидатом на российский престол, однако его пребывание в Олафсборге означало, что выборы кончились для него не слишком удачно.

В 1631 г. в кухне замка случился пожар, в мгновение ока уничтоживший южную часть крепости, и кухню пришлось переносить в другую часть замкового двора. Ещё один крупный пожар, в результате которого пострадали почти все деревянные укрепления, вспыхнул в 1654 г., и вторжение русских двумя годами позже привело к тому, что ослабленная

Густав II Адольф

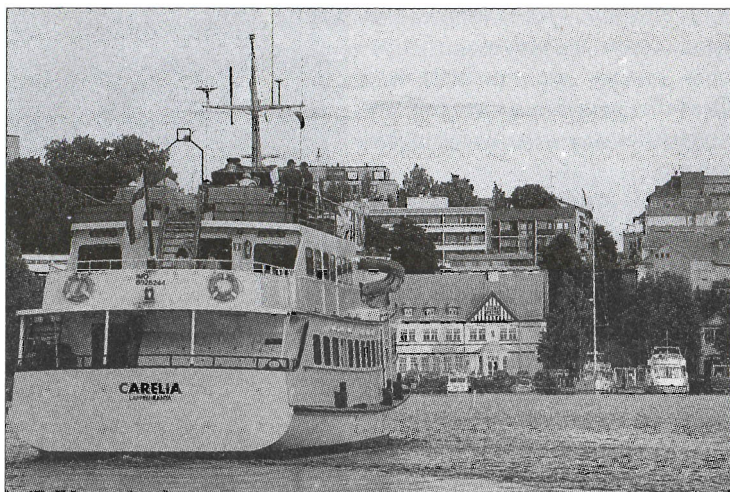

крепость, выстояв сама, не смогла защитить окружавший её город, который войска не преминули сжечь дотла.

Во время начавшейся в 1700 г. Северной войны крепость Олафсборг стала основным препятствием на пути русских, продвигавшихся в глубь Швеции. Русские захватывали всё новые земли, пока, наконец, Олавинлинна не осталась предоставленной самой себе. Спешно были возведены дополнительные деревянные укрепления; в крепости находилось 314 человек — однако никакие приготовления не помогли, и 28 июня 1714 г. комендант Олафсборга майор Юхан Буш открыл ворота крепости русским.

Из подписанного мирного соглашения, однако, не явствовало, кому же всё-таки должна принадлежать крепость, и после семи-летнего нахождения в руках русских Олавинлинна вновь перешла к шведам.

Теперь актуальность оборонительных функций приграничной крепости чувствовалась, как никогда прежде, но сильно пострадавшему во время осады Олафсборгу по каким-то причинам не было уделено должного внимания. Были проведены лишь поверхностные ремонтные работы, и когда в 1742 г. русские вновь оказались на подступе к замку, комендант Гилленекер сдал вверенную ему

Савонлинна

крепость после двух дней осады. По заключённому на следующий год Абоскому миру крепость отошла к России вместе со всем регионом Савонлинна.

2 июля 1788 г. шведы попытались штурмовать город Савонлинна, но отвоевать бывшую приграничную крепость им так и не удалось. По окончании войны русские провели в крепости необходимые улучшения, усовершенствовав оборонительную систему и добавив бастионы в виде облицованных камнем земляных валов. Возродившийся замок вновь мог противостоять натиску врага, однако с тех пор случай так и не представился...

В 1809 г. Финляндия стала автономной частью Российской империи, и Олафсборг потерял своё военное значение. Несмотря на это, русские солдаты оставались тут вплоть до 1847 г., после чего крепость на несколько лет превратили в тюрьму. В 1860-х гг. в замке вспыхнули очередные пожары, разрушившие значительную его часть, но со временем крепость была восстановлена и начала привлекать внимание туристов.

Среди посетителей самого северного каменного замка Средневековья, была в 1907 г. финская оперная певица Айно Акте, увидевшая в бывшей крепости скрытый потенциал исторической музыкальной площадки. Первый из пяти организованных ею музыкальных фестивалей состоялся летом 1912 г., а с 1967 г. такие фестивали проводятся ежегодно.

Превратившись в одно из самых заметных событий в мире оперного искусства, Оперный фестиваль в Савонлинне длится теперь около месяца, а число посетителей достигает 60 000 человек. В стенах крепости также

Айно Акте

действуют музеи, посвящённые истории замка и прославленной иконописи.

С Олавинлинной связаны две легенды. Рассказывают, что, когда в XVI в. русские войска осаждали замок, дочь коменданта крепости влюбилась в офицера родом откуда-то из Сибири. Некоторое время они тайно встречались, пока об этом не узнал её отец-патриот.

Решив, что родная дочь собирается сдать Олафсборг русским, комендант приказал замуровать родное дитя в стене. На месте гибели несчастной выросла рябина, белые цветы которой напоминали о невинности девушки, а красные ягоды — напрасно пролитую кровь. Рябина Олавинлинны стала столь знаменитой, что в 1950 г. о ней сложили балладу.

Другая история гласит, что в крепости появился чёрный барашек, которого должны были подать на день святого Олафа. Перед закляньем ему удалось бежать; он взобрался на крепостную стену и, увидев неприятельские войска, начал издавать такой шум, что враги, приняв его за воплощение дьявола, испугались и бежали.

Каяни: два рекорда одного замка

Регион Кайнуу попал под шведское владычество уже в XII в., но только спустя 5 столетий шведы начали осознавать его стратегическую ценность — он находился в непосредственной близости от окрепшего врага — России. Крепость Каяни, быть может, и не является столь же древней, как Турку или Хяме, но интерес представляет не меньший — именно поэтому она и включена в раздел старейших цитаделей Финляндии.

Современные археологи утверждают, что водные пути Кайнуу, связывающие Северный Атлантический океан с Ботническим заливом и Карелией, были известны нашим предкам ещё 8000 лет назад. Здесь издревле пролегли торговые пути между западом и востоком, связующим же звеном являлась народность квенов, ныне проживающих на севере Норвегии.

Квены отвечали за торговлю в этом регионе вплоть до XIII в., пока Финляндия не стала частью Швеции. Пути эти были настолько важны и удобны, что в 1377 г. новгородцы предприняли экспедицию с целью заново открыть старые дороги — «от Ладоги до

Каяна моря». Можно считать, что экспедиция завершилась успешно: её участникам удалось дойти до гавани Оулу — города, расположенного на реке Каяани, вдоль которой прежде располагалось немало укреплений.

В своих хрониках шведы нередко упоминают, что после заключённого в 1323 г. Ореховского мира им пришлось срочно строить новые, а также восстанавливать и укреплять ранее существовавшие в восточной Финляндии крепости.

Финский замок Улеоборг (Оулу) начали строить на островке в устье однопотоковой реки в 1590 г. при шведском короле Юхане III, желавшем укрепить восточные границы своего государства от набегов соседей. Новый замок стали возводить в том месте, где прежде уже существовали некоторые укрепления.

Прежняя крепость также возводилась с целью защиты — в Софийской хронике сохранилось упоминание о том, что в 1377 г. новгородцы пытались атаковать некий борг в устье реки Оулу, но безуспешно — это и был предшественник юхановского замка.

Улеоборг представлял собой прямоугольное сооружение с четырьмя угловыми деревянными башнями. Южную часть составляла каменная стена длиной 34, высотой 4 и толщиной 0,7 м. Защищена подобной каменной стеной была и восточная часть; с других сторон были лишь небольшие деревянные укрепления. Борг окружал ров, который при необходимости можно было наполнить водой. Сам замок был возведён частично из гранита, частично из кирпича и дерева. Оулу не было суждено стать свидетелем кровавых битв: в основном он служил арсеналом да короткое время резиденцией местного губернатора.

Оулу на городской печати 1694 г.

В 1714 г. крепость без сопротивления была сдана русским, которые поспешили её разрушить. То, что осталось нетронутым, было уничтожено в ночь на 1 августа 1793 г., когда в замок ударила молния и в одном из подвалов, где всё ещё хранились значительные запасы пороха, вспыхнул

Обсерватория Оулу

пожар. На выжившем фундаменте в 1875 г. была построена обсерватория для местного навигационного училища, ставшая в 1912 г. кафетерием с небольшой экспозицией, посвящённой истории замка.

В 1604 г. началось строительство форта на реке Каяни, на маленьком островке, связанном с берегами мостами. Первоначальное укрепление состояло из двух каменных башен, соединённых стеной. Неподалёку выросла скромная деревушка Каяни, которая уже в 1651 г. получила городские привилегии, когда её население едва достигало 400 человек.

Граф и губернатор Финляндии Пер Браге быстро осознал важность нового городка и, направив сюда наместника, повелел заняться укреплением замка. К 1666 г. Каяни уже составляла серьёзную преграду на пути любого, кто пожелал бы напасть на Финляндию с востока. Это был четырёхугольный борг с круглыми угловыми башнями. Деревянные постройки замкового двора были заменены каменными; выходящая на восток стена была усилена и приспособлена под пушки.

Поскольку места на тесном островке не хватало, необходимые призамковые постройки стали появляться на берегах реки. Каяни превратился в мощнейший форт северной Финляндии — настолько современный, что на протяжении всего XVII в. русские не предприняли ни единой попытки атаковать его.

Принимая во внимание некоторую удалённость Каяни от «цивилизованного мира», при строительстве с самого начала старались использовать как можно больше материалов, добытых тут же: природный камень, известняк, кирпич да древесину. Из-за границы доставляли лишь стекло, и при замке был стекольщик, приезжавший сюда каждый год, чтобы починить старые или сделать новые окна.

К строительству привлекались в основном местные крестьяне, отвечавшие не только за саму стройку, но и за доставку материала: нередко именно они собирали камень для стен и опорных башен. На протяжении всего XVII в. каждый крестьянин был обязан проводить 6 дней в году на стройке замка Каяни.

Городок рос не слишком быстро, однако добываемая здесь смола превратила его в крупнейший смоляной центр мира. Смола отсюда поставлялась не только в соседние страны, но и в такие миро-

вые державы, как Великобритания, Франция и Испания, которым требовался подобный материал для судостроения.

Несмотря на то что Каяани стал довольно важным экономическим центром, находился городок всё же в глуши, а потому быстро получил статус наиболее подходящего места для ссылки «политических заключённых» того времени.

В частности, здесь побывали писатель Ларс Виваллиус (1634—1641) и историк Йоханнес Мессениус (1616—1635), чьей задачей было описать скандинавскую историю, рассказав в ней о финском народе. Такое вынужденное паломничество средневековой творческой интеллигенции в Каяани привело к тому, что местный фольклор был отражён в национальном эпосе Финляндии — «Калевале».

В 1716 г. во время Великой Северной войны русские войска вторглись в провинцию Кайнуу и начали пятидневную осаду замка, в результате которой состоявший из 40 солдат и 70 гражданских лиц гарнизон, оставшись без еды, пороха и дров, был вынужден капитулировать. В тот же год русские по неизвестным причинам взорвали старую крепость.

По заключении мира в 1721 г. Каяани вернулась к шведам. Несколько лет крепость оставалась нетронутой, пока Густав III (1746—1792) не направил сюда небольшое войско с тем, чтобы тщательно исследовать состояние замка. Солдаты, однако, пришли к выводу, что крепость едва ли подлежит восстановлению, — так она и продолжает стоять с тех самых пор...

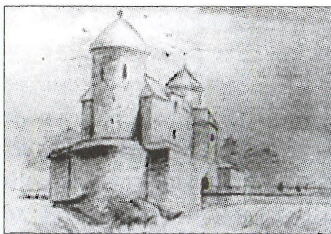
К большому удивлению, сохранилось всего два изображения Каяни, дающие представление о структуре, размере и архитектуре крепости. Первым является уцелевший чертёж 1604 г., вторым — рисунок 1734 г., когда местному художнику было поручено нарисовать крепость «такой, какой она была прежде», дабы сохранить это для будущих поколений. Художник рисовал по памяти, однако более поздние исследования показали, что его представление о замке в точности соответствуют хранившимся в шведских военных архивах чертежам. Это свидетельствовало лишь об одном: за 130 лет своего существования Каяни не претерпела никаких значительных изменений.

В конце XVIII в. Каяани полностью утратила свою фортификационную ценность. Замок, предоставленный ветру и непогоде, начал разрушаться, и местные жители принялись использовать никому не нужные каменные блоки для фундаментов собственных домов.

После того как в 1809 г. Финляндия получила независимость, стали появляться планы по восстановлению значимых для прошлого страны памятников.

В 80-х гг. XIX в. были предприняты серьёзные попытки воссоздать Каяни, однако только в 1937 г., после изучения похожих европейских

Каяни

замков, удалось восстановить верхний этаж крепости — то, что сегодня известно как «руины». Несмотря на свою относительную молодость и, по мировым стандартам, не слишком насыщенную историю, Каяни сумел побить сразу два рекорда: это самый северный замок в мире и самый маленький каменный замок в Европе — во всяком случае, таковым он являлся до 1716—1717 гг.

МОРСКИЕ КРЕПОСТИ ФИНЛЯНДИИ

Как уже говорилось, в XVIII—XIX вв. по мере переноса границы с Россией всё ближе к шведской столице необходимость ощущалась в строительстве именно морских крепостей: шведы уже не были единоличными хозяевами Балтийского моря, где вражеский флот мог нагрянуть лишь из Дании или Германии. Теперь опасность, исходившая на протяжении многих столетий от восточного соседа, стала не только сухопутной, но и морской.

Свеаборг (Суоменлинна) — вторая по величине крепость после Гибралтарской

Шёл ноябрь 1747 г. Шведский монарх Фредрик I (1676—1751) только что одобрил вынесенное риксдагом предложение о возведении новых укреплений в Финляндии. План состоял в постройке небольшой островной крепости Свартхольм и крупного укрепления у самого Хельсинки, состоящего из двух частей: наземных сооружений и островного борга. Морская крепость должна была иметь собственную верфь и большую гавань, где могла бы разместиться и пребывать в безопасности серьёзная флотилия.

Имя новой крепости было выбрано солидное: Свеаборг — «крепость Швеции».

Оснований для рассмотрения подобного проекта было более чем достаточно: в первой половине XVIII в. Финляндия дважды оккупировалась русскими войсками. Военные дела шведов оставляли желать лучшего: после поражения под Полтавой статус Швеции как великой непобедимой державы оказался под угрозой. Шведское укрепление Ниен в устье Невы капитулировало после осады 1703 г., и на этом месте царь Пётр I заложил новую столицу — Санкт-Петербург. Постепенно России отошли Выборг и части финской провинции Саво, а потому вопрос защиты Финляндии стал как никогда актуальным.

Материальную поддержку нищей Швеции оказала, как это ни странно, Франция, с опасением наблюдавшая за крепнущей Россией. Франция не жалела средств на войны Швеции с Россией, а в 1747 г. французы заключили договор, по которому обязались в течение четырёх лет выплачивать шведам по 200 000 риксдалеров на строительство крепостей в Финляндии. На деле же поддержка оказалась куда более значительной: 18 годами позже оказалось, что за всё это время Франция потратила на шведские укрепления 90 бочек чистого золота!

В 1747 г. Августин Эренсвэрд (1710—1772), назначенный главным архитектором Свеаборга, отправился в Финляндию, дабы изучить её берега и найти наиболее подходящее для будущей крепости место. Уже в том же году закипела активная работа: строительство Свеаборга стало, пожалуй, самым притягательным местом для всех финнов — от простых лесорубов до искусных ремесленников. Основное строительство могло проходить только летом, но даже в «мёртвый сезон», когда работников отпускали по домам, их заставляли заготавливать стройматериал к следующему году. В Хельсинки потянулись художники и писатели со всей Европы, чтобы лично увидеть «стройку века» и поведать о ней будущим поколениям. Во многих поместьях южной Финляндии построили кирпичные заводы и каменоломни.

Строительство было столь масштабным, поскольку в планы входило не просто возведение крепости. Рядом с ней должен был вырасти целый «город» с большим количеством складских помещений и сараев, здесь должно было находиться всё необходимое для работы верфи. Кузница, мельница и даже церковь были в планах Эренсвэрда с самого начала. Одновременно приступили к работе по сооружению крепости в соседнем городе Ловийса.

Августин Эренсвэрд

Как это часто бывает, строительство Свеаборга требовало куда больше времени и денег, чем это ожидалось сначала. Риксдаг несколько раз ставил под сомнение актуальность проекта, и Августин Эренсвэрд лично ездил в Стокгольм убеждать высокопоставленных лиц в необходимости его дела.

Так или иначе, но на риксдаге 1755 г. было принято другое важное для крепости решение: Свеаборг должен был стать базой для отдельного галерного флота. В том, что именно лёгкая флотилия, не зависящая от ветра, может оказать нужную поддержку армии, шведы убедились во время оккупации Финляндии русскими войсками: без помощи небольших судов, поставляющих провиант и не слишком тяжёлое оружие, русским бы не удалось так долго контролировать финское побережье.

С 1757 г. Свеаборг переживал не самые лучшие времена. Эренсвэрд был вынужден принимать участие в некоторых войнах, и строительство было приостановлено. Затем на несколько лет изменилась политическая ситуация в Швеции: новый союзник Англия считала, что налаживать отношения с Россией необходимо путём переговоров и дружественной политики, а не при помощи возведения пугающих военных объектов.

Так или иначе, интенсивное строительство Свеаборга продолжилось только в 1770 г., за 2 года до смерти Эренсвэрда. Его кончина стала тяжёлым ударом для Густава III, видевшим за Свеаборгом большое будущее и желавшим во что бы то ни стало продолжать

расширение крепости. Чтобы показать своё уважение к архитектору, король лично создал эскиз для памятника в его честь, установленного у комендантского корпуса Свеаборга.

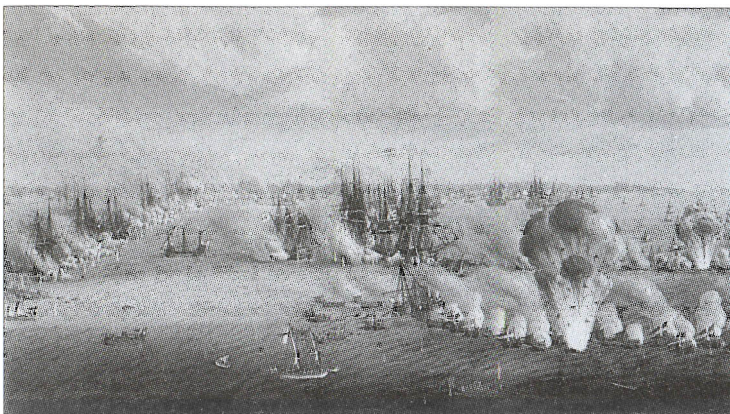

Густав III, многие годы лелеявший надежду отвоевать у России утраченные финские территории, увидел свой шанс в 1787 г., когда между Швецией и Россией разразилась новая война. В ней основным участником Густав представлял шведский флот, а базой для него стал Свеаборг, где суда могли зимовать и искать убежище после сражений. Война не привела к территориальным изменениям, и главным достижением шведов стал отказ России от вмешательства во внутренние дела Швеции. Сама же страна оказалась только втянутой в огромные долги.

Решающее морское сражение состоялось 9—10 июля 1790 г., когда свеаборгская флотилия под командованием самого Густава встретила с русскими кораблями. Предварительно король спросил, что его ближайшие советники думают о наступлении. Лишь один человек, Карл Олоф Кронстедт (1756—1820), нашёл эту идею правильной. Прислушавшись к совету, Густав пошёл в атаку, и сражение было выиграно. С тех пор 10 июля считается одним из праздничных дней финского флота.

С самого начала Свеаборг был, что называется, центром культуры. Ещё Августин Эренсвэрд до переезда сюда офицерских семей раз в неделю открывал свой дом для всех желающих. После его смерти в Свеаборге нередко устраивались вечера танцев и балы, на которые помимо офицерских жён, живших в гарнизоне, приглашались «дамы Хельсинки и его окрестностей». Столы ломились от еды и выпивки; здесь можно было танцевать, играть в карты и бильярд, слушать камерную музыку (в крепости был даже собственный оркестр!).

Вскоре тут открылся театр, чьи актёры время от времени говорили по-французски, чтобы повысить общий культурный уровень зрителей. При Свеаборге открыли больницу и несколько школ, причём как военных, так и гражданских. «Здесь оживлённее, чем в

Сражение в Свенсксунде 9—10 июля 1790 г.

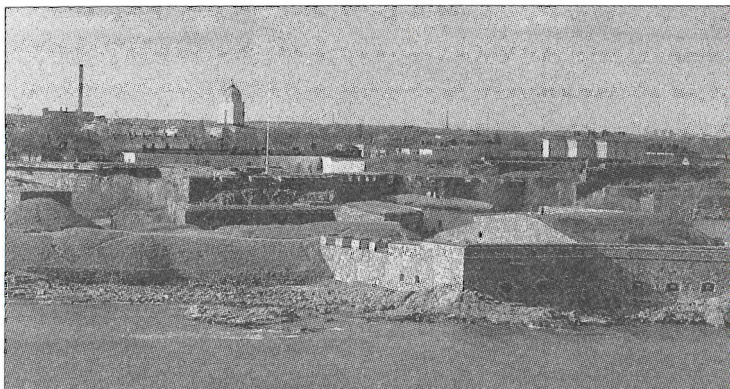
лондонском Гайд-парке», — заметил как-то посетивший крепость английский профессор минералогии Эдвард Даниэль Кларк.

Растущее значение Свеаборга отразилось и на жизни Хельсинки. Здесь появились мануфактуры, открылись новые магазины. Сюда стали стекаться торговцы — впоследствии, кстати, также приобщившиеся к светскому образу жизни. Вокруг города выросли небольшие усадьбы. Постепенно Свеаборг и Хельсинки стали столь зависимы друг от друга, что уже воспринимались как единое целое. Всему этому настал конец, когда крепость капитулировала в 1808 г.

Бесспорно, крепость была на тот момент самой большой и мощной в Швеции — более того, по оснащению она занимала второе место в мире после Гибралтарской, но бог был далёк от того, что представлял себе Августин Эренсвэрд: Свеаборг являлся морской крепостью; материковые укрепления, по большому счёту, даже не начинали строить.

Надо сказать, с самого начала основное внимание было уделено исключительно конструкции крепости: к примеру, на стены без специальных лестниц можно было взобраться в нескольких местах, в то время как затруднявшие атаку насыпи отсутствовали. Многие критиковали Эренсвэр-

Свеаборг

да за устройство всемирно известных бастионов — из-за каменистости острова на создание бастионов ушло чрезвычайно много сил. Вместо того чтобы приспособить новую крепость под ландшафт, архитектор взялся за обратное — изменить природу под задуманный им форт.

В феврале 1808 г. русские без единого выстрела заняли город Ловийсу.

В двух шагах от Ловийсы находилась шведская крепость Свартхольм, которую в тот же день, 23 февраля, русские начали осаждать. Комендант Грипенберг поклялся, однако, защищать крепость до последнего вздоха. Но это не понадобилось: русский парламентёр пообещал офицерам гарнизона экономическую поддержку и возможность солдатам спокойно отправиться домой — другими словами, избежать русского плена.

Крепость была отлично оснащена, её подвалы были забиты продовольствием и оружием — и всё же Грипенберг предпочёл сдаться и принять щедрое предложение русских. 18 марта гордый Свартхольм был сдан без единого выстрела. Комендант крепости перешёл на службу к русским и скончался в Санкт-Петербурге в 1818 г.

Внезапная и, на первый взгляд, беспричинная капитуляция Свартхольма удивила не только финнов и шведов, но и самих русских. Стало очевидно: мораль шведской армии не слишком высока, а финансовое положение офицеров явно оставляло желать лучше-

го — раз они были готовы идти на многочисленные уступки, предлагаемые врагом.

В конце февраля русские войска вошли в Хельсинки и начали осаду Свеаборгской крепости.

Как уже было сказано, Свеаборг был не столько военным форпостом, сколько небольшим городом, где размещались офицерские семьи, ремесленники, художники, писатели и музыканты. Потому-то комендант крепости был скорее бургомистром, и просто-напросто сдать крепость он не мог — в данном случае речь шла о чести и защите целого города: как-никак, в Свеаборге находилось более 7000 человек.

Однако атака русских была скорее психологической. После нескольких дней осады, не нанёсшей Свеаборгу значительных разрушений, из крепости начали стрелять. Это были беспорядочные выстрелы, направленные, что называется, в никуда — туда, где, по мнению защитников, могли располагаться неприятельские войска.

Комендант Свеаборга Кронстедт опасался наступления русских по льду, а потому отдал приказ о распиливании толстого слоя ледяного покрова, чтобы освободить воды Финского залива. Кроме того, чтобы снизить риск возникновения пожара, на территории крепости были снесены многие деревянные постройки, в том числе и гарнизонная церковь. Русские предприняли несколько попыток убедить коменданта в необходимости сдать крепость без боя, но постоянно получали отказ. Правда, Кронстедт всё больше и больше склонялся к перемирию. Наконец, соглашение было достигнуто: русские обязались не обстреливать Свеаборг.

Соглашение, подписанное шведами и русскими и названное «конвенцией», включало следующие пункты.

Если самое позднее 3 мая в 12: 00 шведское подкрепление минимум из 5 линейных кораблей не прибудет, Свеаборг будет сдан русским. В случае капитуляции русским достанется амуниция, запасы и всё, что принадлежит флоту.

При передаче Свеаборга финская эскадра, включающая 110 единиц, должна быть также передана русским в неповреждённом состоянии.

Πορτο

Укрепление Лонгёрн (Långörn/Särkkä) должно быть передано русским, которые, однако, не имеют права строить на нём какие-либо дополнительные оборонительные сооружения.

Острова Вэстер-Свартё (Väster-Svartö/Länsi Mustasaari) и Лилла Эстер Свартё (Lilla Öster-Svartö/Pikku Mustasaari) в качестве залога до окончания перемирия переходят к русским.

В соглашении также оговаривалось, что данную бумагу должны были доставить королю два шведских курьера. Русские согласились на подобное условие, однако курьеры были задержаны по дороге в Стокгольм в городах Турку и Вааса, и король так и не узнал о предложении Кронстедта вплоть до дня капитуляции Свеаборга.

Позднее многие критиковали Кронстедта за такие уступки, однако комендант разумно парировал: если подкрепление прибудет вовремя, отобрать у русских острова не составит труда. Больше вопросов вызывала передача амунции и флота (среди кораблей были и исторически значимые для Швеции суда, одержавшие столь важную для Густава III победу в Финском заливе). Но и здесь Кронстедт следовал логике: его целью было во что бы то ни стало сохранить Свеаборг, а уничтожение судов и пороха могло повлечь за собой пожар и даже взрыв в крепости.

Шло время, а корабли с подкреплением так и не появлялись. Беспокойство всё усиливалось и достигло своего апогея 13 апреля, когда дневной рацион зерновых, выдаваемый военным, был увеличен. Население, не знавшее о договорённостях командирского состава, находилось в недоумении; несколько раз предпринимались попытки сместить коменданта Кронстедта. На пару дней двери складов со съестными припасами распахнулись для всех желающих.

Карл Олаф Кронстедт

21 апреля многие семьи начали паковать чемоданы. 3 мая 1808 г. Кронстедт заявил о капитуляции.

Покидая Свеаборг, многие солдаты плакали и ломали собственные ружья. Российский царь Александр I писал Наполеону, что «крепость вырублена в скале и снабжена 1900 пушками, также военная флотилия из 100 кораблей теперь находится в Ваших руках».

С падением Свеаборга завершился и захват всей Финляндии. Карьера Карла Олофа Кронстедта, столь блестяще начавшаяся при Густаве III, завершилась полным крахом. Много лет спустя коменданту начали выплачивать обещанную русскую пенсию; его дочь стала пользовавшейся успехом придворной дамой, а сыновья сделали головокружительные карьеры при царском дворе.

Капитуляция крепости ещё не означала капитуляцию флотилии. Многие морские офицеры были искренне преданы шведскому монарху, да к тому же призваны на службу из разных частей Финляндии.

Так или иначе, но 17 сентября 1809 г. был подписан новый мирный договор, по которому Швеция уступала России всю Финляндию. Финнам, правда, было позволено сохранить свою веру и закреплявшиеся веками шведские законы. Фридрихсгамский мирный договор содержал самые жёсткие условия, на которые когда-либо соглашалась Швеция в период Нового времени.

В руках русских Свеаборг продолжал оставаться оборонительной крепостью. На протяжении XIX в. сильнейшими русскими цитаделями считались Севастополь, Кронштадт и Свеаборг; последний стал также военной базой русского флота.

Здесь начались строительные работы. Офицерский корпус был переделан в новомодном стиле ампир; была построена церковь в классическом русском стиле — с куполами.

Потеря Свеаборга означала для Швеции лишь одно: изменение границ и необходимость новой крепости для защиты своего восточного побережья. Выбор пал на Аландские острова, где началось строительство Бомарсундской цитадели. Отношения же

Русская православная церковь Свеаборга

между Россией и Швецией несколько улучшились уже после 1812 г., когда в Швеции был выбран новый король — бывший наполеоновский маршал Бернадот.

Расширение Свеаборга продолжалось весь XIX в. После Русско-японской войны в Российской империи начались волнения, постепенно достигшие и Свеаборга, где к тому моменту находились тысячи русских солдат и матросов. Восстание, инициаторами которого были матросы, вспыхнуло неожиданно, и довольно скоро царь потерял контроль над несколькими островами Свеаборга. Но русская флотилия подоспела вовремя; после четырёхдневной борьбы и потери 50 человек восстание было подавлено. Зачинщики — 28 солдат и матросов — были казнены, а в Свеаборге снова закипела стройка.

Свеаборгское строительство в начале XX в. стало, пожалуй, крупнейшим в Финляндии за последние годы. В 1916 г. из-за нехватки рабочей силы сюда даже было доставлено 3000 китайцев, которым по-

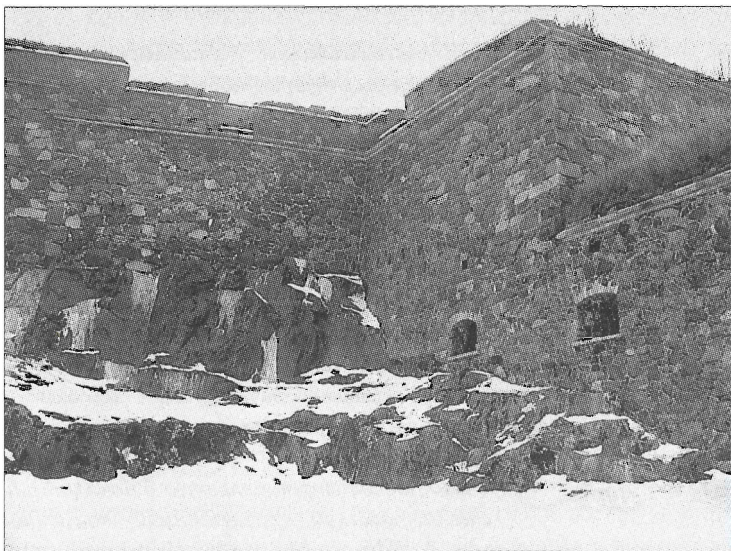

ручили мелкие работы. Гарнизон крепости на тот момент составлял 6000 человек.

Революционные события в России вызвали волну беспокойства и в Свеаборге. Многие солдаты и матросы капитулировали; после объявления Финляндией независимости капитуляция продолжилась.

Когда 13 апреля 1918 г. Свеаборг был взят белыми, провозглашён частью Нюландской губернии — другими словами, частью Финляндии, — и переименован в Суоменлинну (то есть «Финскую крепость»), русская эпоха крепости окончилась.

Как только Свеаборг оказался в руках финнов, от населения стали поступать предложения о том, чтобы превратить крепость в место отдыха, однако первые годы цитадель всё-таки продолжала использоваться в государственных целях: здесь была тюрьма, военные училища, фабрика по производству самолётов. Однако уже в 1919 г. два свеаборгских острова были объявлены памятниками старины, и за дело взялись археологи.

Стена Свеаборга

Во время войн Свеаборг оставался военно-морской базой, но в 1948 г. он был открыт для туристов. В тот год праздновали 200-летнюю годовщину со дня основания крепости. В 1991 г. цитадель вошла в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, и из всех финских объектов, получивших международное признание, Свеаборг является самым посещаемым: в 2007 г. здесь побывало более 700 000 туристов.

Нынешняя Суоменлинна хранит следы всех трёх поколений: со времён шведов остались бастионы и стены, на которых всё ещё можно прочесть шведские надписи, относящиеся к началу строительства. К тому же могила главного архитектора крепости, Августа Эренсвэрда, расположена на территории Свеаборга. Русская история Суоменлинны читается в покрашенных в любимый русскими розовый цвет зданиях, а также в построенных специально для офицеров деревянных виллах. Наконец, финская эпоха ознаменована новым именем крепости, пятью музеями, а также свидетельствами пребывавших здесь когда-то заключённых — прежде всего красногвардейцев.

Свартхольм

После заключения Абоского мирного договора в 1743 г. государственная граница между Швецией и Россией прошла по западному рукаву реки Кюмийоки. На шведском риксдаге 1746—1747 гг. было принято решение об укреплении всей территории Финляндии, поскольку укреплённые прежде города восточной Финляндии остались далеко за пределами новой границы. Основной задачей шведов теперь было во что бы то ни стало приостановить возможное продвижение русских войск в сторону королевства Швеции. Главным форпостом страны должен был стать Свеаборг близ Хельсинки.

В помощь ему в 1745 г. было основано наземное укрепление в Дегербю, дополнением к которому и стала островная крепость Свартхольм. Дегербю, в 1752 г. в честь шведской королевы Луви-сы Ульрики переименованный в Ловийсу, планировался как гарнизонный город, однако позднее все силы бросили на расширение морской крепости, и о материковых укреплениях пришлось забыть.

Первые фортификационные сооружения Свартхольма появились в 1749—1764 гг. Крепость предполагалось сделать бастионным укреплением, однако из 6 запланированных бастионов удалось возвести только два (Ungern, Rosen) — помешали Померанская и русско-шведская войны конца XVIII — начала XIX в. Эти бастионы грозно охраняли береговую линию, ведущую от Турку к Выборгу. Основное же здание снабдили четырьмя бастионами, получившими названия по именам контролировавших строительство офицеров.

Когда о строительстве было объявлено, в городе находилось только 24 солдата, но за полгода количество занятых на производстве уже приблизилось к полутора тысячам. За все работы по возведению финских морских крепостей того времени (а это были Свартхольм и Свеаборг) отвечал архитектор Августин Эренсвэрд (1710—1772), привлекавший к делу наравне с пехотинцами и моряками также опытных каменщиков, плотников и даже каторжников. Работа оплачивалась посуточно; трудиться приходилось по 12 часов 6 дней в неделю.

Обычно рабочий год тянулся с апреля по сентябрь. В октябре солдат внутренних войск отправляли в отпуск — зимнее время отводилось профессионалам, трудившимся в кузницах и различных мастерских, а также на лесопилках. Кроме того, за недостроенными крепостями постоянно надо было следить. Другими словами, строительство Свартхольма обеспечило работой весь регион. Помощь оказывали и местные бюргеры: они поставляли бумагу, свечи, сено и лошадей. Строительный материал добывали поблизости.

На первом этапе строительства солдат расквартировывали в деревнях и сёлах на материке, поскольку на самом острове жить было негде. Согласно отчёту Эренсвэрда, на Свартхольме (крепость получила название по острову, на котором располагалась) был размещён лишь один офицер, остальные ютились в небольших хуторах недалеко от крепости. Многим, надо сказать, жизнь рядом с горожанами нравилась куда больше, чем замкнутый круг военных.

В первые годы строительства Свартхольма шведские офицеры нередко ездили в Хельсинки и Свеаборг, дабы приобщиться к свет-

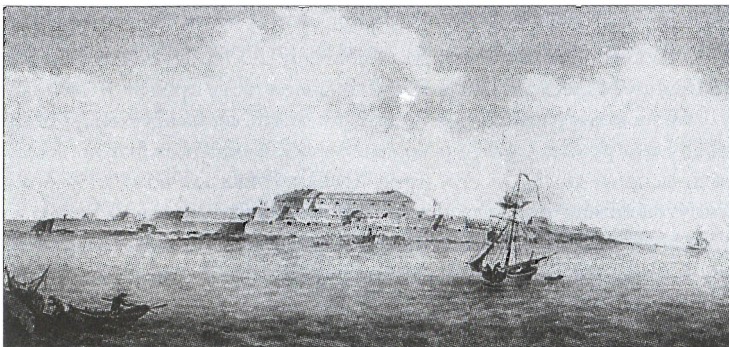
ской жизни — пока таковая не появилась в Ловийсе. Поводов для больших праздников хватало — например, в честь приезда какого-нибудь нового офицера. В день рождения короля закатывали пир горой, на который не жалели ни сил, ни средств.

Чтобы внести побольше разнообразия в свою жизнь, офицеры и зажиточные горожане часто объединялись в братства и тайные общества. В Свартхольме таковым стало общество, проводившее специальные церемонии в честь бога виноделия. На встречах звучали речи, тосты и песни, а гвоздём программы считалось высмеивание трезвенников.

Солдатское обеспечение приносило дополнительные доходы городской казне и местным рыболовам и крестьянам. В Ловийсу сначала привозился голландский табак, пока в 1754 г. здесь не была основана собственная табачная фабрика. Сходным образом дела обстояли и с пивом и вином: их первоначально брали у местных жителей, но в 1770-х гг. в городе открыли спиртовой завод.

Нельзя сказать, чтобы строительство продвигалось быстро. По счастью, Свартхольм никогда не участвовал в настоящих боях: уже в 60-х гг. XVIII в. обнаружили, что здесь не может быть размещено достаточное количество артиллерии, а оборонительные сооружения с южной стороны вообще никуда не годились.

В 1808 г. внезапно началась русско-шведская война, и Ловийса оказалась первой целью на пути русских войск. Окружив Свартхольм, русские начали обстрел крепости — правда, очень непродолжительный, а потому не причинивший ей никакой ущерб. Тем не

Свартхольм

менее офицерский состав во главе с комендантом Карлом Магнусом Грипенбергом решил капитулировать, и 18 марта Свартхольм был сдан без боя.

Все 700 человек гарнизона оказались в плену. До сих пор точно не известны причины столь быстрой капитуляции крепости, хотя считается, что находившиеся в Свартхольме офицеры просто-напросто не верили в способность собственного форта (да и всей Швеции в целом) оказать достойное сопротивление в этой войне.

Как и многие другие финские офицеры в ту войну, Грипенберг быстро перешёл на службу к русским, за что на родине был приговорён к смертной казне. Однако комендант явно родился под счастливой звездой: несмотря на презрительное отношение к нему народа, считавшего его предателем, он всё же попал под всеобщую амнистию и был помилован.

Находясь в руках русских, Свартхольм не имел никакого стратегического значения и использовался в качестве военно-морской базы и тюрьмы — в основном для финских военнопленных, хотя в маленькую сторожку привозили и русских политических заключённых. К примеру, после восстания 1825 г. сюда доставили 7 декабристов.

Однако как тюрьма Свартхольм никуда не годился, и из-за многочисленных жалоб в 1847 г. заключённых пришлось перевести в Свеаборг. Вскоре вспыхнула Крымская война, и России пришлось наскоро латать недавно приобретённые крепости у Финского залива. Вспомнили и о заброшенных укреплениях, и о тех, что требовали значительных ремонтных работ, — в частности, о Свартхольме. Всё военное оснащение было снято; деревянные дома, двери и оконные рамы перевезли на материк.

Русский гарнизон покинул Ловийсу в 1853 г. Через два года высадившиеся здесь английские войска заложили у крепости несколько тысяч килограмм пороха и подожгли его. От Свартхольма остались одни руины. Сразу после взрыва среди остатков форта начали искать пригодный для строительства материал для восстановления уничтоженного при пожаре города. Ратушу и церковь возвели из кирпича, некогда использованного для куртин.

Целый век остров Свартхольм служил пастбищем; стены крепости разрушались всё больше от холода и влажности, и в начале XX в. в небольших холмиках с трудом можно было узнать бывшие бастионы. Тогда было принято решение о восстановлении крепо-

сти и частичном превращении её в музей. Реставрационные работы завершились к 1998 г. — аккурат к празднованию 250-летнего юбилея Свартхольма.

Бомарсунд

В 1809 г. Финляндия вошла в состав Российской империи в качестве Великого княжества. В октябре того же года генерал Барклай-де-Толли писал А.А. Аракчееву (1769—1834) о необходимости разместить гарнизон на Аландских островах, дабы офицеры его могли заниматься различными гражданскими делами, но прежде всего осуществлять защиту островов, для чего надо было бы возвести небольшое укрепление.

Вскоре после присоединения Финляндии к России, император Александр I отдал приказ о строительстве крепости на Аландских островах. Крепость должна была стать лишь частью оборонительной системы, планировавшейся на только-только завоёванных землях. Центром хотели сделать финский город Куопио; справа оборонительная линия должна была проходить по Архангельской области, а слева — на Аландских островах. Острова должны были стать адмиралтейством с гаванью для военной флотилии.

Лучшим местом для возведения крепости на Аландских островах Барклай-де-Толли считал Бомарсунд, однако претворение проекта в жизнь затянулось почти на четыре десятилетия. Чертежи постоянно переделывались, размеры крепости уменьшались, а из-за недостатка стройматериала работы могли проводиться только в летнее время. В итоге, когда в 1853 г. вспыхнула Крымская война, была готова лишь $\frac{1}{5}$ часть крепости.

Вместо запланированных 500 пушек и 5000 солдат здесь находилось лишь 112 пушек, а гарнизон состоял из 1200 человек. Когда Бомарсунд летом 1854 г. спешно перевели на военное положение, крепость представляла собой двухэтажное овальное здание длиной 290 метров, где располагались казармы. Из задуманных 15 башен успели соорудить только 3, но бастионы и земляные валы всё же

Александр I

были готовы. На территории уместилось около 2500 человек.

В строительстве Бомарсунда были задействованы не только солдаты, но и заключённые, частенько ударявшиеся в бег. За поимку каторжников местным жителям полагалась награда, равная по стоимости нескольким суточным уловам салаки. Дополнительно выплачивалась также и сумма «за транспортные расходы». Подобная охота была делом весьма выгодным, и аландцы с радостью принялись выполнять задание.

Каким бы невзрачным и маленьким ни казался изначально Бомарсунд, но его возведение привлекло внимание англичан уже в 1830-е гг., т.е. в то самое время, когда работы едва успели начаться.

В 1833 г. лорд Палмерстон обвинил Россию в подготовке войны против Англии, объясняя свои выводы следующим образом: Россия не ведёт морскую торговлю, а потому не испытывает необходимости в военном флоте. Поскольку Россия пытается создать такой флот, значит, происходит это с целью завоевать новые земли, ведь защищать-то подобным судам на родине, собственно, нечего. Защиту от Швеции Россия якобы обеспечила себе крепостью в Турку, и, следовательно, никаких других целей, кроме как нападения на Англию, русские не могли преследовать, возводя новый форт на Аландских островах.

По мнению Палмерстона, Россия новым строительством угрожала Австрии, Пруссии и всем княжествам Дуная, а большие крепости Финляндии должны были посеять страх в сердцах шведов. Русские же заверяли, что отношения России и Швеции складывались как нельзя лучше, и последнюю ничуть не смущали замки на территории Финляндии.

Насколько спокойными оставались шведы, становится понятным из обсуждавшихся на риксдаге 1828 г. планов по укреплению обороны островов, находящихся прямо напротив Аландских, хотя предложение это было вызвано «политическими соображениями, связанными с будущим развитием страны, а не опасениями возможного вторжения со стороны могучего соседа на востоке».

В разразившейся в 1853 г. Крымской войне на стороне Османской империи выступили Англия и Франция, опасавшиеся чрезмерной экспансии русских на запад. В задачу объединённых европейских держав входило блокирование русских судов в Финском заливе, недалеко от Кронштадта. Однако уничтожить русский флот уже в начале пути не удалось, и ставка была сделана на атаку Бомарсунда.

С 1 мая английские суда стали группироваться около Бомарсунда, чтобы тщательно замерить местные глубины. Нередко останавливали и брали в плен местных рыбаков, дабы те подробно рассказали, в каком состоянии находится знаменитая крепость. Правда, сведения жителей оказались слегка устаревшими: по их словам, местные фарватеры были столь узки, что и небольшие фрегаты едва могли протиснуться к острову. К тому же дно, как утверждалось, было довольно каменистым, в связи с чем даже рыбацкие судёнышки не решались проплывать друг мимо друга.

Позднее один из очевидцев событий на Аландских островах писал: «Оказалось, что там, где едва ли проходили фрегаты, спокойно помещались линейные корабли, а в так называемых самых узких местах целые эскадры могли совершать свои манёвры».

Первая атака на Бомарсунд началась 21 июня, однако она не была запланированной — её появление можно скорее считать казусом, или, если быть точнее, попыткой прославиться. Капитану одного из судов было поручено отправиться в Ботнический залив и передать командование адмиралу Плумриджу, который, в свою очередь, должен был плыть к Бомарсунду, дабы пополнить запасы провианта.

Адмирал, однако, отсутствовал, и бразды правления перешли к некоему Холлу. Холл, воспользовавшись неожиданной удачей, приказал открыть огонь по стенам крепости. Именно эта атака, по его словам, подорвала дух защитников Бомарсунда и нанесла крепо-

Атака на Бомарсунд

сти значительный ущерб, что впоследствии помогло захватить весь форт. Однако согласно отчёту русского историка генерал-майора Бородинкина, разрушения во время той самой атаки были невелики и никак не отразились на состоянии крепости.

Во время первого обстрела Бомарсунда на борт корабля «Гекла» попало пушечное ядро. Всем приказали лечь на палубу, но Чарльз Дэвид Лукас бросился к ядру, подхватил его и выбросил в море, где оно и разорвалось, не причинив никому вреда. За проявленное мужество моряку был присвоен первый в истории Крест Виктории — высшая военная награда Великобритании.

8 августа 1854 г. англо-французские войска пришвартовались у Бомарсунда. К тому моменту русские сожгли все деревянные постройки в радиусе полутора километров; большинство окон и дверей были замурованы в целях безопасности. В крепости оставалось около 2000 человек, на каждую из 40 пушек приходилось по 60 ядер, запасов еды хватало максимум до декабря 1854 г. Комендант крепости не питал иллюзий по поводу судьбы Бомарсунда: его взятие было лишь вопросом времени.

12 000 солдат ринулись в атаку по суше, 80 судов начали обстрел цитадели. После ожесточённой недельной осады 16 августа

крепость была взята штурмом. Некоторым защитникам удалось бежать, однако большинство (из которых три сотни были финнами) взяли в плен и отправили в тюрьмы Англии и Франции. Позже, правда, пленникам было позволено вернуться в Финляндию, где они сложили песню о битве и своём заключении — «Битва за Бомарсунд» («Oolannin sota»). В Британии, в городе Льюис, в 1878 г. император Александр II установил монумент в память о защитниках крепости — 28 финнах, умерших в плену в 1854—1856 гг.

Падение Бомарсунда рассматривалось во Франции как огромная победа, что немедленно запечатлели на Триумфальной арке в Париже. Однако мнение русских было другим: Севастополь — это не Москва, Крым — не Россия, так что уж там говорить о каком-то Бомарсунде?

Потеря этой крепости, по мнению Александра II, была столь невелика, что походила лишь на один-единственный стежок в длинном шве искусной мастерицы. Вскоре это вынуждены были признать и Франция с Англией, где никто не знал, как поступить со взятой крепостью, никому не принёсшей удовлетворения. Во-первых, на Бомарсунд было затрачено чересчур много времени и усилий; во-вторых, даже блокада всего Балтийского моря никак не влияла на российский экспорт — сами англичане закупали сало и иные российские товары через Пруссию.

Вначале Бомарсунд предложили Швеции, однако та, не желая усугублять и без того непростые отношения с Россией, отказалась от щедрого дара. Видя всю безвыходность ситуации, союзники в конце концов просто взорвали то, что оставалось от некогда статного форта. 2 сентября 1854 г. Бомарсунд был практически стёрт с лица земли.

Однако из памяти слава бывлой крепости не была уничтожена: уже через 15 дней после окончания войны новая угольная шахта на северо-востоке Англии была названа в честь погибшей крепости — Бомарсунд.

В 1856 г. в Париже был заключён мирный договор, по которому русские вынужденно соглашались на признание Аландских островов демилитаризованной зоной. Это уложение действует и по

сей день, что ставит страну в ряд уникальнейших государств мира. Взорванные стены Бомарсунда легли в основу фундамента многих построек островов — в частности, их использовали в основанной вскоре столице. Бомарсундский кирпич пригодился и при строительстве Успенского собора в Хельсинки. Крепость никогда не пытались восстановить, хотя с полуразрушенных стен до сих пор смотрят грозные пушки...

Совсем иная судьба у другой крепости Аландских островов — изначально, правда, задуманной как обыкновенный борг, а вовсе не морская крепость. Речь идёт о Кастельхольме.

Кастельхольм — единственное средневековое укрепление Аландских островов

В исторических документах единственный средневековый замок Аландских островов Кастельхольм впервые упоминается в 1388 г. — к тому же периоду относятся и старейшие гранитные части сохранившихся сегодня руин: в период позднего Средневековья для строительства выбирали более модный материал — кирпич.

Замок был заложен на небольшом островке (поднятие грунта привело к тому, что сегодня вода омывает Кастельхольм только с одной стороны) и включал жилое помещение, крохотный замковый двор и башню. Всё это было обнесено стеной диаметром 217 м и толщиной до 2,4 м. В те времена Аландские острова были независимы, а Кастельхольм являлся административным центром региона. Фогты, или наместники, назначались шведским королём, и среди них были такие значимые лица, как Карл Кнутссон Бунде, Сванте Стуре и даже отец Густава Васы — Эрик Юханссон.

Эрик Юхансон (ок. 1470—1520) был одним из тех, кто в 1517 г. сверг датского епископа Густава Тролле, ставшего тремя годами позже, во время Стокгольмской кровавой бани, его палачом. Говоря, что, видя успех Кристиана II, Эрик не раздумывая перешёл на его сторону, за что его хотели поимать, — но тут, возможно, впервые в жизни, в отца Густава Васы пробудилась совесть, поскольку он с гордо-

стью произнёс: «Мои братья — благородные мужья, и я желаю умереть вместе с ними во имя Господа».

Многие находят его последние слова кощунственными, поскольку Эрик слыл человеком грубым и жестоким: сохранилось немало свидетельств о том, как он разорял церкви и приходские посёлки, насиловал служанок, убивал крестьян, чем-то ему не угодивших, — список можно продолжать довольно долго. Взывать к правосудию смысла не было: в своих краях Юханссон был верховным судьёй.

В 1520 г. Эрик Юханссон был обезглавлен в возрасте 50 лет.

Находясь в центре Балтийского моря, Аландские острова изначально являлись стратегически важным местом, а потому Кастельхольм с первых дней своего существования оказывался втянутым в бесконечные политические конфликты. Острова были «воротами Финляндии»: в период Кальмарской унии правители в первую очередь пытались завладеть именно Кастельхольмом, после чего провозглашали себя господами Финляндии.

Кастельхольм

Подобная ситуация заставляла местных властителей постоянно улучшать борг. Первое же расширение подарило замку дополнительную защитную стену, и замковых двора оказалось два. Для повышения обороноспособности вокруг замка вырыли рвы с несколькими рядами брёвен.

В XVI в. Кастельхольм подвергся сразу нескольким разбойным нападениям со стороны датчан, самым разорительным из которых стал набег 1507 г., когда датские войска сожгли замок, предварительно полностью разграбив его.

Реванш взяли союзники Густава Васы, в 1523 г. отбившие замок. Как и положено, Густав начал модернизировать новое коронное владение, в котором лично провёл несколько месяцев в 1556 г. В тот же год хозяином Аландских островов был назначен сын Васы, Юхан III (1537—1592). Юхан посещал замок трижды, а в 1571 г. он повелел заточить здесь собственного брата, Эрика XIV. Маленькую комнатку на третьем этаже башни традиционно считают тюремной камерой Эрика.

Во время гражданской войны в конце 1590-х гг. герцог Карл (будущий Карл IX) штурмом взял Кастельхольм, бывший коронным владением короля Швеции Сигизмунда. Защитники крепости были перевезены в Турку, замок которого также был осаждён. Когда комендант Абоской крепости отказался капитулировать, защищавшие Кастельхольм были казнены прямо у стен борга. Для Кастельхольма это была последняя битва — крепость потеряла своё военное значение.

В 1600—1605 гг. в Кастельхольмском замке находился Клас Бьелке (1544—1623) — единственный из аристократов, признавший свою «вину» и сознавшийся в том, что его симпатии были на стороне Сигизмунда, а не Карла. За чистосердечное признание он просил пощадить его. Когда Бьелке привели к месту казни, было зачитано помилование: Класу даровали жизнь, но провести её он должен был в тюрьме. Местами его заключения стали замки Гриспхольм, Кастельхольм и Нючёпинг, после чего он был выслан из страны. Однако в 1615 г. Бьелке позволили вернуться на родину и даже возвратили ему большую часть его имений.

В 1619 г. в Кастельхольмском замке вспыхнул пожар, после которого Густав II Адольф написал аландскому наместнику: «Замок должен быть приведён в такой вид, чтобы в нём, в случае надобности, можно было размещать лиц дворянских кровей». Губернатор в точности исполнил королевский приказ, но в 1634 г. Аландские острова вышли из юрисдикции шведского монарха, перестав быть независимым административным центром, и оказались в подчинении Турку.

Тогда же Кастельхольм начал постепенно приходить в упадок, хотя в начале XVIII в. и были предприняты попытки усилить крепость. Усилия эти не увенчались успехом, поскольку во второй половине того же столетия в замке случилось ещё два пожара. Уцелевшие помещения северного крыла превратили в склад зерна, просуществовавший здесь до конца XIX в., когда в крепости начали проводить обширную реставрацию и открыли музей. В задачу реставраторов входило представить разные архитектурные стили, рассказать о прежних хозяевах, об истории замка и технике обороны.

ФИНСКИЕ ЗАМКИ ЗНАТИ

С тех самых пор, как шведы утвердили свои права на финские земли и начали возводить там крепости и замки, в новые восточные края стали посылать наместников и фогтов, дабы контролировать местное население и собирать с него налоги. О замках вот таких вот «губернаторов» и пойдёт речь в этом разделе — и начать следует, безусловно, с самого крупного землевладельца Средневековья, Бу Юнссона Грипа.

Расеборг — один из замков Бу Юнссона Грипа

Гранитный Расеборг (или, как его называют в Финляндии, Раасепорин линна) в финском городке Снаппертуна (Экенэс) является единственным замком в Финляндии, где когда-либо длительное время проживал шведский король, — этим только фактом он ежегодно притягивает к себе сотни туристов. Более чем другие финские крепости Расеборг напоминает настоящие рыцарские замки южных стран, и тем самым является уникальным — и единственным в своём роде в Финляндии.

Всё началось в 1370-х гг., когда крупный шведский землевладелец Бу Юнссон Грип решил создать на этом месте первое укрепление, призванное, скорее всего, контролировать южную часть Финского залива и защищать интересы Швеции, пытавшейся противостоять влиянию ганзейского города Таллинна. В первые годы своего существования (пока в середине XVI в. не был основан новый город Хельсинки) Расеборг не раз становился участником столкновений датчан, шведов и даже морских разбойников.

На выходящей к заливу скале высотой 14 м Грип соорудил главное здание, вокруг которого с западной и южной сторон возвели стену с башней, так что крепость чем-то напоминала подкову. Водные пути здесь были всё ещё судоходными и могли в случае необходимости перекрываться железными цепями. Для дополнительной защиты вокруг замка был вырыт заполненный водой ров длиной 300 и шириной 12—18 м.

Первым наместником замка стал представитель знатного шведского рода Торд Рёрикссон Бунде, который в 1378 г. впервые упоминает об этом замке в одном из писем.

После смерти Бу Юнссона в 1386 г. замок, как и большинство его земель, отошёл к короне, однако его стратегически выгодное

Расеборг

местоположение не раз становилось поводом для борьбы за него самых крупных аристократов того времени. Несмотря на большое количество громких имён, связанных с Расеборгом, период его расцвета пришёлся на правление Карла Кнутссона Бунде (1408/09—1470), владевшего замком в 1442—1448 и в 1465—1468 гг.

Карл Кнутссон оказался в Расеборге со всем своим королевским двором в 1460-х гг., поскольку был сослан туда после свержения с престола. Здесь он в 1465 г. без памяти влюбился в Кристину Абрахамсдоттер, дочь местного лагмана. Состоялась свадьба, и в 1470 г. Кристину объявили королевой Швеции, тем самым превратив её в единственную финку, удостоенную такой чести. Правда, титул она сохраняла лишь несколько недель, поскольку уже 15 мая того же года Карл Кнутссон скончался.

Супруг, однако, уже во время бракосочетания завещал ей огромные земельные владения. Трон же Кристине унаследовать не удалось, поскольку в те времена существовала выборная система правителей.

Проживая в Расеборге, Карл Кнутссон не жалел средств на его укрепление, ведь Бунде был самым богатым человеком в Швеции, скупавшим, среди прочего, лучших солдат у своих конкурентов, претендовавших на шведскую корону. Например, уже на первые выборы в 1448 г. он прибыл из своего Выборгского замка с военной «свитой» из 800 человек! При Карле и сменившем его на престоле Ларсе Аксельссоне Тотте у замка была построена круглая башня, до сих пор угрожающе возвышающаяся на холме.

Когда в 1467 г. Карл Кнутссон в третий раз стал королём Швеции, произошло это не без помощи заключивших с ним союз Стена Стуре и датских братьев Ивара, Эрика и Ларса Аксельссона Тотта. В качестве благодарности Карл выделил братьям поместья: Ивару — Корсхольм, Эрику — Выборг и Хяме, Ларсу — Расеборг.

Карл Кнутссон Бунде

Ларс собирался поселиться в новом имении вместе с семьёй, и, чтобы перевезти туда людей и скот, он нанял судно из Любека. На нём должны были прибыть его жена и сын и сотня солдат, однако поездка закончилась ужасной трагедией: корабль затонул, и все находившиеся на борту погибли.

В 1515—1520 гг. наместником замка был Нильс Эскильссон, во время нашествия датчан заведовавший обороной одной из шведских провинций. Однако после того как его племянница Кристина Гилленшерна помогла Кристиану II войти в Стокгольм, Нильс перебрался в Расеборг.

Так ему удалось избежать Стокгольмской кровавой бани, однако месяц спустя наместник Кристиана прибыл в Расеборг, дабы отобрать замок в пользу датчан. Эскильссон и местный епископ были казнены 16 декабря 1520 г.

Датское владычество длилось недолго: после воцарения на престоле Густав Васа назначил во всех финских замках своих наместников. Густав немало слышал о плохом состоянии замка, а потому велел построить в городе новый, более современный. Спустя несколько лет король лично посетил Финляндию и её борги и, как говорят, пожалел об отданном ранее распоряжении: по его мнению, Расеборг нуждался всего лишь в хорошей реставрации, что в итоге и было сделано.

Но Васа не был заинтересован в этой крепости: в 50-х гг. был основан город Хельсинки, сразу же получивший более весомую роль в жизни южного региона Финляндии. После 150 лет существования замок вступил в стадию трёхсотлетнего забвения.

О Расеборге вновь вспомнили только в 1890 г., и после этого он всё время находился под пристальным вниманием общественности. Бывшую крепость несколько раз реставрировали, и сейчас она открыта для туристов, сходящихся во мнении, что её посещение — это настоящее погружение в прошлое!

Корсхольм (Мустасаари) — убежище виталийских братьев

Другой финский замок, Корсхольм, как и его товарищ Расеборг, впервые упоминается в 1384 г. в завещании Бу Юнссона Гриппа — правда, тогда замок скрывался под именем Критцеборг. Это

было укрепление на окружённом водой холме, состоявшее, скорее всего, из деревянных домишек да земляного вала. В этих местах грунт поднимается в среднем на 1 м за век, а потому сегодня сложно поверить, что в момент основания замка город Вааса, где и расположен Корсхольм, был частью огромного архипелага, уходящего вглубь материка. Ещё какое-то столетие назад грузовые суда проходили по ныне почти полностью заросшему каналу посреди пахотных полей.

Корсхольм считается местом, где были обращены в христианство первые язычники-скандинавы. В память об этом в 1894 г. на земляных валах Корсхольма был поставлен гранитный крест, заменивший установленный в 1649 г. деревянный крест. Надпись на нём гласит: «Здесь возвели крест Христа на языческом севере».

Спустя десять лет после своего появления Корсхольм уже был пристанищем немецких пиратов-виталийцев — причём не просто их базой, а настоящей столицей. Правда, проживали они здесь всего 4 года, поскольку в 1399 г. эти земли были завоёваны датской королевой Маргретой. После 50 лет перехода замка из рук в руки он снова оказался во власти Короны в 1467 г., став одним из королевских складов. О том, как выглядел замок или его укрепления, сведений не сохранилось — известно лишь, что сам холм, на котором он возвышался, был искусственно создан местными жителями.

Виталийские братья, или виталийцы, появились в конце XIV в. в Балтийском и Северном морях. Их появление обычно связывают с датской королевой Маргретой I (1353—1412), захватившей практически всю Швецию, — не подчинился ей только Стокгольм, обороняемый горожанами, большая часть которых была немцами.

В 1391 г. войска королевы начали осаду шведской столицы, и некоторые дружественные шведам мекленбургские и немецкие города заявили, что их гавани открыты для любого, кто «на свой страх и риск осмелится наносить ущерб Датскому королевству». В том же году Балтийское море облюбовали пираты, называвшие себя виталийцами.

Долгое время виталийским братьям удавалось практически беспрепятственно оказывать помощь Стокгольму, снабжая его продовольствием (отсюда, возможно, и пошло

название пиратского общества: в переводе с нижненемецкого *vitalie* значит «провиант»), и одновременно разграблять важные датские поселения.

Правда, уже к концу 90-х гг. пираты начали нападать не только на врагов, но и на друзей. Не помогло и заключение мирного договора: виталийцам так понравилось собственное дело, что они продолжили полную приключений жизнь, избрав новый девиз: «Друзья Господа и враги всех».

Поскольку шведские и немецкие берега уже не были столь дружественно настроены по отношению к пиратам, разбойникам пришлось перебраться на Готланд и освоить финское побережье, где им покровительствовал сын Бу Юнссона Грина Кнут Буссон. Виталийцам довольно быстро удалось захватить ряд финских крепостей — в частности, Выборгскую и Абоскую. Позднее пираты были вытеснены в Северное море, где продолжали нагонять ужас на суда вплоть до 30-х гг. XV в.

Во время Русско-шведской войны 1554—1557 гг. Корсхольм стал одним из ключевых мест обороны северо-восточных государственных границ Швеции во многом благодаря Густаву Васе, спо-

Хельсинки

собствовавшему укреплению и расширению финских замков, однако после окончания войны Корсхольм оказался ненужным.

Вместе с тем в документах перестают упоминать и Корсхольмский замок — теперь говорить начинают об основанном Васой королевском скотном дворе, «послужившем образцом для всех подобных сооружений местных крестьян». Те, глядя на устройство нового двора, должны были получать знания о ведении сельского хозяйства и необходимости чередования культур, создавать новые орудия труда и скрещивать своих лошадей и коров с представителями более благородных пород, дабы улучшить экономическую ситуацию. Всё это в немалой степени способствовало зарождению в Корсхольме Института сельского хозяйства, сегодня охватывающего территорию в 700 га.

Королевский скотный двор появился с единственной целью: обеспечить снабжение Корсхольма продовольствием. Королевский «двор» охватывал несколько лугов и полей недалеко от замка. Поголовье набиралось за счёт скота священников и иных обеспеченных лиц, которые, согласно закону, должны были бесплатно, по мере возможности, предоставлять животных Королевскому двору. Таким же образом собирали и предметы домашней утвари.

Вплоть до конца Второй мировой войны жизнь Корсхольма зависела от сельского хозяйства, и лишь в 30-е гг. XX в. здесь начали появляться промышленные предприятия. Большую роль играла молочная отрасль и рыболовство.

Сегодня значение сельского хозяйства в жизни Корсхольма уменьшилось: большая часть населения коммуны работает в Ваасе, что позволяет им причислять себя к среднему классу и проживать в собственных домах.

В 1606 г. Карл IX основал у одной из старейших гаваней и торговых пунктов восточной Финляндии город, получивший величественное название Вааса, и на протяжении всего XVII в. торговля, особенно дёгтем, оставалась столь оживлённой, что некоторые жители города сколотили себе неплохое состояние.

В середине XVII в. бывший Корсхольмский замок был присоединён к Ваасе. К тому моменту замок являлся резиденцией губернатора, а потому имел довольно представительный средневековый вид: высокие стены, скатные крыши и небольшие окна — именно так он выглядит на одной из карт города, составленной в середине XVIII в.

Вааса

Тогда же у Корсхольма появились новые черты, представить себе которые можно по сохранившимся чертежам. В самом городе открылась первая в Финляндии библиотека, были основаны больница и верховный суд — оба вторые в стране. Больница функционирует до сих пор. Началось процветание торговли, а в середине XIX в. в Ваасе построили крупнейшую в Скандинавии частную парусную флотилию.

Во время войн с Россией город не раз подвергался нападениям русских и переживал неурожайные годы, и некоторые местные жители даже были вынуждены бежать в Швецию. Однако никакие набеги не нанесли Ваасе такого ущерба, как вспыхнувший в 1852 г. пожар. Обвинили в этом простого посетителя базара, задремавшего в одном из сараев местного советника Аурена и случайно уронившего на солому свою трубку.

Новый город начали возводить в 6 км от старого, ближе к берегу. Валы Корсхольмского замка, развалины церкви Святой Марии, а также бывшее здание Верховного суда, ставшее новой церковью, остались за городской чертой, превратившись, однако, в притягательную туристскую достопримечательность.

Квидья и Свидья — замки любимца Густава Васы

Частное владение Квидья, расположенное в городе Пайранен, — один из немногих каменных замков средневековой Финляндии. Сегодня историки сходятся на том, что первым его владельцем был голландский купец Петер Ван дер Линден, но это первенство оспаривают епископ абоский Магнус Тавастский и его племянник,

после которых в 1477 г. каменное имущество перешло к Юакиму Флемингу. Это было как раз то время, когда представителям благородных семейств король только-только разрешил возводить собственные каменные замки, чем хозяева Квидьи не преминули воспользоваться.

До сих пор турист может видеть хмурое четырёхугольное строение, изначально двухэтажное, но уже столетие спустя расширенное до четырёхэтажного. Вокруг ютились подсобные деревянные помещения, в которых, судя по всему, люди проживали не только в летнее, но и в зимнее время — каменный особняк предназначался исключительно для принятия гостей да для защиты местных земель от неприятельских набегов.

В целом в первые годы своего существования каменный дом был непригоден для жилья: слишком тёмный и холодный, он оставался таковым вплоть до XVI в., когда в Швеции (а, соответственно, и в Финляндии) стали появляться стеклянные окна и кирпичные печки — последние были новшеством Европы XV в. О том, что в Финляндию печи пришли именно из Европы, свидетельствуют археологические находки: в Квидье были найдены богато украшенные кусочки голландских печей, датируемые XV—XVI вв.

Как только в суровом борге стало возможным проживать, сюда стали наведываться именитые гости. Самым значимым был посетивший Квидью в 1556 г. Густав Васа.

Впервые Свидья близ Сиунтио упоминается в документе, датированном XV в., — здесь находился довольно крупный крестьянский хутор, однако настоящая жизнь в этих краях началась только столетие спустя, когда хозяином Свидьи стал Эрик Флеминг.

То, что новое творение совмещало в себе фортификационное сооружение и жилое помещение, было очевидным — таково было требование, предъявлявшееся ко всем замкам того времени. Стены достигали метра в толщину, а вместо окон были лишь узкие отверстия.

Свидья оставался у рода Флемингов вплоть до 30-х гг. XVIII в., после чего он менял хозяев, словно перчатки, пока не оказался у семьи Реутерхольм. Один из её представителей служил советником герцога Карла, брата Густава III, и был известен своей страстью к мистике и оккультизму. Последний из рода Реутерхольмов распорядился продать всё имение Свидья, поскольку в 1809 г. Финляндия перестала быть частью Шведского королевства. Всё, принадлежав-

шее семейству, должно было быть перевезено в Швецию — даже гробы всех захороненных в Сиунтио Реутерхольмов завещалось переправить в соседнее государство.

Снова Свидья стал переходить из рук в руки, и только в 1898 г. замок оказался у Августа Вреде, желавшего придать новому владению его первоначальный средневековый вид. Однако разорившийся в 1934 г. Август был вынужден продать Свидью государству, в распоряжении которого дом остаётся по сей день. Сегодня замок в значительной степени выглядит так, как этого хотел его последний частный владелец Август Вреде.

В отреставрированном подвале XVI в. планируется разместить выставочные экспозиции; в основном здании собираются открыть помещения для проведения семинаров и встреч, а также создать несколько гостевых комнат, где могли бы ночевать исследователи, археологи, историки и т.п. Для пышных банкетов можно использовать рыцарский зал Августа Вреде.

Основная деятельность сегодняшнего замка Свидья всё же направлена на поддержание и развитие сельского хозяйства: 860 га земли, из которых 270 занимают пахотные поля, да 70 коров на данный момент являются основной статьёй приносимого замком дохода.

Вильнэс (Лоухисаари)

Как и положено респектабельному жилищу средневекового аристократа, Лоухисаари (шведское название — Вильнэс) расположен у небольшого залива и окружён огромным парком в английском стиле.

Первые упоминания о Лоухисаари встречаются в 1655 г., когда было завершено знакомое сегодняшнему туристу здание в стиле позднего итальянского ренессанса, пришедшего в Швецию — Финляндию из Голландии в 1640-х гг. Наравне с построенным двадцатью годами позже Сарвлаксом Вильнэс является единственным представителем подобной архитектуры в стране.

Поскольку речь идёт об усадьбе знатного человека, можно предположить, что на её месте прежде располагалось другое строе-

ние, скорее всего, каменное: доказательством послужил гранитный погреб юго-восточного крыла, датируемый XVI в., да планировка дома, также соответствующая идеалам 1500-х гг. Над входом латинская надпись рассказывает о том, что возведён дворец был Херманом Флемингом (1619—1673) — он и является первым официальным хозяином новой резиденции.

В услужении у Хермана Флеминга находился человек (вероятно, секретарь), записавший в своём дневнике, что в 1653—1655 гг. в летнее время каменщики и плотники направлялись из шведских владений Флеминга в Вильнэс. Секретарь сам несколько раз бывал в Финляндии, чтобы проследить за тем, как продвигается работа. Флеминг же за время строительства посещал будущее имение всего дважды, и каждый раз заблаговременно в Вильнэс посылались женщины, дабы «создать в поместье ощущение обжитости».

Все строения на территории замка подчиняются правилам строгой симметрии: главное здание с двумя расположенными симметрично низкими флигелями образуют замковый двор, защищённый высокой кирпичной стеной. Стену, правда, позднее заменили решёткой, когда в моду вошёл стиль рококо. Но, как уже было сказано, планировка дома оставалась средневековой: первый этаж был полностью отдан слугам и подсобным и складским помещениям.

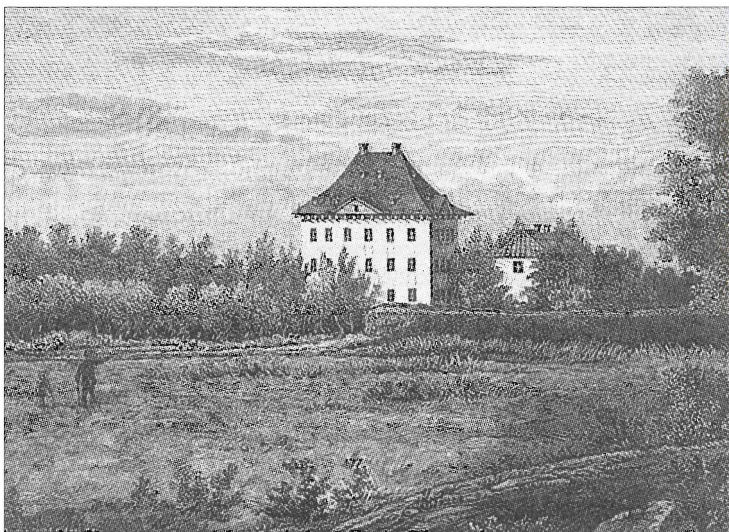
Из соображений безопасности в замке сделали только один выход — он же главный вход, ведущий из центрального зала в замковый двор. На втором этаже располагались спальни хозяев, а третий этаж был отведён под торжества. По большому счёту, облик имения не изменился с момента его возведения, хотя, конечно, новые веяния не могли не оставить свой след — но в данном случае это коснулось прежде всего домашней утвари.

Сейчас практически ничего не известно о первоначальном убранстве дома — остаётся лишь догадываться, что богатые Флеминги постарались придать своему жилищу соответствующий их статусу и финансовым возможностям вид. Сегодня приходится «довольствоваться» мебелью, купленной Национальным музеем в других имениях западной Финляндии, а также у представителей рода Маннергейм, какое-то время также являвшимся хозяином замка. Как бы то ни было, сегодня в замке можно познакомиться со стилями, характерными для XVII, XVIII и XIX вв.

Когда говорят о Лоухисаари, обычно выделяют два периода его истории: три сотни лет, когда он принадлежал роду Флемингов, и столетие во власти Маннергеймов (кстати, именно здесь в 1867 г. родился выдающийся фельдмаршал и президент Финляндии Карл Густав Маннергейм). Первые 60 лет XX в., когда хозяином замка была семья Ханнус, выглядят столь блекло, что даже не принимаются всерьёз.

Земли Вильнэса попали к Флемингам относительно случайно: дочь первого владельца этих краёв стала в середине XV в. супругой Магнуса Флеминга. Наибольшей значимости и уважения в Швеции Флеминги достигли уже к XVI в. и удерживали славу одних из самых влиятельных лиц королевства на протяжении двух столетий. Самыми известными стали, пожалуй, верный слуга Густава Васы Херман Флеминг, занимавший среди прочего посты коменданта Выборга, Хяме и Ревеля (ныне Таллинна), и его внук Клас Флеминг. Сын Класа, адмирал и генерал-губернатор Финляндии Херман как раз и был тем, кто построил замок Вильнэс.

Лоухисаари

Херман сделал блестящую военную карьеру и особенно сблизился с Карлом IX, благодаря чему оказался при нём председателем коллегии по редукции земель. Участие в подобной реформе сделало Хермана предметом ненависти всего дворянского сословия, и после смерти монарха его лишили привлекательной должности сборщика налогов и отстранили от регентского правления. Ему пришлось довольствоваться лишь своим губернаторским постом в Финляндии.

Последующие члены знатного рода Флемингов не рассматривали Лоухисаари как постоянную резиденцию, в результате чего имение пришло в сильное запустение. В середине XVIII в., правда, замок был приведён в должное состояние, и «последний богатый Флеминг», Херман Классон, вёл здесь пышную жизнь, ни в чём не уступавшую придворной. Наделав множество долгов, Херман был вынужден продать наследственное имение в 1791 г.

Вильнэс сменил несколько владельцев, пока покупателем не стал первый поселившийся в Финляндии представитель рода Маннергеймов — майор Карл Эрик. Ему было доверено заняться укреплением автономных позиций Финляндии, и за выдающиеся заслуги в административной области в 1824 г. Карл Эрик был возведён в графы.

В Лоухисаари Маннергейм переехал в 1796 г., сразу после женитьбы. Его супруга Вендла София искренне интересовалась сельским хозяйством и уходом за садами. При ней от замка к местной церкви протянулась берёзовая аллея, а около самого Вильнэса вырос английский парк с прудами и тропками для прогулок. Замок находился во владении Маннергеймов с 1795 г. по 1903 г.

ФОРПОСТЫ РУССКОЙ ФИНЛЯНДИИ

Тааветти (Давыдовская крепость)

Тааветти относится к тем редким финским цитаделям, что не имеют шведского названия, — зато у неё есть русское имя: Давыдовская крепость. Связан сей примечательный факт с тем, что её

возводили не шведы, как это обычно бывало, а русские: императрица Екатерина II ясно осознавала, что новый российский форпост стоило расположить на пересечении важнейших дорог, по которым неизменно передвигались как русские, так и шведские войска, как всегда находившиеся на грани войны.

В 1773 г. Екатерина основала гарнизонный город Давыдов, представлявший собой соединённые низкой куртиной бастионы везде, кроме северной стороны, где находилась цитадель с внутренним двором и рavelином. Разместились здесь в основном русские: финские крестьяне из соседней деревушки составляли лишь небольшую долю «местного населения».

Внутреннее устройство крепости было окончательно завершено только к 1796 г., когда здесь, как и во всех других финских фортах, были проведены требовавшиеся усовершенствования и реставрационные работы. Усилия, однако, пропали даром: уже в 1803 г. русские покинули крепость — частично потому, что сменявшие друг друга наследники российского престола едва ли были заинтересованы в северных крепостях и не уделяли им должного внимания. Тааветти сперва понизили в ранге, а затем, после вхождения Финляндии в состав России, и вовсе забросили.

В 1829 г. некоторые гарнизонные сооружения были проданы с аукциона, и больше столетия крепость простояла в забвении, пока здесь в 1980-х гг. не началась реставрация. Восстановительными работами едва ли можно было назвать: это скорее было строительство заново, поскольку многие бастионы были уничтожены, когда муниципальный центр Луумяки достиг крепостных стен.

Сейчас на территории Тааветти в летнее время проходят концерты, в том числе посвящённые дню Луумяки.

Кюменлинна

Крепость Кюменлинна, расположенная в Котке, задумывалась как часть юго-восточной приграничной фортификационной системы Финляндии после Русско-шведской войны 1788—1790 гг. Вна-

чале, в 1791—1795 гг., здесь появился деревянно-земляной бастион диаметром несколько сот метров, построенный под руководством самого Александра Суворова, сменённого затем генералом голландского происхождения Яном Питером Ван Сухтеленом. От суворовских укреплений не осталось практически ничего: их заменили новой крепостью, по размерам в 6 раз превосходящей прежнюю. Случилось это уже в 1803—1808 гг.

Кюменлинна была не единственной крепостью, ответственным за обновление которой был назначен А.В. Суворов, а затем Ван Сухтелен. Взять, к примеру, Фредриксхамн (Хамина), прославившийся на весь мир благодаря подписанному в нём в 1809 г. мирному договору между Швецией и Россией, по которому вся Финляндия, включая Аландские острова, отходила к последней.

Хамину основали в 1721 г. на месте разрушенного во время Северной войны средневекового торгового пункта Вехкалахти. Архитектором был генерал Аксель Лёвен, создавший шесть бастионов, образовывавших практически идеально ровный круг.

Хамина

После заключения Абоского мира в 1743 г. Фредриксхамн оказался на территории России, и спустя 50 лет его расширили в соответствии с установленным планом обороны Санкт-Петербурга. В 1803 г. под руководством генерала Петера Ван Сухтелена сооружается огромный центральный бастион — крупнейший павильон подобного рода в Европе.

Несмотря на безжалостную атаку англо-французской флотилии, уничтожившей множество прибрежных городов Ботнического и Финского заливов, да на несколько пожаров в XIX в., Хамине в целом удалось сохранить большую часть своих уникальных деревянных строений, домов жителей горожан, церквей и даже парк — всё это создаёт неповторимый облик старейшего в Финляндии гарнизонного города.

Перестраивать крепость начали после того, как её лично осмотрел император Александр I. Кюменлинну он нашёл малопригодной для военных действий — теперь бастионную систему следовало заменить капонирами. Диаметр крепости увеличили до 800 м, а вся территория форта охватывала почти 74 га (сейчас восточную часть бывшей крепости отрезали построенные в XIX—XX вв. автодорога и железная дорога), на которых сохранилось 23 постройки — в основном деревянные времянки для размещавшихся здесь русских.

Надо сказать, что на Кюменлинну возлагались большие надежды: она была рассчитана на длительное сдерживание натиска врага, не требуя при этом помощи извне. В своё время крепость расценивали почти как вечную, планируя в будущем использовать её в качестве склада.

Когда разразилась очередная война, Кюменлинна ещё не была полностью завершена, а после того как границы между Россией и Швецией вновь изменились, крепость потеряла своё стратегическое значение, хотя русский гарнизон и размещался здесь вплоть до 1917 г.

За это время Кюменлинну, по большому счёту, не трогали — да и надобности в этом не было: она не видела даже Крымскую войну, и это несмотря на то, что созданная ей в помощь морская крепость Руотсинсалми была разрушена!

Вместе Кюменлинна и Руотсинсальми должны были составить двойное укрепление, обеспечивавшее надёжную охрану от нападений с моря и суши. В этой цепи Кюменлинна заботилась о соседи-Руотсинсальми, не подпуская к нему сухопутные войска с главной Королевской дороги Финляндии.

Инициатором строительства была императрица Екатерина II, желавшая защитить Санкт-Петербург при помощи трёх рядов фортификационных сооружений; главным форпостом внешнего ряда должна была стать морская крепость Руотсинсальми. Строительство началось в 1790 г. и продолжалось 6 лет.

Первым на свет появился Екатерининский форт, где сегодня можно познакомиться с историей оборонительных сооружений того времени, когда они ещё были гарнизонным укреплением. За Екатерининским последовал Елизаветинский форт (Вариссаари), с восстанавливаемых развалин которого открывается чудесный вид на то самое место, где в 1789—1790 гг. состоялось решающее морское сражение шведов и русских. В память о нём представлены различные предметы одного из затонувших здесь фрегатов. Наконец, форт Слава — круглое каменное сооружение, облицованное красным кирпичом, появившееся в 1794 г. на искусственно расширенном острове Кукоури.

После того как в 1830-х гг. крепость Руотсинсальми была разрушена, а на её месте вырос городок Котка, в форт Слава перевезли небольшое количество солдат, дабы те охраняли финские воды. Одновременно цитадель служила тюрьмой. Во время Крымской войны в 1855 г. англо-французская флотилия разрушила опустевшую крепость, но сейчас она частично восстановлена и открыта для туристов.

Во время гражданской войны в Финляндии Кюменлинна стала местом подготовки красновардейцев, и в апреле 1918 г. крепость первый (и пока единственный) раз увидела настоящее сражение, когда немецкие войска атаковали расквартированную здесь финскую красную армию. Это событие так впечатлило финнов, что позднее известный уроженец Котки писатель, поэт и музыкант Вейкко Лави сложил о нём песню — «Балладу о Вилли Хайнце», немце, погиб-

шем при штурме и похороненном на старом городском кладбище.

С 1922 г. в Кюменлинне размещались беженцы из СССР, а с наступлением Второй мировой войны крепость прошла довольно стандартный путь: она использовалась под различные нужды, в том числе и как госпиталь для больных туберкулёзом, пока, наконец, в 2005 г. не была объявлена полностью демилитаризованной зоной — теперь Кюменлинну усиленно подготавливают к проведению различных культурных мероприятий и превращают в туристский центр. Первые экскурсии уже проводятся — пока, правда, попасть на территорию крепости можно только в составе экскурсионной группы.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ РЕЗИДЕНЦИИ: ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ДВОРЕЦ — КУЛТАРАНТА — МЯНТИНИЕМИ

Говорить о финских крепостях и замках и не упомянуть важнейшие из них — те, что напрямую связаны с нынешними правителями страны, — было бы непростительной ошибкой. Финляндия является республикой, во главе которой стоит президент (ныне это Тарья Халонен), в чьём распоряжении находится три официальных резиденции: летний замок Култаранта близ Наантали, а также президентский дворец и дворец Мянтиниеми в Хельсинки.

С исторической точки зрения Президентский дворец довольно молод: ему всего-навсего 190 лет, ведь он был построен в 1820 г., но его жизнь насыщена событиями не менее важными и интересными, чем королевских резиденций других стран.

В 1809 г. Финляндия перестала быть частью Швеции, став автономным княжеством в составе Российской империи. Как раз тогда фабрикант, торговец и судовладелец Юхан Хенрик Хейденстраух (1776—1847) нанял известного своими фортификационными проектами архитектора Пера Гранстедта, дабы тот в южной гавани города возвёл для богача жильё, не уступающее по величине и красоте торговой палате.

После того как чертежи были исправлены и одобрены работавшим в Санкт-Петербурге итальянским архитектором Джако-

Президентский дворец Финляндии

мо Кваренги (1744—1817), в одном из наиболее притягательных в экономическом плане мест Хельсинки был построен дом, в котором помимо жилых комнат находились торговые и складские помещения.

Однако вдоволь насладиться жизнью в новой резиденции Юхану Хенрику не удалось: в 1837 г. власти пришли к выводу, что его дом как нельзя лучше подходит для Великого князя Финляндского. Была лишь одна проблема: размеры дома не подходили для такой высокопоставленной особы, и после покупки бывшее жилище Хейденстрауха было значительно расширено и перестроено (сегодня площадь дворца составляет 3000 квадратных метров).

Архитектором был назначен Карл Людвиг Энгель (1778—1840), который также занимался новой планировкой всего городского центра, находясь под влиянием неоклассицизма. При Энгеле во дворце появилась церковь, зал для балов, гостиная и кухня с собственными помещениями. Одновременно были построены флигели для прислуги и стражи. Всё было готово к 1845 г.

В 1876 г. в Хельсинки проходила промышленная выставка, и город удостоил посещением император Александр II со всем своим семейством. Ради такого события во дворце вновь пришлось произвести некоторые изменения: в частности, в бальном зале, где проходила церемония открытия, установили царский трон. Были куплены различные произведения искусства и дополнительные столовые сервизы.

Императорская свита на сей раз была столь велика, что часть людей пришлось поселить у самых богатых жителей Хельсинки. Это послужило толчком к принятию решения о новом расширении дворца к следующему приезду императора, запланированному на 1885 г. Александр III, однако, не одобрил данные планы, и об очередном строительстве пришлось забыть на 20 лет.

В 1906 г. дворец снова изменили: был увеличен зал для приёмов, появился атриум и новый вход. Однако всего этого императорской семье уже не было суждено увидеть, поскольку Первая мировая война и революция, совпавшая с национально-освободительным движением финнов, были не самым благоприятным временем для приезда в Хельсинки. В помещениях дворца устроили военный госпиталь, сменившийся позднее солдатским штабом, и только в 1921 г. дворец стал резиденцией президента Финляндской Республики.

После необходимой реставрации дворец стал настоящим музеем, отражающим смену стилей за период его существования, однако наиболее ярко представлена эпоха петербургского ампира. Сегодня во дворце находятся рабочие кабинеты и канцелярия президента, здесь проходят ежегодные встречи в честь независимости Финляндии, а также иные мероприятия, требующие представительского блеска. Дважды в неделю по дворцу проводятся экскурсии.

Помимо Президентского дворца в распоряжении главы финского государства находится летняя резиденция — расположенный на острове Луоннонмаа близ Наантали замок Култаранта (или Гульярнда, что значит «Золотой берег»), прилегающая территория

Култаранта в 1920 г.

которого составляет 54 га. Вокруг гранитного замка, насчитывающего 19 комнат, раскинулись прекрасные оранжереи и парки, давно названные Версалем в миниатюре, сердцем которых является розовый сад с более чем 3500 роз.

Деревушка Култаранта известна с XV в. благодаря Биргитинскому монастырю, но только в начале XX в. эта известность стала, что называется, «мировой»: в 1914 г. советник по делам сельского хозяйства Альфред Корделин (1868—1917) решил возвести здесь замок.

В нём, однако, министру довелось провести лишь несколько летних сезонов — скоропостижная смерть положила конец частному владению архитектурным шедевром. Уже в 1922 г. здание было куплено государством и объявлено летней резиденцией президента. Единственным, кто не воспользовался правом проживать здесь, был Густав Маннергейм.

Карл Густав Маннергейм (1867—1951) — выдающийся финский военный и государственный деятель, президент Финляндии в 1944—1946 гг., происходил из шведского рода, один из представителей кото-

Карл Густав Маннергейм

рого принимал активное участие в переговорах по утверждению автономного статуса Финляндии, после чего для всех Маннергеймов стала характерна прорусская ориентация.

Как никто другой Карл Густав способствовал провозглашению независимости Финляндии. Он участвовал в нескольких войнах, принёсших ему высокие военные посты, а также предпринял экспедицию в Китай, после которой стал членом Русского географического общества.

В 1946 г. Маннергейм подал в отставку в связи с сильным ухудшением здоровья и по совету врачей отправился на лечение в Южную Европу, где начал писать мемуары, два тома которых были полностью готовы к 1951 г.

Туристам, приезжающим в Култаранту, не позволено посещать ни одну из 19 комнат замка, поскольку считается, что только здесь президент может побыть в уединении и отдохнуть от государственных забот, но каждый желающий может прогуляться по одному из самых больших парков страны.

В центре располагается так называемый Медальон, окружённый изгородью из остриженных елей. Северная часть парка осталась практически нетронутой — исключение составили лишь появившиеся здесь песчаные дорожки. Около 1000 квадратных метров Култаранты отведены под оранжереи, где выращивают цветы и овощи для президента.

Третьей резиденцией президента Финляндии является Мянтиниеми (Mäntyniemi) — первый дворец, созданный специально для президента Финляндии. Если глава государства Мауно Койви-сто (род. 1923 г.) большую часть своей 12-летней президентской деятельности (1982—1994) проживал в Президентском дворце,

то нынешний президент, Тарья Халонен, предпочитает Мянтиниеми.

Всё началось, когда в 1981 г. 81-летний президент Урхо Кекконен по состоянию здоровья был вынужден покинуть свой пост, который он занимал с 1956 г., и правительство приняло решение о предоставлении бывшему правителю права остаться жить в резиденции Тамминиеми, а для будущих первых лиц государства построить что-то новое.

Проект новой резиденции утверждали на конкурсной основе. Из 203 поступивших предложений абсолютным победителем стали эскизы Реймы и Райли Пиеттиля, названные Кииллемеэени. Эта работа стала последней в жизни знаменитых архитекторов.

Работы возведению новой резиденции были завершены к 1993 г. Территория, выделенная под будущее место жительства, составляла 2,8 га, сам же дворец занял только 2200 квадратных метров, из которых собственно президенту предназначено чуть больше половины — остальное было поделено между канцелярией и обслуживающими, складскими и техническими помещениями. Первыми жителями нового дворца стали президент Мауно Койвисто с супругой.

В здании насчитывается 300 окон разного размера, 190 дверей, 180 из которых — различных моделей. Материал также варьируется: здание возводилось из финского гранита, стекла, жести, бетона и берёзы. Внутреннее убранство дворца изначально должно было быть выполнено в едином стиле: мебель, текстиль, столовые приборы — всё подбиралось специально для президентской резиденции. Для отбора произведений искусства были устроены многочисленные конкурсы.

Не забыли при строительстве и о прилегающей к резиденции территории, также ставшей гармоничной частью проекта. Глав-

*Президент Финляндии
Тарья Халонен*

Мянтиниеми

ной задачей было сохранить как можно больше изначально существовавшей здесь растительности, а одно из деревьев, давших название самому местечку (Мянтиниеми буквально значит «Сосновый мыс»), находится прямо у ведущей к террасе лестницы. Всё это невообразимое великолепие финской фантазии можно увидеть во время постоянно организуемых в летнее время экскурсий.

И ЕЩЁ КОЕ-ЧТО...

Обо всех замках и крепостях Швеции и Финляндии рассказать в одной книге невозможно — ведь только в южной провинции Сконе их больше сотни. Хотя судьба многих замков и крепостей складывалась схожим образом — верно отслужив резиденцией монархам или дворянам, крепости и замки предоставляли свои помещения тюрьмам и складам, пока наконец их не превратили в музеи — каждый замок имеет свою историю, архитектуру, интерьер, в каждом есть своя изюминка.

Например, дворец Таксинге-Нэсбю (Taxinge-Näsby) знаменит своим кафе, где представлен самый широкий в Европе ассортимент выпечки: ежедневно здесь предлагается не менее 40—50 различных сортов печений, пирожных, булочек и тортов. В южной Швеции сохранились не типичные для страны «сказочные» фасады с башенками и ступенчатыми крышами. А Финляндия известна угрюмыми средневековыми боргами.

Кафе во дворце Таксинге

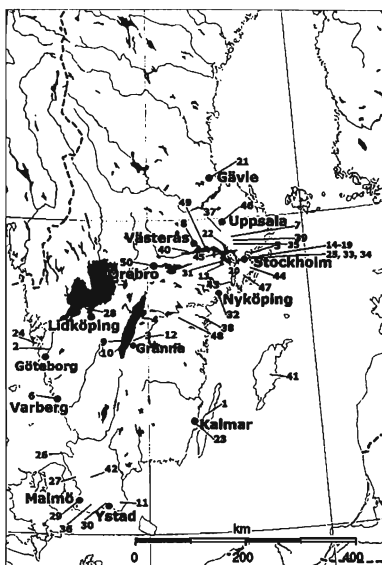
Многие скандинавские замки являются сегодня частными владениями, и попасть туда можно лишь по особым дням либо по предварительному запросу — благо, и финны, и шведы, несмотря на расхожее мнение об их замкнутости, часто с радостью и готовностью демонстрируют свои дома.

Большой популярностью пользуется также проведение конференций в подобных зданиях: предприятия активно арендуют целиком весь дворец на несколько дней, дабы любой служащий смог ощутить королевские условия жизни.

Наконец, популярность таких конференц-отелей побудила многих замковладельцев перестроить свои хоромы в «обычные» гостиницы, теперь доступные туристам со всего мира, — ведь как приятно провести выходной в той самой комнате, где когда-то проживал один из самых богатых людей страны — а, быть может, и сам монарх...

Алфавитный указатель замков и крепостей Швеции

- 1 Боргхольм (Borgholm)
- 2 Бохус (Bohus)
- 3 Брахехюс (Brahehus)
- 4 Вадстена (Vadstena)
- 5 Ваксхольм (Vaxholm)
- 6 Варберг (Varberg)
- 7 Веннгарн (Venngarn)
- 8 Вестеросский замок (Västerås)
- 9 Висингсборг (Visingsborg)
- 10 Висингсёборг/Нэс
(Visingsöborg/Näs)
- 11 Глиммингехюс
(Glimmingehus)
- 12 Грипенберг (Gripenberg)
- 13 Грипсхольм (Gripsholm)
- 14 Дворец Врангеля
(Wrangelska palatset)
- 15 Дворец Ларса Спарре/
Врангеля — Стокгольм
- 16 Дворец Луи де Геера/
Дом Эббы Браре (Louis
de Geers palats/Ebba
Brahes palats)
- 17 Дворец Тессина
(Tessinska palatset)
- 18 Дворец фон дер Линде
(von der Lindeska palatset)
- 19 Дворец четы фон Хальвил
(Hallwylska palatset)
- 20 Дроттнингхольм (Дроттнинг-
хольмский театр, Китайский па-
вильон, Парк и окрестности
Дроттнингхольма)
- 21 Евле (Gävle)
- 22 Йорвэльн (Görvåln)
- 23 Кальмар (Kalmar slott)
- 24 Карлстен (Carlsten)
- 25 Королевский дворец
(Kungliga slottet)
- 26 Крапперуп (Krapperrup)
- 27 Ландскруна (Landskrona)
- 28 Лэккё (Läckö)
- 29 Мальмёхюс (Malmöhus)
- 30 Марсвинсхольм
(Marsvinsholm)

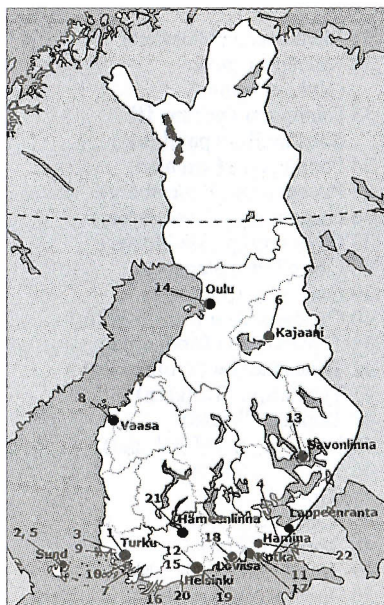

- 31 Мельсокер (Mälsåker)
- 32 Нючёпингсхюс
(Nyköpingshus)
- 33 Павильон Густава III
(Gustav III: s paviljong)
- 34 Росендаль (Rosendal)
- 35 Русерсберг (Rosersberg)
- 36 Сванехольм (Svaneholm)
- 37 Скуклостер (Skokloster)
- 38 Стегеборг (Stegeborg)
- 39 Стенинге (Steninge)
- 40 Стрёмсхольм (Strömsholm)
- 41 Торсбурген (Torsburgen)
- 42 Троллехольм (Trolleholm)
- 43 Тульгарн (Tullgarn)
- 44 Тюресё (Tyresö)
- 45 Ульриксдаль (Ulriksdal)
- 46 Упсальский замок
(Uppsala slott)
- 47 Хэринге (Häringe)
- 48 Экенэс (Ekenäs)
- 49 Энгсё (Ängsö/Engsö)
- 50 Эребру (Örebro slott)

Алфавитный указатель замков и крепостей Финляндии

1 Абоский замок/Турку
(Åbo/Turuun linna)	9 Култаранта (Kultaranta)
2 Бомарсунд (Bomarsund)	10 Кустё/Куусисто
(Kustö/Kuusisto)
3 Вильнэс/Лоухисаари
(Villnäs/Louhisaari)	11 Кюменлинна (Kymnlinna)
Ландскрона (Landskrone)
4 Давыдовская крепость/
Тааветти (Taavetti)	12 Мянтиниemi (Mäntyniemi)
5 Кастельхольм
(Kastelholm/Kastelholma)	13 Олафсборг/Олавинлинна
(Olofsborg/Olavinlinna)
6 Каяни (Kajaneborg/
Kajaanin linna)	14 Оулу/Улеоборг
(Oulu/Uleåborg)
7 Квидья (Qvidja)	15 Президентский дворец
8 Корсхольм/
Мустасаари (Korsholm/
Mustasaari)	16 Расеборгский замок
(Raseborg/Raasepori)
	17 Руотсинсальми (Ruotsinsalmi)
	18 Свартхольм (Svartholm/
Svartholman merilinnoitus)
	19 Свеаборг/Суоменлинна
(Sveaborg/Suomenlinna)
	20 Свидья (Svidja)
	21 Тавастехус/Хяме (Tavastehus/
Hämeen linna)
	22 Фредрикшамн/Хамина
(Fredrikshamn/Hamina)

СОДЕРЖАНИЕ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!.....	5
Глава I. НА ПЕРИФЕРИИ ЕВРОПЫ.....	7
Древнейшие скандинавские укрепления.....	12
Глава II. ЗАМКИ И КРЕПОСТИ ШВЕЦИИ.....	20
Бастионы шведского побережья.....	34
Датское наследие: замки и крепости Южной Швеции	53
Память о великом прошлом.....	78
Васаборги: замки Густава Васы и его сыновей.....	92
Королевские дворцы Швеции.....	111
Дворянские гнезда.....	148
Приюты для знати	189
Дворцы Стокгольма	203
Золотое кольцо Швеции: замки озера Меларен.....	213
Глава III. ЗАМКИ И КРЕПОСТИ ФИНЛЯНДИИ.....	230
Древнейшие замки Финляндии.....	240
Морские крепости Финляндии	267
Финские замки знати	291
Форпосты русской Финляндии.....	303
Президентские резиденции: Президентский дворец —Култаранта — Мянтиниеми.....	308
И ЕЩЁ КОЕ-ЧТО.....	315
Алфавитный указатель замков и крепостей Швеции	317
Алфавитный указатель замков и крепостей Финляндии.....	318

Научно-популярное издание
Исторический путеводитель

Антонова Юлия Викторовна

ЗАМКИ И КРЕПОСТИ ШВЕЦИИ И ФИНЛЯНДИИ

Автор идеи и проекта *С.М. Бурязин*
Редактор *Н.Н. Непомнящий*
Корректор *Тумян Б.С.*
Верстка *И.В. Хренов*

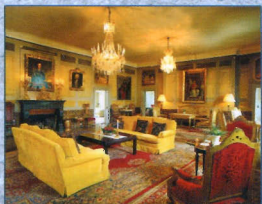
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — *Д.В. Грушин*

ООО «Издательский дом «Вече»
Почтовый адрес:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 20.01.2010. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура «LazurskiC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Тираж 4000 экз. Заказ О-309.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПКИ «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Когда говорят о дворцах и замках, редко вспоминают о таких странах, как Швеция и Финляндия. Это не справедливо: здесь сохранились и величественные руины повывавших немало отчаянных схваток крепостей, и суровые средневековые борги, и романтические дворцы.

В предлагаемой вашему вниманию книге рассказывается о насыщенной событиями истории наиболее интересных замков и крепостей Финляндии и Швеции. Причём это не только известные большинству туристов Абоский замок в Турку, Свеаборг близ Хельсинки или королевская резиденция Дротнингхольм под Стокгольмом, но и по неясным причинам остающиеся в тени такие произведения искусства, как Стенинге, Троллехольм, Хяме и многие, многие другие. Прочитав эту книгу, путешественник откроет для себя неизведанный, но захватывающий и манящий мир скандинавской замковой архитектуры.

ISBN 978-5-9533-4204-9

9 785953 342049

